Конан
КОНАН
И ПРИЗРАКИ
ПРОШЛОГО
Северо-Запад

Annotation

Сага о Конане. Том 23.

- Дункан Мак-Грегор
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  -

Дункан Мак-Грегор
Конан и призраки прошлого

Глава 1

Яркое оранжевое солнце — божественное око Митры — медленно, величаво поднималось над землей, вытесняя ночь за горизонт; мягкие теплые лучи проникали во дворцы, в дома, в хижины, в норы, согревали и пробуждали, обещая ясный день и чистое небо. Ночь, потерявшая свою власть, отступила неохотно: тень ее еще лежала в лесах и под городскими стенами, но и эта тень светлела, едва лишь касались ее блики солнечных лучей. Наконец ночь ушла в иной мир, такой древний, что кроме Света и Тьмы там не осталось больше никого и ничего; земля вздохнула, словно пытаясь поймать последние мгновения уплывающего вслед за ночью сна, и пробудилась. Наступил день.

На юге Пуантена — там, где видна темноводная, ледяная река Алимана, где сверкают под солнцем вдали Рабирийские горы, — на чистой равнине уютно расположились три десятка деревянных домишек. Люди здесь пахали землю, выращивали и продавали скот, охотились — словом, жили так, как жили до них и как живут теперь; вокруг равнины протекал чистый широкий ручей, в котором не переводилась рыба, и местные детишки пропадали возле ручья целыми днями, закатав штаны и загребая руками по воде — к вечеру у каждого в сумке вяло пошевеливалось несколько дюжин отличных жирных рыбин.

На окраине деревеньки (она была так невелика, что даже не имела названия) жил самый ленивый и потому самый бедный хозяин. Единственный его доход составляли постояльцы: как раз возле его старенького домика проходил тракт, а по нему то и дело проезжали люди. И если кому-либо случалось оказаться здесь ночью, огонек, приветливо светящийся из окна, неизменно завлекал путника; он подъезжал к крыльцу и вскоре всего за несколько медных монет становился желанным гостем.

Этим утром Играт поднялся на удивление рано. Обычно он пробуждался к полудню, а то и позже; кряхтя слезал со своего деревянного ложа, покрытого тряпками неизвестных расцветок (внимательные очи без труда определили бы цвет обыкновенной грязи), шел к столу, где с вечера валялся засохший кусок хлеба, съедал его и со вздохом отправлялся во двор. Там он стоял некоторое время, окликая и лениво дразня соседей, затем эта игра надоедала ему и он возвращался в дом. Остальное время, до самых сумерек, он сидел на табурете у стола и смотрел в одну точку — обычно в грязное пятно на стене, а иной раз в окно, потом рот его широко разевался, глаза мутнели, а веки опускались и — он вновь ковылял к деревянному ложу и зарывался в тряпки, с облегчением вздыхая.

Поэтому столь раннее пробуждение удивило даже его самого. С первыми же лучами солнца он подскочил, вылил в ладонь воду из кружки и протер лицо; глаза сразу стали лучше видеть и это порадовало хозяина — он-то думал, что начинает слепнуть; забыв съесть кусок хлеба, он выбежал во двор. Дверь сарая оказалась еще закрытой. Тогда Играт прильнул к щели в стене и начал вглядываться в темноту.

Гости спали. Кто-то бормотал во сне, кто-то постанывал, другие были объяты беспробудным забвением… «Благословенные… — прошептал хозяин, рассматривая лица, на которые падал из щелей солнечный свет. — Если бы я выпил столько пива, я бы тоже так спал…» Он и забыл совсем, что безо всякого пива спал точно так каждый день. Но в мыслях его не было и тени упрека гостям: прошлым вечером благодаря им он хохотал так, как не случалось ему никогда, разве что только в детстве, но детства он не помнил. Гости — дюжина мужчин и одна женщина — оказались лицедеями. Они зарабатывали на жизнь тем,

что показывали всевозможные фокусы, прыгали через голову, кувыркаясь в воздухе, глотали огонь и ножи, нацепляли фальшивые носы и волосы и изображали других людей — словом, это был самый настоящий балаган. Они не могли заплатить хозяину за постой даже одной золотой монеты, но он безропотно принял десяток медных и приютил лицедеев у себя. До того ему удавалось лицезреть балаганы лишь на ярмарках, и то в толпе мокрых, потных тел, теперь же ему — о, слава Митре — выпала честь принять в своем доме (и уложить в сарае) этих весельчаков, этих… Но кажется, один из них пробудился…

Хозяин еще плотнее прижал глаз к щели, не решаясь окликнуть лицедея и тем самым разбудить остальных. Кто это был — он не мог разглядеть, да и вряд ли вспомнил бы его, ведь он видел их всех только один вечер… Как же они назвались? Три огромных толстяка — Гуго, Улино и Зазалла, рыжий — Мадо… Или Мадо это маленький колобок? Нет, кажется, все же рыжий… А маленького колобка кличут то ли Бахером, то ли Михером… Красивый и грустный называет себя Сенизонной, красивый и веселый — Агреем. Парочка унылых, облезлых и бледных — Кук и Лакук (не может быть, чтоб так звали людей, не иначе сами придумали себе имена). Главный у них — Леонсо, крепкий здоровый мужчина, такого бы под седло, или, на худой конец, на седло и в бой, а он балаганно командует… У Леонсо двое сыновей, такие же лицедеи, как остальные, Ксант и Енкин, хорошие парни, добродушные и веселые… И женщина — она у них вроде как за хозяйку — Велина. Только взглянешь на нее, сразу поймешь, что влюблена эта смуглая красотка в светловолосого балагура Агрея. Кажется, всех верно вспомнил… Но кто же там ворочается? Может, пробраться потихоньку в сарай, позвать его? Так интересно послушать заезжих, да к тому же лицедеев — и расскажут и покажут, как прошлым вечером. Хозяин улыбнулся, припоминая: весело было! Но в сарай пока лучше не заходить — упаси, Митра, разбудишь, решат, хозяин надоедливый и съедут к другому… Балаган-то всякий примет, даже денег не возьмут, только бы остановились гости у них… Нет. Играт решительно отошел от сарая и направился в дом. Лучше он подождет здесь, когда они проснутся.

* * *

Этей застонал негромко и поправил под головой охапку сена. Да, пива выпили вчера целое море, оттого и во рту теперь гадостно, словно демоны пополоскали там свои грязные хвосты, да и голова гудит… Так когда-то перед боем гудел в рог немедийский десятник, под началом которого служил и Этей. Этей… Так прозвали его зуагиры. На их странном языке — какой-то смеси человечьего и звериного — Этей означает «стрелок», хороший стрелок, конечно. Давно никто уже не называет его так, и сам он давно не тот — ловкий как белка, сильный как леопард, отважный как лев. Лук и стрелы были его братом и сестрами; он разговаривал с ними, шутил и ссорился, а после боя заботливо чистил и вновь закидывал за спину.

Ох, как трещит голова… Да еще хозяин сопит в щель, явно ждет, когда они проснутся. Повеселиться захотелось? Повеселим. Только не сейчас и не тебя одного. Стрелок потихоньку вытянул из-под себя затекшие руки, пошевелил пальцами и уставился прямо перед собой, в обтянутую черной потертой кожей задницу этого заносчивого болвана. Послать бы к Нергалу и его и всю братию и поселиться где-нибудь подальше от людей, в лесу, в самой глуши, чтоб за оставшееся до Серых Равнин время не слышать ни единого

слова! Только Митра знает, как устал он от беспрестанного пьянства и веселья, как с каждым днем труднее ему по утру нацеплять на физиономию шутовскую улыбку… Да он и есть недоумок! Так называют их, лицедеев, люди, и правильно делают. Он и сам когда-то не прочь был пнуть под зад размалеванного ублюдка из балагана… А теперь… Видели бы его зуагиры, или немедийская солдатня! Вот посмеялись бы! Впрочем, он, пожалуй, готов повеселить их — не бесплатно, конечно.

Стрелок прикрыл глаза, слушая, как пыхтит у щели хозяин, а в соломе в углу шуршит мышь, мерзкая тварь. Но вот хозяин оторвался наконец от стенки и ушел, видимо, решив не беспокоить постояльцев. Этей лег на спину, подложил руки под голову и так замер. Где она, та, прошлая жизнь? Может быть, он увидит ее вновь, уже с Серых Равнин? Там будут плыть тяжелые мокрые тучи, там соединятся в одно день и ночь, и древние демоны застынут у ворот, всех впуская, но никого не выпуская… Может, тогда и начнется настоящая жизнь? Кто знает? Еще никто оттуда не возвращался… Этей без сомнений ушел бы на Серые Равнины сам, если б был уверен — там настоящая жизнь… Фу, это что за запах?

Он порылся в соломе, нащупал острый обломок палки и с силой воткнул его в задницу, распевающую на все голоса и прямо ему в нос.

— Ай!

Бедняга подпрыгнул, потирая рукой раненое место и, хлопая глазами, с укоризной посмотрел на Этея. Но лицо стрелка было безмятежно, и только когда уколотый потряс его за плечо, он захохотал, вскочил на ноги и повалил приятеля в сено. От шума проснулись остальные; с визгом и криками они кинулись на барахтавшийся в сене клубок и началась шутливая потасовка. Хозяин, чутко карауливший у окна своих гостей, радостно пыхтя, засеменил в сарай. Вот теперь день для него наступил.

* * *

— Ну что, вонючие псы, — весело произнес Леонсо, подмигивая лицедеям. — Пива не желаете?

— Желаем! — взревели они и кинулись к столу, отпихивая друг друга в надежде занять место — табуретов в доме ленивого Играта было только четыре, то есть на каждое сиденье приходилось по три человека, если, конечно, не считать самого хозяина; так что сесть на твердое основание удалось лишь Леонсо, толстякам Гуго и Зазалле и рыжему Мадо, но менее расторопных это обстоятельство ничуть не смутило: визжа и толкаясь, они забрались на колени своим удачливым приятелям. Оставшийся без места хозяин, с умилением глядя на веселых гостей, поставил на стол дюжину кувшинов пива и принес из закутка за дверью огромный, завернутый в холст каравай.

— Поведай-ка нам хорошую историю, Лакук, — облизывая пену с губ, предложил Леонсо.

Рыжий Мадо поперхнулся пивом и, откинувшись назад, удерживаемый на табурете Агреем и Ксантом, захохотал, обнажив мелкие, ровные, чуть желтоватые зубы.

— Неплохо придумано, Леонсо! Лучше Лакука никто не расскажет!

Все прыснули, косясь на унылую физиономию Лакука, восседающего на коленях Гуго. Он делил это роскошное место с толстым Улино, потому и съезжал беспрестанно с жирной ляжки приятеля, что отнюдь не способствовало улучшению его настроения.

— Зачем ты смеешься, Мадо? — печально обратился он к рыжему. — Разве я сделал что-либо смешное?

— Тебе и делать ничего не надо, приятель, — рыгнув, ответствовал рыжий. — Своей рожей ты можешь развеселить даже безмозглого демона.

— Не поминай демона, Мадо! — испуганно воскликнула Велина, занимавшая одно из колен Зазаллы на пару с грустным Сенизонной.

Енкин, удобно устроившийся на другом колене толстяка, подмигнул рыжему и дурашливо пропел:

— Не поминай демона-а-а! А не то он тебе откусит кое-что-о-о…

Мадо взвизгнул и снова захохотал, вытирая слезы; белое веснушчатое лицо его побагровело, почти сливаясь цветом с огненной гривой волос, так что он стал похож на подгнивший плод томатного куста; маленькие изящные руки судорожно вцепились в ворот кожаной куртки, отдирая его от горла словно змею, а блеклые голубые глаза затянулись мутной пленкой. Хозяин, взиравший на своих гостей с благоговением, тоже начал было радостно гыкать, хотя и не понял, что такого смешного сказал Енкин, но тут он заметил, что никто больше не смеется. Напротив, физиономии лицедеев приняли вдруг какое-то отстраненное, даже торжественное выражение. Одни отвернулись, другие, опустив глаза, украдкой поглядывали на приятеля.

Хозяин смущенно закашлялся: он догадался, в чем дело, и, как человек от природы мягкий, искренне пожалел рыжего Мадо. Счастливая мысль внезапно пришла ему в голову — а что если взять его к себе жить? — и одновременно в душе его шевельнулось смутное беспокойство. Играт редко чувствовал что-либо кроме голода, холода и желания поскорее заснуть, так что сейчас ему было нелегко разобраться в своих ощущениях, да он и не знал, что надо в них разбираться. Однако мысль поселить у себя припадочного лицедея не оставила его. За несколько мгновений он продумал, чем будет его кормить и чем заплатит лекарю из соседней деревни за исцеление больного, в каком углу он устроит себе ложе из сена — его деревянный топчан теперь, конечно, займет Мадо, — как они будут коротать дни и… Но в этот момент рыжий вдруг замолчал; лицо его помрачнело; злобно кинув взгляд на приятелей, он сунул в рот палец и начал яростно кусать ноготь, тихо шипя проклятья.

Играт облегченно вздохнул — как хорошо, что он не успел сообщить о своих намерениях, ибо сейчас рыжий Мадо с мокрым от слез и слюней лицом не вызывал у него ничего, кроме неприязни. Он быстро протер полой холщовой куртки край стола — скорее от смущения, чем по необходимости — и ушел в самый темный угол, где присел на корточки и выжидательно стал смотреть на гостей: что будет дальше?

— А я придумал кое-что! — как ни в чем не бывало заявил колобок Михер, сидевший на колене Леонсо.

Все оживились. На Мадо они старались не смотреть, а потому усердно пялились на Михера или друг на друга.

— Внимайте, о засохшие кусочки дерьма дряхлой верблюдицы! — торжественно пробасил колобок, подскочил и твердо встал на маленькие толстые ножки. Горделиво выпятив грудь, отчего на ней сразу стали видны холмики жира, и взмахнув короткой ручкой так изящно, как только умел, он приподнял редкие бесцветные брови и открыл рот, явно намереваясь показать приятелям нечто необыкновенное, но тут из-за спин Агрея и Ксанта раздалось гневное шипение. Лицедеи вздрогнули и все как один посмотрели на Леонсо. Тот вздохнул, нахмурил брови и сурово обратился к рыжему:

— Не пора ли тебе успокоиться, Мадо?

— Ха. Ха. Ха, — раздельно произнес рыжий. — Все знают, что этот толстый ублюдок не способен соединить вместе даже двух слов.

— Какой же ты дурной, Мадо… — плаксиво протянул Михер, впрочем, ничуть не обидевшись. А Играт, замерший в своем углу и напрочь забывший о намерении приютить припадочного у себя, с удивлением подумал: «Как они его терпят?» Но в следующее мгновение Мадо засвиристел по-птичьему, озорно поглядывая на приятелей, и хозяин, покачав головой, вновь ощутил прилив нежности: рыжий оказался великолепным подражателем. После того, как он спел за соловья и проклекотал за орла, в горле его как будто что-то треснуло и восхищенная публика услышала далекое грохотание грома, тревожный плеск волн перед бурей, шум листвы и тихий плач младенца, оставленного юной матерью в темной комнате… Играт внимал со слезами на глазах — подобного искусства ему еще не приходилось наблюдать. Он чувствовал, как снова влюбляется в рыжего, чье лицо под неодолимым влиянием вдохновения преобразилось: устремленные вверх глаза с чистыми белками блестели словно утренняя роса под лучом солнца, густые, почти красные ресницы чуть подрагивали, а кожа побелела и стала такой прозрачной, что сквозь нее легко можно было разглядеть голубые вены. Добрый Играт всхлипнул и, ужасно смущаясь, вдруг заплакал, утирая слезы заскорузлым от грязи рукавом.

Мадо поперхнулся и замолчал, бесстрастно уставившись на хозяина. В душе его вмиг опустело, отчего и облик изменился — потускнели глаза, брюзгливо опустились губы и щеки обвисли… Но Играт, взглянув на него в этот момент, ничего такого уже не замечал. Для него, пораженного Искусством в самое сердце, рыжий Мадо остался прекрасным и воздушным, как легкое облако, как тополиный пух, как редкие, едва уловимые, но всегда больно ранившие колебания души… И все эти ощущения он передал рыжему взглядом, на что тот пожал плечами, хмыкнул и отвернулся.

— Пиво кончилось! — недовольно буркнул он и, вдруг засмеявшись — без истерики, добродушно, — наклонился и укусил за плечо загрустившего у него на колене Агрея. Светловолосый красавец подпрыгнул, завизжал как поросенок и толкнул Мадо ладонью в лоб. Рыжий взмахнул руками, повалился на пол, утягивая за собой Ксанта и дрыгая ногами; извернувшись, старший сын Леонсо оседлал его, но тут же отлетел в сторону на три шага: руки Мадо были тонки, но жилисты, с железными выпуклыми мускулами. Тогда в бой вступил укушенный Агрей — он всей массой навалился на рыжего, облапив его длинными толстыми руками, а Ксант, рыча и лая, на четвереньках подполз ближе и ухватил Мадо за ноги. Так они и покатились по полу, задыхаясь от смеха и шутливо, но весьма ощутимо мутузя друг друга.

Хозяин взирал на потасовку с благоговением: никогда еще не приходилось ему видеть столь веселых, хотя и ободранных господ. Он вновь воздал хвалу Митре, ибо не сомневался, что сей почтеннейший балаган был ниспослан ему с небес, и, не спуская глаз с барахтающегося на грязном полу клубка, попятился к дверям, чтобы принести гостям последние запасы пива.

Выскочив за дверь, Играт прижался спиной к стене дома; на лице его блуждала счастливая улыбка, да он и впрямь был счастлив. Он не знал еще, что будет дальше, но в том, что он ни за какие деньги (хоть их ему никто и не предлагал) не расстанется с этими людьми, сомнений не возникало. «Я мог бы собирать плату за представление или готовить им еду, — рассудительно подумал он. — В конце концов, я умею громко петь и… и ходить на

руках…» Он вздохнул, сожалея о малых своих способностях, и, наконец придя немного в себя, отправился в погреб — за пивом.

* * *

К ночи Этей совсем раскис. Веселье утомляло его так же, как утомляла бессонница, жестоко мучившая в последнее время. Кроме того, общее состояние стрелка настолько ухудшилось, что он сам подозревал в себе какую-то неведомую болезнь. Откуда иначе беспрестанная слабость, круги перед глазами, пересыхающие с каждым вздохом губы… Пока никто этого не заметил, но… Он криво усмехнулся: а если и заметят, что с того? Болезнь не означает злого умысла, а потому о его истинных намерениях догадаться невозможно.

Свалившись в сено, он зарылся поглубже, и замер, надеясь, что приятели не тронут его. Сейчас он был почти в отчаянии. Удастся ли ему совершить задуманное? Не удержит ли Митра карающую руку его? Нет, убежденно решил он для себя, Митра удерживать не станет. Разве что Нергал, породивший этого ублюдка… В глубине души Этей сомневался, что сам не является детищем Нергала — но, в конце концов, разницы не видел никакой; Свет или Тьма, Небо или Земля — все это волновало его лишь иногда, да и то по привычке. Он давно понял, что нет ничего, кроме Великой Жизни и Великой Смерти, чья обитель — Серые Равнины — так пугает простой люд и их жалких властителей. Он, Этей, свободный стрелок, смотрел на животных, кои называли себя людьми, с презрением. Легкое отношение к собственному НЕсуществованию было им так же чуждо, как кошке или собаке отсутствие аппетита. Даже самые сильные, самые мужественные, не раз проходившие в полушаге от Серых Равнин, предпочитали все-таки Жизнь. Этей и к Жизни и к Смерти относился одинаково: ему было все равно, во всяком случае, так считал он сам. Его ничто не держало на Свете — точно так, как ничто не влекло и во Тьму. Но тот… он должен был уйти на Серые Равнины. Должен. Хотя бы потому, что он явно туда не спешил.

Этей судорожно вздохнул. О, Митра, как плохо… Голову словно сжимает тисками железный обруч Пантедра — слабоумного палача зуагиров. Стрелку не довелось испробовать на себе эту пытку, но лицедейской натуре его было совсем нетрудно представить ощущения того несчастного… Этей стиснул зубы: он и впрямь представил сейчас, как Пантедр со своей мерзкой ухмылочкой медленно надевает обруч ему на голову, как закручивает винты с обеих сторон, как… В глазах его почернело вдруг от невыносимой боли; мгновение лежал он не двигаясь, почти не надеясь уже выжить, что само по себе было неважно, но тогда не свершилась бы Месть; как сквозь сон слышал стрелок бормотание приятелей, тихий смех женщины; постепенно боль отступила и он, слизывая с губ кровь, расслабил руки, потом ноги, тело… Явственнее стали слышны голоса из глубины сарая и в наступившем только что мраке он узрил фигуру — он ждал ее появления уже несколько дней. В черном, чернее ночи одеяньи, с белыми слепыми глазами и тонкими длинными пальцами… Такой она явилась ему в детстве, такой — перед страшным боем с пиратами, когда погибли все, кроме него одного, и теперь ее жуткий вид не испугал его как прежде. Он знал, что она придет, знал, что никто не увидит ее — только он… Этей улыбнулся. Может быть, она позволит ему коснуться края ее одежды? Это подскажет ему, свершится ли Месть — цель его существования в последние годы. Стрелок протянул руку… Но фигура внезапно рассеялась во мраке, заставив

его застонать от разочарования: она исчезла так быстро, что он не успел даже подумать о ней! Этей скорчился в сене как в материнском чреве и так застыл.

Он лежал неподвижно — человек из другого мира, легкий, свободный… Или так ему только казалось?

Глава 2

Тонконогий, с длинной шелковистой гривой трехлеток фыркал, косясь на Конана фиолетовым глазом — впрочем, вполне дружелюбно. Со своим новым хозяином он познакомился только этим утром, когда караван из Коринфии с товарами и богатыми подарками аквилонскому властителю подошел наконец к воротам Тарантии. В королевской конюшне с гнедого тотчас сняли упряжь, почистили, дали вволю напиться и накрыли мягкой цветастой попоной с кисточками по краям; король смотрел на него, не скрывая довольной усмешки, а десяток конюхов за его спиной шепотом переругивались, пытаясь отвоевать друг у друга право ухаживать за тонконогим красавцем.

— Мендус! — буркнул Конан, не отрывая глаз от подарка.

Низкорослый парень, две луны назад прибывший из северной деревеньки покорять столицу, облизал вмиг пересохшие от волнения губы и подошел к владыке.

— Головой отвечаешь!

Лицо конюха расплылось в счастливой улыбке. Он поблагодарил короля за оказанную честь низким поклоном и, бросив на старшего торжествующий взгляд, хозяйским жестом потрепал жеребца по холке.

Конан покидал свои владения в отличном расположении духа: пожалуй, впервые за последние дни тяжелое, мрачное настроение, густо замешанное на тревоге и постоянном напряжении, оставило его, исчезло без следа; он почувствовал, как расслабились его руки, плечи, могучая шея, и вдруг короля обуяло такое нестерпимое желание как следует напиться, что он невольно ускорил шаг. К Нергалу всех мятежников, тем более, что они сейчас и в самом деле где-то в той стороне, беспощадно уничтоженные верными Черными Драконами; и предателя Горо тоже к Нергалу — он вскоре отправится туда прямиком из Железной Башни, и… Кого же еще? А, махнул рукой Конан, пускай к Нергалу идут все! Он смачно сплюнул, ударом ноги распахнул тяжелую дверь, снизу всю испещренную следами его сапог, и вошел во дворец. Там он сбросил в услужливо подставленные руки слуге шелковый, расшитый золотыми звездами плащ, и в несколько прыжков одолел широкую и длинную мраморную лестницу, ведущую в небольшой уютный, но почти пустой зал — здесь обычно государь принимал обиженных, угнетенных, несправедливо осужденных и прочих нуждающихся; из этого зала потайная дверца вела в в роскошные покои, устланные толстыми и мягкими словно водоросли туранскими коврами, с тяжелыми занавесями на огромных, почти во всю стену окнах, с простой, но изящной дубовой мебелью — эти покои являлись любимым местом отдохновения короля.

Широкими шагами Конан пересек зал, повернул за великолепное, кхитайской работы кресло с высокой и узкой спинкой — там сидел он во время приемов, и исчез за бархатным серебристо-серым пологом, на ходу хлопнув с размаху ладонью по висевшему на стене колокольцу из неизвестного дотоле сплава темножелтого цвета — подарку шемитского купца. Легкий звон разнесся по залу и, спустя лишь несколько мгновений, через зал уже спешил старый слуга с подносом в руках. Привычки короля были ему давно известны, а потому все необходимое всегда хранилось поблизости — большой серебряный кубок, присланный в дар аквилонскому владыке тем же шемитским купцом, и мастерски сделанный ювелиром Фарнаном высокий кувшин с узким горлышком; пузатые бока сего творения были украшены тончайшей, изящнейшей гравировкой, изображающей Конана-варвара, Конана-

Амру и Конана-короля в разные мгновения бурной жизни достойного мужа: на пиратском корабле и на гладиаторской арене, в пустынных гирканских степях и на пути к подземному храму Митры, с мечом и секирой — жаждущей крови Рана Риордой… Нет, ювелиру не были известны подробности тех приключений. Гравюры свои он создал по краткому и точному описанию государя, который, время от времени предаваясь воспоминаниям, пожелал вдруг заказать мастеру картины своей жизни — не для того, чтобы демонстрировать их гостям, а только для себя самого.

Но не часто Конан лицезрел сей кувшин; здесь, в этих покоях, он бывал лишь тогда, когда позволяли обстоятельства либо настроение. А обстоятельства в последнее время складывались весьма и весьма печально, что, естественно, не могло улучшить настроения аквилонского владыки. В провинциях то и дело вспыхивали мятежи, на подавление которых уходили из столицы отборные войска; не всегда они возвращались в Тарантию в прежнем составе — мятежники дрались как загнанные волки; на границе с Немедией чуть не каждый день происходили стычки, вследствие чего торговые караваны, направляющиеся на восток, вынуждены были идти в обход, через Офир или Коф; псы Нумедидеса, с виду покорные и преданные новому королю, начали вдруг показывать зубы, но не в открытую, а исподтишка — верный Паллантид со своими гвардейцами вылавливал их не одну луну подряд…

Но в это утро Конану казалось, что все теперь позади. Великолепный, истинно королевский дар из Коринфии — тонконогий гнедой редкой породы — словно положил конец злоключениям: последний предатель уже в Железной Башне, мятежи подавлены, а караван из Коринфии, хоть и в обход, но доставил аквилонскому владыке чудесного коня.

Сидя в глубоком мягком кресле — изделии тарантийских мастеров — Конан с наслаждением пил красное вино, оставшееся еще в погребах от прежнего короля. Но более вина наслаждался он своим настроением — легким, светлым как солнечный луч, почти бездумным. Давно не выпадало ему такого спокойного дня!

— Владыка… — едва расслышал Конан чей-то голос из-за плотно закрытой двери.

— Ну, кого там еще несет? — не оглядываясь, проворчал он.

На миг сердце его кольнула необъяснимая тревога, но король тут же прогнал ее: дурная привычка появилась у него в последнее время — ждать плохих новостей! Всегда настороже — что может быть утомительней? Но на сей раз Альбан — десятник Черных Драконов — принес ему отнюдь не печальную весть.

— Владыка… Прости, что потревожил тебя в блаженные мгновенья отдыха, когда душа твоя находится…

— Речь твоя длинна как сам Сет! Не тяни, Альбан! — раздраженно перебил Конан.

— К тебе просится некий Пелиас, повелитель, — протараторил десятник, переминаясь с ноги на ногу.

— Пелиас? — встрепенулся Конан. — Что ему надо… Тащи его сюда!

Дернувшись всем телом, что, вероятно, должно было означать почтительнейший поклон, Альбан стрелой метнулся за дверь.

— Только ласково, ишак и сын ишака! — прорычал вслед ему Конан, откидываясь на спинку кресла. Что же нужно этому Пелиасу? Короля связывали с магом вполне добрые отношения, но настороженность, которую он питал ко всякого рода чародеям, мешала зародиться настоящей дружбе: черные ли, белые ли маги — кто может заглянуть в их души? Кто может поручиться, что однажды белый маг не станет наичернейшим, а черный не решит

завладеть всем миром? Нет, за тот уже достаточно долгий путь, который Конан прошел в этой жизни, он повидал слишком много превращений чистого в грязное, а грязного — в вонючую болотную гниль, и привык доверять только простым и ясным ему людям — людям! — таким, как он сам, как тот же Альбан, как Паллантид, капитан его Черных Драконов, как граф Просперо, как… Да мало ли их, преданных, честных, настоящих! Они не раз уже вставали с ним плечом к плечу в моменты смертельной опасности, не раз готовы были заслонить его собственным телом… А Пелиас… Кто его знает…

— О чем ты задумался, друг мой? Уж не обо мне ли? — высокий и стройный, седовласый маг появился неслышно, будто кошка. Поклонившись, он спросил соизволения присесть, и после короткого кивка государя вольготно расположился в кресле напротив.

— Каким ветром тебя занесло сюда? — вежливо осведомился Конан, делая знак возникшему в дверях слуге.

— Благодарю тебя, повелитель, я и в самом деле не отказался бы от глотка хорошего красного вина.

— Вино сейчас принесут, — поморщился король. — Ты не ответил на мой вопрос.

— О, прости, прости, друг мой. Путь был долог, я устал… Каким ветром, спрашиваешь? Западным, кажется… Но… — маг поднял руку, сожалением заметив, что Конан совсем не расположен к легкой беседе. — Но еще раз прости меня. Я вижу, тебя обуревают невеселые мысли?

— Ошибаешься, Пелиас. До твоего появления я чувствовал себя превосходно. Теперь же, клянусь Кромом, мое настроение улетучивается с каждым выдохом. Я не привык повторять вопрос трижды.

— И снова я должен сказать тебе — прости. Но, государь, я не хотел начинать серьезной беседы с первых же слов. Давай выпьем пару глотков вина — горло мое пересохло в пути, — и я немедля доложу тебе о цели моего визита.

— Пей, — кивнул король на второй серебряный кубок, принесенный расторопным слугой.

Пелиас наполнил кубок до краев, смакуя, сделал небольшой глоток, за ним еще, еще…

— Превосходно! Как говоришь ты, друг мой, «клянусь Кромом»?

— Я внимательно слушаю тебя, Пелиас! — потерял терпение Конан.

— Что ж… Дело, о коем я хочу поведать тебе, весьма и весьма серьезное… Знаешь ты или нет, но в конце каждой луны я смотрю на расположение твоих звезд, владыка. Это — первое мое действо. О втором и последующих я не стану тебе рассказывать, зная отношение моего государя к магическим представлениям.

— Зачем? — сумрачно нахмурившись, поинтересовался Конан. — Зачем ты смотришь расположение моих звезд? Тебе своих не хватает?

— О, друг мой, я не могу оставаться в неведении относительно твоей… жизни. Да, государь, именно жизни. Знаю, что в последнее время неспокойно текли твои дни, но серьезной опасности для тебя в том не было. Не было, поверь, иначе я появился бы здесь давно. А теперь… Опасность есть, и серьезная.

— Опять мятеж? В Тарантии?

— О, нет! Твоему королевскому благополучию пока не угрожает ничто. Скажу более: мирное время пришло в Аквилонию. Надолго ли — не отвечу, не в моих силах. Но войска твои могут предаваться веселью и доброму пьянству, если, конечно, пьянство бывает добрым… Что же касается жизни твоей, государь… Злоумышленник жаждет гибели Конана-

Амры!

— Как ты сказал? Конана-Амры? Значит, злоумышленник знал меня прежде?

— Именно, государь! И чем-то ты ему тогда крепко насолил. Многие годы готовился он к мести, а опыт мой подсказывает: бойся тех, кто не спешит расправиться с тобой. Такие люди знают, что делают. В их мыслях нет ни ярости, ни гнева — только холодная ненависть, проникшая во все поры, въевшаяся в мозг и плоть…

— И мой такой?

— Точно такой, владыка.

— Хотел бы я поглядеть на него.

— Увы, это невозможно. Моего искусства не достанет показать тебе его лицо, назвать его имя… Только одно…

— Что же?

— Балаганы…

— Не пойму я тебя, Пелиас. Какие балаганы?

— Скоро праздник, друг мой?

— Да. Новый праздник, Митрадес, в знак благодарения Подателю Жизни. Люди устали от войн, я решил подарить им немного радости.

— Что доказывает еще раз твою мудрость, владыка. Так вот балаганы… Насколько мне известно, они собираются на Митрадес со всех концов земли?

— Ну, не со всех… Но пять-восемь должны прибыть…

— Твой приятель лицедействует в одном из них.

— Ты уверен?

Пелиас с улыбкой пожал плечами.

— Интересно… И в каком же?

— Пока не могу сказать, владыка. Пусть все балаганы окажутся здесь, в Тарантии. Тогда мы пройдемся с тобой и… еще кое с кем… И я, может быть — может быть! — назову тебе именно тот балаган, в котором он…

— Знаешь, Пелиас, я думаю, этот парень не стоит того, чтобы мы с тобой так переживали.

— Стоит, друг мой. Иначе ты не переживешь.

— Ну что мне может сделать какой-то лицедей? И вообще, за мою жизнь я накопил столько врагов, что если буду прятаться от каждого… Ха!

— Не спеши так говорить, государь. Таких врагов, как этот лицедей, у тебя либо мало, либо и вовсе нет — ушли на Серые Равнины. А чем опасен этот, я тебе объяснил.

— Звезды не поведали тебе, когда он желает меня угробить?

— А разве я не сказал? В праздник, друг мой, в самый праздник, в Митрадес…

* * *

В Митрадес… Хитро придумано! Площадь — огромное поле за южной стеной Тарантии — будет заполнена народом до отказа; по краям пройдут ряды базара, а в центре полукругом расположатся балаганы; высокий помост у самой стены предназначен для короля и его свиты — оттуда Конан и произнесет свое приветствие славным аквилонцам; перед помостом городская стража отгородит проход шириною в двадцать шагов: по нему парадом

выступит сначала кавалерия, затем гвардия… Или сначала гвардия?

— Государь, ты звал меня?

Капитан Черных Драконов Паллантид, верный служака, тенью возник за спиной Конана, замер, ожидая распоряжений…

— Звал, — король задумчиво оглядел его, и вдруг промолвил такое, от чего Паллантиду, никогда не отличавшемуся особенной чувствительностью, стало дурно.

— Во время Митрадеса ты собрался убить меня. Как ты это сделаешь?

— О, владыка… — ошарашенно забормотал капитан. — Клянусь печенью моего каурого, я не собираюсь убивать тебя… Скорее я сам отправлюсь на Серые Равнины, чем…

— Кром! — нетерпеливо махнул рукой Конан. — Ты не понял, старый пес. Я уверен в тебе как в себе самом. Но если бы — если бы! ты решил это сделать, то как?

— Не могу ответить, государь…

— Подумай!

— Ничего такого в голову не приходит…

— Ладно. Попробуем по-другому. Представь, что тебе донесли о злоумышленнике, который на празднике попытается убить короля. Каков будет твой первый вопрос доносителю?

— Имя злоумышленника!

— Он не знает. А второй вопрос?

— Как он выглядит!

— Он не знает. Третий вопрос?

— Как он это собирается сделать?

— Вот! Предположим, сие доносителю так же неизвестно. И теперь твоя забота, Паллантид, просчитать в башке все фокусы, которыми может воспользоваться злоумышленник.

— Дабы достигнуть своей гнусной цели?

— Дабы.

— О, владыка, на празднике будет много возможностей… Например, метнуть в тебя дротик из толпы… Или… ты же пойдешь по базарным рядам? Хотя, здесь за тобой последуют мои доблестные Драконы… Можно подпилить доски помоста — но тогда ты провалишься вниз, и только… А еще — когда после твоей речи, государь, в небо полетят сотни стрел с праздничными лентами… Я думаю, нетрудно одну из этих стрел пустить в тебя?

— А кто должен пускать праздничные стрелы?

— Ублюдки из балаганов. Ты же сам так приказал, владыка.

— Я помню. Кром! Вот и завязался узел! До Митрадеса остается всего пять дней и ночей… Скажи мне, старый пес, скоро ли балаганы прибудут в Тарантию?

— Ночь перед праздником все проведут здесь. Но, мой государь, ты думаешь, злоумышленник действительно существует?

— Я знаю это. Но теперь ступай. Времени у нас остается не так уж много. Я хочу, чтобы к сумеркам ты доложил мне все, что сможешь узнать об этих балаганах.

Когда Паллантид ушел, мягко ступая по коврам огромными сапожищами, король откинулся на спинку кресла и раздраженно выругался: не успел он вволю насладиться покоем, как появился какой-то ублюдок, которому приспичило отправить его на Серые Равнины! Копыто Нергала ему в зубы! У Конана на ближайшее время совсем другие планы…

Если бы он мог припомнить, когда, и главное — кому наступил на хвост… Тогда можно было бы справиться с этим делом за половину дня: Черные Драконы за шкирки приволокли б сюда всех балаганных козлов, выстроили в ряд и напинали, чтоб стояли не шелохнувшись, так что Конану оставалось бы только осмотреть их поганые рожи и опознать злоумышленника. Но за свою прошлую жизнь нынешний аквилонский правитель поотрывал столько хвостов, что не было никакой возможности восстановить в памяти и трети их обладателей. Тем более, что ублюдочный мститель наверняка пострадалот Конана не сам — иначе он давно гулял бы по Серым Равнинам… Король ухмыльнулся и бросил взгляд на пузатый кувшин: и дюжины таких не хватит, чтобы изобразить все приключения. Да и стоит ли изображать? Никто и ничто не расскажет о битвах честнее самого тела воина — шрамы, нанесенные не восхищенной рукой рисователя, но рукою врага — не слукавят, не солгут…

Конан пожал плечами, смахнул небрежно со стола кувшин и встал, заправляя за тонкий золотой обруч выбившуюся прядь густых, чуть подернутых сединой черных волос. Слишком много дел накопилось за последнее время; откладывать их на потом из-за куска дерьма, одетого в разноцветное лицедейское тряпье, он не стал бы даже по велению самого Митры. А потому, пнув напоследок драгоценный кувшин так, что тот жалобно зазвенел и укатился под кресло, король вздохнул, прощаясь с надеждой напиться до потери сознания, и решительно покинул свою роскошную обитель.

Глава 3

Трижды встретили восход солнца в доме Играта веселые гости. За это время ленивый хозяин устал так, как не уставал, наверное, никогда: от постоянного смеха (порой совершенно беспричинного) низ живота его не переставал болеть, словно Играт надорвался на тяжелой полевой работе или строительстве нового дома нобиля. Но даже если бы у него болел не только низ, но и верх живота, и сердце, и почки, и печень со всех сторон — все равно он не отказался бы от знакомства с лицедеями. Хозяину казалось, что до встречи с ними жизнь его была бездумной и невесомой подобно пушинке, и в этом мире не стоила и мелкой медной монеты; каждый день походил на предыдущий как одна песчинка походит на другую и каждый — так считал теперь Играт — пуст, ибо нечего вспомнить и не о чем, совершенно не о чем поведать гостям в ответ на их бесконечные веселые байки.

И все же Митра не оставил его! Балаган, путешествующий по свету налегке — он состоял всего из двух крытых повозок, запряженных старыми клячами неопределенной расцветки — мог направляться в Тарантию каким угодно путем: через Шем и Аргос или через Бритунию и пограничное королевство, а может, из Асгарда через Ванахейм… Да мало ли дорог в этом огромном мире? Но Податель Жизни и Хранитель Очага послал беспутных детей своих именно в дом ничтожнейшего из рабов, сухой былинки, дождевого червя, лягушачьей лапки… Играт вытер указательным пальцем вдруг навернувшуюся слезу умиления и счастья, посмотрел на Улино, Агрея и Сенизонну, кои впились губами в края глиняных кружек и с чрезвычайной бережливостью цедили винные опивки. Это было последнее, что мог им предложить ленивый хозяин: деньги, что заплатили лицедеи за постой, кончились еще вчера — на них Играт приобрел полдюжины бочонков пива; но утром от пива осталась лишь засохшая на кружках пена, и тогда пришлось продать за сорок один с четвертью кувшин вина прекрасные сапоги из мягкой и прочной кожи. Сапоги Играт получил три луны назад почти что даром — от проезжавшего из Мессантии в Танасул сапожника, брата его покойной жены, который решил остановиться на ночлег у бывшего родственника. Но — все равно сапоги было жалко.

Теперь и вино подходило к концу: целый день гости вливали его в свои бездонные глотки, обливаясь и булькая, падали на пол один за другим, кто молча, кто с хрипом, кто с песней, пока не осталось за столом трое — самые крепкие, самые здоровые — толстяк Улино, грустный красавец Сенизонна и соломенноволосый весельчак Агрей. Они-то и восседали сейчас за столом в доме гостеприимного Играта, с достоинством принимая его влюбленные вздохи и взоры и высасывая из кружек последние капли живительной влаги.

— Что, Играт, собрался-таки с нами? — заплетающимся языком пробормотал Сенизонна.

— Ну, — закивал из своего угла ленивый хозяин.

— Заче-е-м? — Улино попытался всплеснуть пухлыми руками, но покачнулся и чуть было не свалился под стол. Видимо, сообразив, что под столом ему будет тесновато, он вцепился в рукав Агрея и так удержался на своем табурете. — Зачем, безмозглая лилия моего большого сердца? Думаешь, мы только набиваем животы, спим да пляшем?

— Под Мессантией есть один гнусный городишко, — подал голос Агрей. — Глемозо называется… Так нас две луны назад оттуда гнали чуть не до самой Алиманы.

— За что? — выпучился Играт.

— А ни за что, приятель. Мы — шуты, ублюдки…

— Сам ублюдок, — недовольно скривился Сенизонна. — Пес вонючий… Но Глемозо и впрямь гнусный городишко. Только я начал рассказывать о Семее и Онзало — знаешь эту историю, хозяин?

Играт замотал головой.

— Прекрасная девушка Семея жила в далеком Иранистане… — заунывно начал Сенизонна, закатив глаза. — Губы ее, подобныелепесткам ахаяны…

— Ахаяны! Вот за то в тебя и швырнули первый камень! — презрительно надул щеки Улино. — Ахаяна не имеет лепестков, чтоб ты знал, печальная гусеница… Это маленький кустик, с виду похожий на кактус, весь в колючках. И растет он только на земле пиктов — в Иранистане о нем никто и не слыхивал!

— Можно подумать, в Глемозо кто-нибудь слыхивал! — обиженно фыркнул Сенизонна. — И не называй меня печальной гусеницей, навозная куча. Было время, я служил в войске славного Гаура в Туране и таких жирных верблюжьих горбов переколол не меньше дюжины! Так что лучше не выводи меня из терпения. Я многотерпелив, много… Но…

— Заткнись, — без тени почтения к военным заслугам Сенизонны махнул ручищей толстяк. — Я тоже не всегда выглядел таким куском дерьма.

— Расскажи о зуагирах, Улино, — встрепенулся Агрей. — Ты ведь бывал с ними?

— Недолго… Луну или две…

— Расскажи нам!

— Давно было дело, да и нет охоты болтать.

— Да у нас кроме Кука и Лакука все умеют держать в руках оружие! — Сенизонна зарделся, стараясь не смотреть на толстяка. — Так что нечего делать героя из этой жирной крысы. И Мадо повоевал, и Ксант с Енкином, и даже Михер! А Леонсо и вовсе был десятником в Султанапуре.

— Помолчи ты наконец, Сенизонна! — с досадой сказал Агрей.

— И не подумаю!

— А я говорю, помолчи! — в голосе светловолосого красавца зазвучала угроза.

— Ублюдок!

— Ах ты дерьмо… — задушенно просипел Агрей и кинулся на Сенизонну.

Но тот был начеку и с размаху хватил приятеля пустой кружкой по лбу. Соломенные волосы лицедея окрасились в алый цвет и голова его упала на стол.

Улино наблюдал за происходящим с полнейшим равнодушием. Он знал, что голова у Агрея крепкая словно у каменной статуи, что Сенизонна сейчас расхнычется и начнет умолять о прощении… Точно так и вышло. Спустя лишь несколько вздохов Агрей замычал, царапая стол, а у грустного красавца Сенизонны задрожали пухлые алые губы и слезы навернулись на прекрасные, темно-серые глаза в длинных пушистых ресницах. Толстяк усмехнулся, слегка повел жирными холмами плеч и подмигнул побледневшему Играту.

— Так и живем!

Ленивый хозяин глубоко вздохнул: то и дело вспыхивающие стычки меж лицедеев пугали его. Сам мирный, всегда железно спокойный, он не выносил ссор, а тем более, драк, и все же желание отправиться странствовать по свету с балаганом не оставило его ни на миг. Только легкая, почти бессознательная грусть сжала вдруг его сердце, но тут же и отпустила. Он оглядел свое жилище и зашевелил губами, как бы прощаясь с ним. Комната сплошь была заплевана и полита вином, завалена пустыми кувшинами, большей частью разбитыми,

клочьями куртки Мадо и рубахи Енкина, накануне сцепившимися уже не на шутку, сухими крошками, костями двух куропаток — их в предлесье собственноручно изловила расторопная Велина, и прочей дрянью, бывшее предназначенье которой не смог бы теперь определить и сам хозяин. С потолка свисала многолетняя паутина — ею восторгался Сенизонна, усматривая в мохнатых серых клубках грусть, сокрытую в его душе; в щелях стен пророс мох и толстые жуки сновали по нему туда-сюда, а дыра посередине обозначала у Играта окно — в него можно было высунуть голову, но лучше все же было этого не делать: на обратном пути голова застревала намертво и вернуть ее к телу стоило немалых сил и ухищрений. Так выглядела комната ленивого хозяина спустя три дня после поселения гостей. Оно и понятно — прежде здесь гадил один Играт, а теперь ему помогали еще двенадцать мужчин и одна женщина.

Ни Сенизонна, бормотавший себе под нос несусветную чушь, ни зевающий во всю огромную пасть Улино, ни соломенноволосый красавчик Агрей явно не видели никакого различия между сараем, где они спали, комнатой, где они пили, и площадями, где их били — везде было свинство, они к нему привыкли, они даже предпочитали его (во всяком случае, на словах) роскоши дворцов, а потому грязный, вонючий дом ленивого хозяина казался им уютным пристанищем, островком покоя в бушующем море или еще чем-либо в этом роде. Польщенный Играт понимал тем не менее, что у лицедеев просто-напросто не было собственного дома, вот они и расточали похвалы чужому, а почет и любовь от всего сердца, столь редкие и оттого ценимые, заставили их подзадержаться в деревне. Но уже следующим утром — в путь. В путь! В Тарантию! Там аквилонский владыка устраивает великий праздник — Митрадес, на котором балаган несомненно заработает хорошие деньги… Может быть, даже очень хорошие! И тогда — снова в путь, по городам и городишкам, деревням и деревенькам, представлять, показывать, плясать и петь… О, Митра, какое же это счастье! Играт закрыл лицо руками и зарыдал.

* * *

Перед рассветом Этей вдруг почувствовал, как останавливается сердце. Мерный ритм его сбился, а в груди образовалась сосущая, жуткая пустота. Стрелок прикрыл глаза, отсчитывая вздохи в ожидании последнего; страха не было, но отчаяние постепенно сковывало члены и Этей как-то отстраненно поразился его силе. Он и сам не подозревал в себе такой ненависти к давнему врагу, чтобы даже перед собственным концом испытывать лишь одно желание — убить! убить ЕГО! и — отчаяние по той же причине: он, стрелок, уходит на Серые Равнины прежде, чем свершилась месть.

Перед затуманенным взором Этея вдруг появились неясные очертания тонкой фигуры девушки в белом; вкруг ее еще более неясные колыхались в полумраке громадные чернокожие. От них веяло угрозой и презрением, и этого Этей понять не мог. Если девушку он узнал сразу — и узнав, чуть не задохнулся от счастья — то гиганты были ему незнакомы. Пираты? Возможно. Но ни разу он не видел ее пиратов близко, отчего же они… Стрелок осторожно, боясь потревожить медленно восстанавливающийся ритм ударов сердца, вобрал в себя спертый воздух сарая: какое дело ему до пиратов? Перед ним Белит! Королева Черного Побережья! Его вечная любовь и так и неизведанная наяву страсть… Зачем она пришла к нему? Тогда, много лет назад, в Кеми, она и не замечала юного нищего торговца мидиями,

пожиравшего глазами ее стройный стан, нежную белую шею, высокую грудь…

«О, Митра… — застонал стрелок от невыносимой боли где-то под сердцем. — Нет, не Митра. Эрлик! — поправил он себя. Именно Эрлик, его любимое божество, требует очищения через страдания… — Так вот оно, Эрлик! Вот истинное страдание! Я любил ее всю жизнь, хотя видел лишь трижды, хотя она так давно покинула этот мир… Все, что я делал и чем я жил — я дарил ей… Не было дня и не было ночи, когда б я не помнил о ней: и в цепях на галере, и в руках стигийского палача под мрачными сырыми сводами подземелья, и в яростных битвах с кешанскими дикарями, и за кружкой пива с Гаретом…»

Да, и Гарет. Сквозь мутную пленку, затянувшую глаза, он смотрел на гибкую фигурку Белит и словно рассказывал ей о Гарете. Тогда он был атаманом зуагиров и как-то в пустыне, что лежит за горячим, прожженным насквозь до земли раскаленным солнцем, высушенным ветрами городом Эруком, он подобрал Этея. Чудом спасшись из стигийского плена, стрелок сумел переплыть Стикс, одолеть горный перевал и пройти большую часть пустыни. Но — без глотка воды, с растрескавшимися губами и ртом, забитым песком, с обожженной кожей, лопнувшей на плечах и спине, он должен был остаться навсегда в горячих песках, если бы не Гарет. Друг, брат… Он перебросил тогда изможденное и, вероятно, легкое как щепа тело Этея через седло, свистнул своим зуагирам, и они помчались дальше, к Хаурану. Лучше бы им было свернуть к Кофу!

Стрелок скрипнул зубами, вспоминая, как спустя лишь день в лагере появился киммериец. Гарет снял его с креста за два полета стрелы до Хаурана; тот был измучен не меньше Этея, еще не пришедшего в силы после скитаний по пустыне. Но он быстро поправился! Что он сделал с Гаретом — стрелок не знал до сих пор. Он знал лишь одно — и даже этого было бы достаточно, чтобы без сомнений отправить варвара на Серые Равнины, — он знал, что однажды Гарет исчез, а вместо него во главе зуагиров встал подонок киммериец… Тот самый, которого любила Белит! Тот самый, который плавал с ней вместе на ее пиратском корабле, а потом она погибла, а он — жив! До сих пор жив!

О, Эрлик! Не хватит ли испытаний? Не хватит ли боли и незаживающих ран? Вот и Белит исчезла, не выдержав его рассказа… Так пусть же разорвется сердце, если закончился отпущенный ему срок! Глаза Этея наполнились злыми слезами, он открыл рот и тонко, жалобно, словно щенок, завыл.

* * *

С рассветом, когда божественный глаз Митры озарил все вокруг мягким розовым светом, балаган тронулся в путь. Ленивый хозяин, восседавший на козлах первой повозки рядом с Михером, гордо окидывал взглядом родные окрестности. Он выпятил грудь и поджал губы на случай, если его узрит кто-нибудь знакомый; увы, знакомых вблизи не наблюдалось, зато собаки, вылезшие из канав и кустов на скрип колес, хрипло и яростно облаивали путников вплоть до самой дороги.

Михер клевал носом, не обращая ровно никакого внимания на величественную красоту края. Из повозки доносился могучий храп толстяков и поскуливание Кука с Лакуком, сонное бормотание Мадо, могучее, с присвистом дыхание Леонсо — все спали, и только ленивый хозяин, по выезде из деревни потерявший свой гордый вид, с тоскою смотрел на высокие стройные пальмы, зеленый ковер травы, по коей от тихого ветерка плавно пробегали волны,

далекие, просвечивающие сквозь мутную синеву горы. Скоро ли он вернется сюда, и вернется ли? Впереди был долгий, почти бесконечный путь по неведомым странам, по городам, каждый из которых жил своей, особой, отличной от других жизнью; впереди были встречи и расставания, радости и печали… И вдруг Играта охватила такая смертная тоска, что он чуть-чуть не соскочил на землю и не помчался во весь дух назад, домой. На миг показалось, что только там — жизнь, а все иное — мрак и пустота. Он сцепил пальцы до онемения, зажмурился, замотал головой, отгоняя неясные, а потому ненужные ему чувства, и… все прошло — так скоро, что Играт разочарованно сморщился: он не успел еще насладиться новыми для него ощущениями…

— Эй, парни? Ленивый хозяин обернулся. Рядом с повозкой шел старший сын Леонсо Ксант — с широкой, до ушей улыбкой, беспрестанно убирая ладонью со лба прядь иссинячерных волос, слегка прихрамывая на правую ногу. Он махнул Играту и, поровнявшись с ним, взялся рукой за ободранный край повозки.

— И тут все спят! — весело сказал он, подмигивая вознице. — А я хотел в кости сыграть. Ну и скука!

— Тш-ш-ш… — испуганно зашипел ленивый хозяин. — Не разбуди их…

— Ха! Этих скотов и палкой не разбудишь. Вот у нас на корабле…

— На каком корабле?

— На «Прима андецци». По зингарски значит — «Первая звезда». Мой отец купил его у герцога Мазелла Ипси, не слышал о таком? Ну, откуда тебе, деревенская мышь… Ты кроме Тарантии и не бывал нигде? А я родом из Кордавы! Так вот, когда мой отец пошел ко дну…

— Как «ко дну»? А Леонсо кто же?

— Мой отец! — потерял терпение Ксант. — До чего ты тупой, приятель. Уж и не знаю, как с тобой говорить… Ко дну! О, Митра! Да просто разорился! Понял теперь? Так вот, «Прима андецци» пришлось продать одному купчишке. Низенький такой толстяк, сопливый вечно, на нашего Михера похож…

— Он тебе наболтает сейчас, — ясным голосом произнес вдруг Михер и сумрачно посмотрел на старшего сына Леонсо. — Как он на корабле надрывался от ночи и до ночи.

— И надрывался! — взъярился Ксант. — Тебе-то откуда знать, свинья!

— Сам свинья и бычий хвост, — невозмутимо ответствовал колобок.

Ксант надулся и побагровел; ленивый хозяин, разделявший своим крепким телом обоих петухов, с ужасом почувствовал, а потом и услышал, как с грохотом и свистом из седалища его вырвались позорные звуки, и — побагровел тоже. Михер же, недоуменно взглянув на соседа, вдруг хрюкнул, сообразив, в чем дело, хватанул ртом воздух и, визгливо гогоча, привалился к плечу смущенного Играта. От смеха кровь прилила к его лицу, так что цветом он теперь нисколько не отличался от своих приятелей.

— Ну, парень… — вытаращив глаза, пробормотал Ксант. — Помнится, ты толковал, что ничего не умеешь делать? Да такой песни я в жизни не слыхал! Народ будет носить тебя на руках! А ну, попробуй еще разок!

Играт потупился, чувствуя, как ярким пламенем загораются уши, затем скосил голубой глаз на плачущего от смеха Михера и… И попробовал.

Глава 4

Весь день, пока решались те или иные дела, Конана тянуло на конюшню словно голодного к ломтю хлеба: перед глазами так и стоял гнедой трехлеток, красавец с пышной гривой и тонкими, но сильными ногами. Наконец освободившись от государственных забот, король спешно покинул зал и, перешагивая через три ступеньки, спустился вниз. Но здесь его остановил Паллантид.

— Государь, я все узнал!

— Ты о чем, старый пес? — с досадой проворчал Конан. Поглощенный приятными мыслями о чудесном подарке из Коринфии, он совершенно забыл и о предостережении Пелиаса, и об утренней беседе с верным Паллантидом.

— Как?.. — в изумлении уставился на короля капитан Черных Драконов. — О балаганах!

— Кром! Сдается мне, я так и не попаду сегодня к моему гнедому… Ладно, выкладывай, да поскорее!

— Вот! — Паллантид вытянул из-за обшлага рукава свернутый в трубочку серый пергамент. — Всего в Тарантии на Митрадесе будет пять балаганов. Один из Турана — нигде надолго не останавливается, плетется еле-еле, от кабака до кабака. Пьют не просыхая, так что надо будет их проверить перед праздником… Как бы чего не вышло… Второй наш собственный — все недоумки под присмотром. Третий из Шема, но он уже в Тарантии. Расположился в доме Рыжей Магаллы… — последние слова Паллантид произнес, многозначительно посмотрев на короля. — Ты знаешь сам, владыка, какие девушки живут у нее… Конан пожал плечами.

— Что ж, или лицедеи не мужчины? Пусть их. Давай дальше.

Вздохнув, Паллантид продолжал.

— О четвертом известно лишь то, что остановился он в доме некого Ленивого Играта на окраине Пуантена. Просидели там несколько дней, а теперь направляются в Тарантию. Ну, и пятый — из Офира — сейчас тоже на пути сюда. Вот и все, государь.

— Немногого же стоят твои сведения, старый пес! Но Нергал с ними, с балаганами. Пойдем-ка лучше поглядим на моего гнедого.

С превеликим удовольствием Паллантид принял приглашение короля. Но — не успел Конан взяться рукою за железную скобу на деревянной двери конюшни, как его окликнул слуга, вразвалку семенящий по ровной дорожке сада. Король окинул его ледяным взглядом и мрачно выслушал сообщение.

— Мой господин, к тебе явился давешний посетитель, а с ним — еще один. Страшный!

Конан заскрипел зубами, с тоскою посмотрел на дверь конюшни, за которой слышалось фырканье гнедого; вся эта история начала его утомлять. Что еще нужно Пелиасу и кого он с собой приволок? В раздражении сплюнув, король отвернулся от конюшни и двинулся ко дворцу с тем, чтобы принять гостей как и подобает аквилонскому владыке.

* * *

— Мы не вовремя, друг мой? — с легкой улыбкой поинтересовался Пелиас, кланяясь

государю.

— Клянусь Кромом, я надеялся провести время повеселее… Что толку в пустых разговорах!

— В пустых? О нет, владыка. Если ты помнишь, речь шла о твоей жизни!

— Стоит ли упоминать об этом сейчас? — пробурчал Конан, выразительно глядя на приведенного магом гостя.

Определение «страшный», коим простодушный слуга наградил его, как нельзя более подходило ко всему облику старика. Невысокий, но стройный и гибкий, он производил отталкивающее впечатление чрезмерно длинными руками с выпирающими плечевыми и локтевыми костями, тощей шеей, покрытой сплошь жестким темным волосом, острым кривоватым горбом на спине; лицо его, чем-то неуловимо напоминающее крокодила, было изрезано морщинами — но не благородными, столь украшающими почтенного старца и свидетельствующими о его праведной, хотя и нелегкой жизни, а порочными: казалось, каждая из этих глубоких канавок на дряблой коже могла бы поведать свою неприглядную историю о предательстве и разврате, грабеже и убийстве… Узкие глаза его того же грязно-коричневого цвета, что и пятна на лице и руках, были почти сокрыты седыми густыми, низко свисающими бровями — это выглядело странным тем более потому, что ресниц не наблюдалось вовсе. Тонкий длинный нос, по форме изящный и благородный, мог бы хоть немного украсить своего владельца, если бы не был свернут набок так, что кончиком чуть не касался впалой щеки, а узкие бесцветные губы, искривленные в сторону, обратную носу, довершали самое неприятное впечатление, какое только производил человек.

Одежда его была проста: длинный, до пят, светлый балахон простой ткани и теплая шерстяная накидка сверху. Учитывая всегда ровный климат Аквилонии, а в особенности царящую последнее время жару, наряд старика казался более чем странным. Впалую грудь украшал серебряный медальон на серебряной же массивной цепи, а в вытянутой мочке волосатого уха висела серьга в форме карабкающегося на дерево человека.

Все это Конан, повидавший за время своих былых странствий необычайное количество народу, отметил с одного взгляда, а отметив, понял, что Пелиас привел к нему отнюдь не простого горожанина. Потому на последующие слова мага он отреагировал легким кивком и почти всю дальнейшую беседу не спускал со старика внимательных глаз, что, безусловно, несколько раздражало гостя, но ничуть не смущало самого короля.

— Друг мой, именно сейчас и стоит об этом упоминать! Позволь представить тебе моего старинного знакомого — меир Кемидо Бьянцци из Пунта.

— Из Пунта? — поднял брови Конан.

— Там мое последнее пристанище, — скривил губы в другую сторону меир, что, по всей видимости, должно было означать у него приветливую улыбку.

Но в тихом скрипучем голосе Конан не уловил никакого выражения — старик говорил без интонаций, на одной ноте, так, словно читал привычную молитву.

— Что до твоего пристанища, — вежливо сказал король, — то будь оно хоть под хвостом Нергала — мне до того дела нет.

— Государь, — вмешался маг, — меир Кемидо здесь для того, чтобы помочь тебе. Выслушай его, и ты поймешь: только он сможет указать злоумышленника, чей извращенный мозг задумал ужасное преступление.

— Кром! Ты очень много говоришь, Пелиас. Не лучше ли перейти к делу? Но для начала я все же хочу знать, кто такой меир Кемидо. Одного имени мне недостаточно.

Старик вскинул острый подбородок, из которого торчали три черных волосины, и скосил на короля один глаз. Конан заметил, немало удивившись про себя, что второй глаз остался неподвижен; впрочем, в своей жизни он довольно насмотрелся всяких фокусов, так что если достопочтенный меир хотел произвести впечатление, то это ему не удалось.

— Я — Слуга Прошлого, — гордо проскрипел старик.

— И что?

— Я могу отыскать твоего врага в прошлом, государь!

— Вот с этого и надо было начинать. Пелиас, забирай своего приятеля и выкатывайся из дворца. А еще лучше — из Тарантии!

— Не спеши, друг мой, — лицо мага напряглось и стало похожим на маску. — Я не посмел бы вводить тебя в заблуждение. Поверь, Меир Кемидо — настоящий искусник, равных ему нет…

— Позволь мне, любезный… — старик качнулся, обдав Конана резким запахом старости и земляной сырости, и протянул руку ладонью вверх.

Ни одной линии не увидел король на коже Слуги Прошлого: ровная матовая поверхность без бугорков и впадин, как покрытая воском дощечка, недвижимо повисла перед ним в воздухе. И вдруг в самой середине ладони вспыхнул неяркий огонек; словно светлячок в вечернем тумане он то затухал, то разгорался вновь; кожа постепенно тончала, плоть под нею наливалась жизнью. Вот уже стали просвечивать вены — голубые полноводные реки, кости… Нет, не кости, но прямые дороги и тропы… Кром! Конан ясно увидел оазис, которым кончалась пустыня, а за ним равнину — через ровную зеленую поверхность проходил широкий тракт, и обрывался он у городских ворот…

— Кром! — рыкнул король, с силой треснув кулаком по подлокотнику кресла. — Вздумал удивить меня, старая развалина?

— Нет, — спокойно ответствовал меир, убирая руку в складки платья. — Я лишь хотел предложить тебе отправиться в прошлое. В твое прошлое, разумеется.

— Не опасайся подвоха, государь, — мягко вставил Пелиас. Черты его между тем оставались жестки и бесстрастны. — Ты считаешь, былая дружба для меня пыль? Что ж, как говорится, не веришь — проверь.

— Хр-рм… — пробурчал несколько смущенный Конан. И в самом деле, маг не давал ему пока повода для сомнений. — Будь по-твоему, Пелиас. Если меир предлагает мне отправиться в прошлое — я согласен. Но без шуток и трюков! Не то, клянусь бородой Крома, вы оба сгниете в Железной Башне!

«Конан есть Конан», — улыбнулся про себя Пелиас, почтительно поклонился государю, затем обратился к старику.

— Успею ли я выпить кубок вина до вашего возвращения, милейший?

— Два кубка, — приоткрыл щель рта меир Кемидо. — А коли ты любитель славного аргосского, то и три.

* * *

Пока Конан мерил шагами просторную комнату, а маг, в полном разногласии с шуткой старика осушал уже четвертый кубок славногоаргосского, меир Кемидо, хрюкая, готовился к путешествию. Он расправил свой балахон так, что тот почти полностью скрыл его от глаз

короля и Пелиаса — только венчик редких седых волос вздымался над тканью, — сгорбился и забормотал нечто вроде молитвы на незнакомом Конану языке.

— Это всего лишь представление, мой король, — прошептал маг. — Для него отправиться с тобой в прошлое так же легко, как для меня сопровождать тебя в твою конюшню.

— Ты думаешь, в мою конюшню попасть легко? — мрачно буркнул Конан. — Я весь день туда иду и…

— Ты готов, государь? — меир Кемидо ощерил в странной крокодильей улыбке редкие острые зубы и уставился одним глазом на короля, а другим на Пелиаса.

— Ну? — Конан сложил руки на груди и, не стараясь скрыть неприязнь, в упор посмотрел на старика.

— Хорошо, что ты одет просто, — одобрительно проскрипел меир. — Кожаные штаны, рубаха и куртка не привлекут лишнего внимания к нашим особам. Итак, государь, подойди ко мне.

Конан подошел и, повинуясь жесту старика, сел на подлокотник его кресла.

— Дай руку.

Когда король, с трудом подавив отвращение, вложил свою могучую длань в сухую безжизненную ладошку меира, тот выставил перед его глазами другую руку: вновь тускло заблистал в ней огонек, то затухая, то вспыхивая…

По телу Конана пробежала дрожь. Он не мог оторвать глаз от картин, что проплывали одна за другой на матовой поверхности ладони Слуги Прошлого. Вот… Вот штурм Венариума! Киммерийцы с ревом врываются в крепость и в первых рядах, среди самых суровых и закаленных боями воинов — юноша с черной гривой волос и пронзительными синими глазами, кои горят сейчас так возбужденно, истинно по-варварски… Но, к досаде Конана, не успевшего толком разглядеть себя в юности, эта картина рассеялась, а на ее месте тут же проявилась другая: пантера с изумрудными глазами и жаркой алой пастью стоит перед ним, помахивая черной блестящей палкой хвоста. Конан протягивает ей руку, в которой зажат золотой диск на золотой же цепочке… Кажется, то был амулет Митры… И опять все пропало. Мелькнули какие-то люди, чьи лица или рожи показались королю знакомыми, полумрак кабаков, звенящая ярость битв и драк… А вот Белит! Сердце Конана ухнуло куда-то вниз, он мгновенно взмок и протянул руку к картине… Увы, Белит исчезла, а вместо нее на ладони меира возникло прекрасное лицо Дайомы, представляющей ему нового слугу — серокожего исполина Идрайна…

— Что же ты? — тонким голосом воскликнул старик. — Скоро мы дойдем до времени нынешнего! Говори, где остановиться!

Конан, которого никто не предупреждал о том, что надо говорить, бросил на меира яростный взгляд и, не глядя ткнув пальцем в его ладонь, рявкнул:

— Здесь!

В тот же миг перед глазами его поплыли розово-красные круги, в висках гулко забили молоточки, а волосы на затылке приподнялись словно у зверя, почуявшего опасность. Он даже не почувствовал, как впились в его огромную руку цепкие пальцы меира Кемидо; посмотрев на Пелиаса мутным взором король хотел сказать ему какое-то проклятье, только вдруг он совсем ослаб и начал валиться набок, хватая ртом воздух.

— Ну вот и все… — услышал Конан довольный голос старика, скрипнул зубами в бессильной ярости и в этот же миг сознание покинуло его.

* * *

Свежий ветерок взъерошил волосы киммерийца, увы, принеся лишь надежду на облегчение, ибо был невесом и бесплотен; настоящего ветра желал бы Конан — сильного, морского, напитанного солью и запахами разных стран, такого, что унес бы хоть часть этой безумной боли, сковавшей виски… Застонав, он повернулся на живот, уткнулся носом в комок тряпок и попытался вспомнить, что же с ним произошло.

Пелиас? Да, Пелиас, явившийся во дворец с отвратительным крокодилом, величающим себя Слугой Прошлого… Ровная матовая ладонь этого ублюдка, а в ней… Кром! Надо же позволить так себя одурачить! Его провели как мальчишку! Но зачем? Что понадобилось Пелиасу? И, кстати, куда они затолкали Конана?

Он приоткрыл один глаз, думая увидеть серые мрачные стены темницы, но узрил лишь деревянную стену да край топчана, с которого свисала чья-то босая нога.

— Кром! — в изумлении выдохнул Конан и сразу с еще большим изумлением почувствовал подозрительный запах, извергшийся из его собственного рта. Принюхавшись, киммериец обнаружил, что запах сей явно был последствием неумеренного поглощения дешевого кислого вина. Но, насколько он мог помнить, кроме полдюжины кубков отличнейшего аргосского, он не пил ничего. Сплюнув на дощатый пол горечь, Конан тяжело приподнялся на локтях, подтянул непослушное тело и сел, скрестив ноги.

— Не нравится мне все это, государь…

Киммериец оглянулся. Рядом с ним на деревянном топчане восседал не кто иной как меир Кемидо собственной персоной. Крокодилья физиономия его была мрачна, длинные волосины бровей топорщились в разные стороны; он не смотрел на короля, но тонкие губы, вытянутые в трубочку, свидетельствовали о том, что меир чем-то был очень недоволен.

— И что же тебе не нравится, крючок? — сурово спросил Конан, который и сам не мог быть в восторге от настоящего положения.

— Не туда попали! Надо было тебе дать знак раньше, тогда мы оказались бы где-нибудь у моря, или в лесу, или… Да мало ли где! А что нам делать в этой казарме?

— Мы в казарме?

— Ну да, в Хауране. Вчера ты набрался в кабаке, а теперь отлеживаешься, тебе плохо, голова болит…

— Это я и без тебя знаю, — буркнул Конан. — Не думал, что от аргосского может быть так худо.

— Какое аргосское? — презрительно скривился старик. — В здешних кабаках солдатне кроме кислятины не подают ничего!

— Так я здесь набрался? В Хауране?

— Государь, твоя непонятливость удивляет и восхищает меня!

— Почему восхищает? — поинтересовался Конан.

— Потому что ты король. Но, прости меня великодушно, сейчас ты всего лишь капитан гвардии королевы Тарамис. О, благороднейший, неужели ты ничего этого не помнишь?

— Помню… И… Скоро на площади начнется бой с шемитами?

— Да.

— А потом меня…

— Да!

— О-о-о! — простонал Конан. — Куда мы попали! У меня вовсе нет охоты снова испытать все это!

— Отправимся обратно?

— Ну уж нет! Посмотрим, может, мне удастся хоть что-нибудь изменить в прошлом!

— Нет, государь, на это не рассчитывай. Но… Слышишь? Гвардейцы собираются на площадь! Вставай!

* * *

Очутившись в прошлом, меир Кемидо странным образом преобразился: оживление сквозило в каждой его черте, сквозь нависшие брови сверкали желтым тусклые прежде глаза, а пальцы то и дело перебирали складки платья. Когда гвардейцы, растерянные, побледневшие, обратили свои взоры на Конана, старик подскочил вдруг к высокому круглоголовому парню и с размаху треснул его по плечу.

— Орел! Служишь? Служи!

Киммериец фыркнул, а парень в изумлении отшатнулся от незнакомца, ибо в прошлом меир выглядел ничуть не симпатичней, нежели в настоящем.

— Капитан! — заговорил низкорослый крепыш с изъеденным оспой серым лицом. — Только благословенная Иштар знает, зачем королева открыла ворота ублюдкам! Скажи нам, что делать?

— Мы дарим Хауран шемитам?

— Почему без боя, капитан?

— Не сдадим оружия!

Конан поднял руку, призывая гвардейцев к вниманию и намереваясь сообщить им правду, изменив тем самым ход истории, но увы! Подобное еще никогда и никому не удавалось. Только он начал говорить, как из самого конца казармы, позевывая, вышел могучий воин с гривой черных спутанных волос, с капитанской перевязью, сплошь заляпанной бурыми винными пятнами. Помятое, покрытое шрамами лицо его с губой, прокушенной в порыве страсти то ли им самим, то ли его подругой, показалось королю смутно знакомым. Он вопросительно посмотрел на Меира Кемидо, но тот лишь ухмыльнулся в ответ, передернув костлявыми плечами.

— Хватит болтовни, — хмуро пробурчал новоприбывший. — Пошли на площадь, поглядим, в чем там дело.

Синие глаза его вдруг в упор уставились на Конана; на миг они сверкнули странным огнем, но тут же и потухли; равнодушно отвернувшись, он направился к выходу. Гвардейцы, совершенно позабыв про короля, коего только что величали капитаном, молча устремились за ним.

— Ах ты, старая коряга… — задумчиво глядя в широкие спины, обтянутые красно-черными куртками, сказал Конан. — Почему ты не предупредил меня, что он здесь?

— Ты и сам должен был догадаться, государь, что без этой встречи не обойтись.

— Он не узнал меня…

— Конечно. Ведь ты теперь на десять лет старше…

— Кром! Он понравился мне!

— Зачем ты говоришь «он»?

— Я не могу говорить о другом человеке — «я»…

— Он не другой человек! Он и есть ты!

— Хватит болтовни. Пошли на площадь, поглядим, в чем там дело.

Король покачал головой, все еще пораженный неожиданной встречей, и, не дожидаясь меира Кемидо, вышел из казармы.

* * *

Вся площадь перед королевским дворцом была заполнена народом. Для того, чтобы добраться сюда, Конану и его спутнику пришлось пробираться сквозь взбудораженные толпы, плотно забившие улицы. Далеко впереди король видел возвышавшуюся над толпой черную гриву его собственных волос; но пока он никак не мог привыкнуть к тому, что этот гигант и есть он сам, так невероятно было настоящее приключение. Искоса он взглянул на невозмутимо шагавшего рядом меира Кемидо: старик приподнял полы длинного платья, дабы не запачкать его, и с нескрываемым удовольствием наблюдал за происходящим вокруг.

А вокруг и в самом деле творилось нечто невообразимое. Толпа гудела, встревоженная и растерянная, тут и там слышались восклицания, стоны, приглушенные рыдания.

Солдаты, построившиеся на площади по приказу королевы, хранили молчание. Но и их недоумение было велико. Взгляды их, устремленные поверх голов к ступеням королевского дворца, казалось, молили об истине. Никто не мог пока понять, что же произошло. Почему Тарамис, любимица народа, повелела открыть ворота Хаурана, отдав на поругание шемитам и свой город, и своих людей? И каким образом рядом с ней очутился подлый кофит Констанций? Ведь накануне она отказала ему в его отвратительных притязаниях?

Все эти вопросы, произносимые негромко или шепотом, король и Меир услышали, стоя в притихшей уже толпе. До ломоты в скулах сжав зубы, Конан мрачно смотрел на строй солдат; гвардейцев с его места видно не было, так что узреть самого себя среди них он так же не имел возможности. Вооруженные до зубов шемиты числом не менее десяти тысяч выстроились в каре. Нагло уставясь на хауранских воинов черными выкаченными глазами, они отнюдь не пеклись о своей выправке. Все это было им теперь ни к чему! Не гости, но хозяева, они стояли расхлябанно, то зевая, то переговариваясь, а то презрительно сплевывая в сторону великолепного храма Иштар, высящегося на соседней площади и отлично видимого отсюда.

Появившаяся в этот момент на ступенях дворца королева с глумливой ухмылкой на прекрасных устах, вызвала рев толпы. Нотки надежды, звучавшие во всеобщем хоре, заставили Конана поморщиться словно от боли. Королева же — даже в мыслях киммериец не допускал назвать ее славным именем Тарамис — захохотала, закинув голову, и обернулась назад.

И тут из темноты за ее спиной выступила рослая фигура воина в роскошных одеждах. Лишь только лицо его осветил день, рев толпы смолк; ужас волной пробежал по стройным рядам воинов и сковал простой люд. Констанций! Рядом с королевой Констанций!

— Слушайте все! — повелительно произнесла королева. — С этого дня я объявляю Констанция королевским супругом!

Толпа ахнула.

— Армии приказываю: сложить оружие и разойтись! Отныне храбрые воины вашего

нового короля будут охранять Хауран. А теперь ступайте, ступайте! Ступайте же!

Все смешалось на площади. Одни, будто бы их тянуло неведомой силой, шли ко дворцу, другие, напротив, старались поскорее покинуть площадь. Ни тем, ни другим не сопутствовала удача: слишком много народу скопилось здесь, так что выбраться из толпы отдельному человеку было весьма непросто.

Солдаты, онемевшие и вконец растерявшиеся, складывали оружие — они привыкли повиноваться королевским приказам, хотя и не могли сейчас понять, чем вызвано такое странное, похожее на предательство поведение Тарамис. Впрочем, само слово «предательство» не приходило им в головы. Скорее, ощущение его витало над сломанным строем хауранских воинов.

Конан, намертво вставший на одном месте и не сделавший даже шага в суете толпы, наконец не выдержал. Оттолкнув вцепившегося в его куртку меира Кемидо, он в несколько прыжков достиг ограды дворца. Какой-то шемит лениво замахнулся на него коротким мечом, но тут же упал, сраженный тяжелым кулаком киммерийца. Краем глаза Конан заметил, что гвардейцы пока и не думают расставаться со своим оружием: толстый, обвешанный мечами и кинжалами шемитский десятник терпеливо повторял им распоряжение королевы, удивляясь про себя тупоумию хауранцев. Его не слушали. Головы всех до единого гвардейцев были повернуты к капитану. И Конан, на миг остановившись у ограды, посмотрел на него же со смешанным чувством гордости и опаски. Он лучше, чем кто-либо иной, знал, что скажет сейчас этот могучий угрюмый парень, так же, как знал он, что последует за этим. Горячее желание вмешаться вновь охватило его, но усилием воли он сдержался. Меир Кемидо был прав. Может ли он изменить прошлое? Да и вправе ли?

В глубине души король вовсе не хотел вторично переживать то, что должно было произойти — а судя по тому, что рот его до сих пор был полон тягучей и горькой похмельной слюной, ему придется испытать на своей шкуре все, положенное черноволосому капитану гвардейцев, — но и менять что-либо в своей прошлой жизни он тоже не собирался. Поэтому он ограничился в своих действиях тем, что решительно двинулся к ступеням королевского дворца, вежливо пропустив вперед того, кто уже направлялся туда же.

Два абсолютно одинаковых человека встали рядом — только у одного из них в черных как воронье крыло волосах блестели серебряные нити — два абсолютно одинаковых человека посмотрели на королеву. Конан-младший не замечал присутствия двойника, вернее, не обращал на него ровно никакого внимания, как бы чувствуя, что с этой стороны не может быть подвоха. Конан-старший, напротив, очень внимательно следил за любым жестом парня, с удовольствием понимая, как нравится сам себе и как мало он с тех пор изменился.

С трудом оторвавшись наконец от созерцания себя в молодости, он смерил королеву презрительным взглядом, сделал короткий шаг назад и встал за плечом капитана. Конан-младший, в точности повторив его взгляд, повернулся к толпе, которая, замерев, наблюдала за ним, пожал плечами и громко, насмешливо воскликнул:

— Да это не королева, не Тарамис! Это демон в ее обличье!

Лже-Тарамис взвизгнула в ярости, скользнула за спину Констанция; кофит, покручивая ус, задумчиво посмотрел на короля и капитана, странным образом похожих друг на друга, и, не раздумывая более, повернулся, и вместе со своей пассией исчез во мраке дворца.

Народ на площади взревел. Кто Тарамис? Где Тарамис? Эти вопросы так и остались без ответа, ибо ведьма Саломея лишь злобным блеском глаз отличалась от настоящей королевы. Дикий мощный вой стотысячного горла потряс Хауран. С лиц наемников мгновенно слетело

общее выражение скуки: звериная ярость толпы за пол-вздоха могла раздавить их, а потому они выхватили мечи и не теряя времени ринулись на безоружных людей.

Огромный шемит подскочил к капитану, намереваясь поразить его мечом в грудь, но в тот же миг упал на ступени замертво — кинжал Конана-младшего по рукоять вошел ему в шею. Король усмехнулся, подавляя желание дружески шлепнуть парня по плечу, выхватил свой королевский меч и ринулся вниз. А там уже кипел бой.

Гвардейцы яростно бились с шемитами — после того, как капитан их сначала запретил им слагать оружие, а затем выступил с короткой, но поразившей всех речью, от недоумения и растерянности не осталось и следа. Не Тарамис! Некоторое время были слышны лишь воинственные и гневные выкрики да звон клинков, но вскоре дикий вопль обезумевшей толпы заглушил все прочие звуки. Люди бросались на шемитов словно звери, вырвавшиеся из клеток. Безоружные, они действовали кулаками, ногами, зубами… И все же исход боя был предрешен: пять сотен гвардейцев и простой люд не могли устоять против тысяч отлично экипированных шемитов.

Конан-король, мечом расчищающий себе дорогу к дворцовой стене, где один против сотни сражался капитан, с ужасом ждал того мига, когда бой для него будет окончен. Так же, как в полной мере испытал он тяжелое похмелье вместе со своим двойником, он должен и упасть сейчас под натиском шемитских псов, упасть, чтобы совсем немного спустя оказаться распятым на кресте подлым кофитом Констанцием… Безумное желание изменить историю обуяло короля; на этот раз он уже не имел воли справиться с собой. Быть может, в более спокойной обстановке он и оставил бы все, как есть, но теперь, в пылу схватки, это оказалось свыше его сил. Да он и не задумывался уже, есть ли у него право вмешиваться, нет ли… Он снова и снова поднимал свой меч, разя ненавистных ему и в прошлом и в настоящем наемников, беспрепятственно вошедших в город и вознамерившихся поживиться на несчастьи обманутых демоном людей. Короткая мысль о меире Кемидо, пропавшем из виду, мелькнула было в его голове, но в тот же момент словно молния разорвалась перед его глазами, хотя ни один из вражеских мечей не коснулся и волоска на его теле. Конан вскрикнул, пораженный страшной болью, пошатнулся и рухнул наземь. Сознание покинуло его.

Глава 5

Сумрачно было на душе стрелка. Качаясь в повозке и сквозь дыру в подгнившей от старости материи поглядывая на волю, он был спокоен внешне, но внутри него гремела настоящая буря. Барабаны и трубы, то вопящие отчаянно, то скулящие, то заходящиеся в стоне — страшная музыка мятущейся души — разрывали его, кровь толчками билась в его голове, а руки сковывала судорога. Он потихоньку щипал свои запястья, вонзал ногти в кожу, и судорога отступала — но ненадолго. Спустя лишь несколько мгновений страдания возобновлялись.

Этей давно уже понял, что серьезно болен. Знающий врачеватель еще мог бы помочь ему, но на лечение времени не было совсем. До Митрадеса оставалось всего ничего — скоро балаган прибудет в Тарантию, а там можно и расслабиться… Стрелок лукавил сам с собой: расслабиться он уже не мог. Теперь и воспоминания — вторая, истинная жизнь Этея — являлись ему словно в тумане. Расплывчатые черты Белит и Гарета не выражали ничего, кроме скуки. Казалось, никакими откровениями он уже не может вызвать в них интерес. Даже Гарет, который имел все основания ненавидеть аквилонского короля, не желал обсуждать планы мести. В конце концов стрелок оставил мертвых в покое, лишь по привычке иной раз вызывая в памяти их лица. И только Конан неизменно представал перед ним в своем настоящем обличье — таким, каким Этей и помнил его: могучий воин огромного роста с гривой черных, вечно спутанных волос, с глазами цвета ясного неба, кои так часто сверкали опасным насмешливым блеском…

Этея снова бросило в пот. Он медленно обтер лицо и шею ладонью, сунул нос в дыру — окошко на волю, и стал вдыхать свежий воздух: размеренно, глубоко, с тихой и несколько безумной радостью ощущая, как проникает он во все поры, во все внутренности, в душу. И наслаждаясь этой игрой, которая для него означала несколько лишних мгновений жизни, он не забывал еще и еще раз представлять себе короткую, но великолепную сцену гибели аквилонского короля, продуманную им до мельчайших подробностей, до единого жеста — стрела, несущая Смерть, легкий трепет привязанных к ней веселых пестрых лент, бурлящая и смердящая толпа, размалеванные физиономии собратьев-лицедеев, и там, дальше, суровое лицо короля и последняя мысль — может быть, догадка? — промелькнувшая в его синих глазах; затем сильные пальцы Этея ласково сжимают тонкое упругое тело стрелы и…

Как прекрасно! Он всегда любил красоту, и даже там, где другие видели лишь боль и кровь, страдания и смерть, он замечал величие, исходящее от высоких небес. А небеса те, находящиеся, по мнению стрелка, далеко за огненным шаром солнца и уж гораздо дальше облаков, образовывали собою твердь и являлись истинными хозяевами Мира.

Этей твердо верил, что руку его, сулящую Конану быструю смерть, направляют именно высокие небеса, ибо им только ведомо, что есть настоящая справедливость. Месть — занятие, достойное избранных. В том же, что он, стрелок, избранный — он не сомневался и на миг, а потому каким-то краешком души завидовал королю, которому высокие небеса предоставили честь уйти на Серые Равнины красиво, от руки особо назначенного убийцы, а не пасть в бою самым примитивным образом, как погибают тысячи тысяч… Взор Этея затуманился: он и себе желал уйти красиво, но, по всей вероятности, ему предназначена иная участь. Вряд ли он надолго переживет Конана. Разъяренная толпа разорвет и растопчет его, стоит только хоть одному ублюдку заметить, из чьей руки вылетела смертельная стрела.

А заметить это отнюдь не трудно… Тело Этея, послушное мозгу как самый преданный раб, съежилось, словно сторукая толпа уже вонзила в него свои железные пальцы, и судорога вновь сковала члены. Стрелок попытался представить лицо Белит — только она могла облегчить страдания, — но вместо прекрасных черт увидел безобразную маску, грубо размалеванную яркими красками и налепленную на чье-то бледное, проглядывающее сквозь прорези для глаз лицо; что это было — Этей не знал, но страх одолел его наконец. Он судорожно вдохнул глоток спертого воздуха и без сознания свалился на мешки.

* * *

Наутро балаган за несколько медных монет переправился через широкую, но местами совсем мелкую реку Хорот, и спустя некоторое время очутился в небольшом городке Притимус, стоящим на самой границе баронства Атталус. Первый же встречный — местный житель, напуганный повелительным окриком Леонсо, обстоятельно поведал лицедеям историю бывшего здешнего правителя барона Диона Толстого: сей муж, кузен короля Нумедидеса, с пеной у рта осыпал проклятьями опального родственника и уверял соратников Конана в своей незыблемой преданности новому владыке; он даже публично принес ему присягу и со слезами умиления успел облизать его сапог, пока стража не оттащила чувствительного барона и не выкинула за дверь. Впоследствии же оказалось, что Дион Толстый был одним из Четырех Мятежников, совершивших посягательство на драгоценную жизнь короля, так что вместо богатого баронства он стал хозяином крошечной сырой камеры в Железной Башне. Но Атталус, против ожидания, в отсутствие правителя не захирел; более того, возобновилась торговля с соседними графствами, бывшими в длительной ссоре с Дионом Толстым, а крестьяне, коим налог тут же был снижен, быстро оправились от нужды и впервые за многие годы получили отличнейший урожай.

Вот что узнали лицедеи от местного жителя, остановленного Леонсо у ворот Притимуса. Наконец он закончил и, потрясенный до глубины души бурными аплодисментами, увенчавшими его рассказ, удалился. Лицедеи же удрученно смолкли. Что делать им, нищим, безродным и бездомным, в этом богатом и красивом месте? Где лица у людей не бледны, но гладки, где одежды их прочны, а поступь уверенна…

Мадо почесал впалую грудь. Тусклые, словно вареные голубые глаза его вдруг возбужденно блеснули. Он торжествующе оглядел собратьев, поникших головами, и объявил:

— Богатенький городишко, парни! Есть чем поживиться, а?

— Да-а-а, — глубокомысленно поддержал его Сенизонна. — Может, попрыгаем здесь? Самую малость?

Леонсо вздохнул. Неудачи преследовали последнее время его труппу. Вновь получать насмешки, плевки, а то и палки не хотелось. Недаром они решили поберечь силы до Митрадеса — там можно заработать столько, сколько хватит им всем, чтобы вполне безбедно прожить две, а то и три луны… Если, конечно, отказаться от пива и тем более от вина… Но как беречь силы, когда нечего есть? Кому нужны на празднике вялые и унылые лицедеи с зелеными от недоедания физиономиями? Леонсо с жалостью посмотрел на рыжего Мадо, истощавшего и уставшего до такой степени, что у него не хватало сил даже на обычные истерики; на бледного как куриное яйцо Агрея, простуженного в дороге — приступы кашля мучили его беспрестанно, и все же улыбка, хотя и кривая, не сходила с его губ; на Михера,

что нахохлился словно петух на насесте, у которого зажарили всех его кур; на нытика Сенизонну, вечно вымаливающего себе как особо талантливому лишний кусочек; на милое добродушное лицо Велины, увы, давно утратившей свой чудный мягкий румянец на смуглой чистой коже…

— Ну вот что, псы! — решительно сказал Леонсо. — Жрать нам надо? Надо! Пива нам хочется? Хочется! Играт! Гони на площадь! Сейчас мы повеселим этих жирных ублюдков!

— Повытрясем из них денежки! — радостно взвизгнул Мадо.

— Повыпотрошим кошельки, — пробасил Зазалла.

— Только если они будут бросать в меня камни… — обиженно начал Сенизонна, но его уже никто не слушал.

Трясясь в повозках, каждый представлял себе со всей силой воображения роскошный обед, оплаченный монетами из толстых кошельков атталусских богачей. Один уже заказывал — конечно, пока мысленно — хозяину харчевни бараний бок с бобами, другой поглощал — тоже мысленно — жареных перепелов, запивая их ароматным пивом, третий отламывал нежные кусочки осетрины, капризно меняя розовое бритунское вино на красное стигийское, а красное стигийское на белое аргосское… Желание было так сильно, что в воздухе, казалось, заплавали чудесные запахи яств; лицедеи заволновались, криками стали подгонять своих возниц — даже бледные физиономии их несколько порозовели в ожидании пиршества; а то, что попировать здесь можно было на славу, не подлежало сомнению: улицы пестрели вывесками харчевен и кабаков, зазывалы шныряли туда-сюда, трещотками и протяжными воплями привлекая внимание прохожих…

Наконец Играт, который правил первой повозкой, остановил клячу на небольшой круглой площади, вымощенной черным плоским булыжником. По всей видимости площадь эта являлась излюбленным местом прогулки горожан, ибо сейчас по ней взад и вперед праздно болтались местные сливки общества, презрительным шипением отгоняя стайки оборванных ребятишек. Два фонтана на западной и восточной сторонах — несомненно, краса и гордость Притимуса — в форме неправильных треугольников, выложенные черным с серебряными нитями мрамором, использовались предприимчивыми горожанами как колодцы: лицедеи сразу заметили, что к ним то и дело подходят люди с кувшинами, бутылками, ведрами за чистой, прозрачной водой, невысокой струей бившей из открытых пастей неведомых животных, чем-то напоминающих морских коньков. Кроме фонтанов на площади не наблюдалось никаких построек — ни дворца, ни храма, — и это лицедеев вполне устраивало.

Глаз Митры светил высоко в ясном небе; мягкие теплые лучи его ровно ложились на землю, матово поблескивали на черном камне, вспыхивали крошечными разноцветными огоньками в струях фонтанов. Местные жители, утомленные этой, почти что вечной красотой своего края, лениво разгуливали, обдуваемые мягким свежим ветерком, и втайне мечтали о грозе с сильным ливнем, или о снегопаде, который так надоел гиперборейцам, ванам и прочим северным народам, или хотя бы о паре холодных деньков. На самом-то деле баронство Атталус после потери Диона Толстого оказалось вдалеке от очагов восстаний и междоусобиц, так что жители его, не привыкшие к покою, просто-напросто умирали от скуки. А потому внезапное появление балагана было подобно здесь землетрясению.

Широко раскрыв глаза горожане окружили повозки и с нескрываемым любопытством следили за действиями лицедеев, кои молча и угрюмо (ибо пустые желудки их подвывали на разные голоса) сдирали ветхую материю, разукрашенную то ли цветами, то ли звездами,

обнажая дырявый дощатый пол своего пристанища на колесах. Вскоре две составленные вместе повозки образовали некий помост, на который с вымученной улыбкой взобрался Михер, весь увешанный трубками, дудками и красными лохмотьями, долженствующими обозначать веселый наряд шута. Он набрал полную грудь воздуха, покраснев при этом словно петушиный гребень, и вдруг заревел — так оглушительно, так грозно, что не все из стоявших в первых рядах смогли удержаться на ногах.

Надо сказать, что лицедеи не меньше горожан были удивлены выходкой собрата. Его роль заключалась в том лишь, чтобы поприветствовать почтеннейшую публику, воздать хвалу «алмазу Аквилонии» (то есть тому городу, в котором проходило выступление; в данном случае — Притимусу), а затем представить следующего — Мадо, и тот дивной трелью упоенного любовью соловья усладил бы тонкий слух благороднейших господ. Увы, Михер ревел подобно быку, может быть, тоже упоенному любовью, но уж никак не способному усладить чей бы то ни было слух.

Онемевшие лицедеи наконец опомнились — слава Митре, прежде, чем опомнились горожане, — и ценой неимоверных усилий стащили пинающегося и кусающегося колобка с помоста. Пока собратья засовывали Михеру в рот кляп, состоящий из его собственных красных лохмотьев, Мадо занял его место и… Никогда еще местные жители не слышали столь удивительного искусства. Рыжий, по обыкновению закатив глаза, цокал, стрекотал, пел; голос его то вздымался вверх, переливаясь на самых высоких нотах, то опускался, гудя и клокоча гдето меж горлом и языком.

Но вот песня кончилась, но не оборвалась, а плавно перетекла в иные миры — далекие, неизведанные, и потому манящие… Раскаты грома послышались вдали, завывания могучего северного ветра, с каждым вздохом приближающегося к светлой и теплой Аквилонии, грозящего нарушить покой, смести до основания маленький Притимус… Горожане невольно задирали головы вверх, с удивлением наблюдая там совершенно чистое голубое небо без единого, даже самого легкого облачка.

Затаив дыхание, слушал своего любимца Играт. Вот Мадо прервал и звуки грядущей бури, изобразив тихий плеск волн у берега. Но… что же случилось на этом берегу? Зарывшись в песок, там спит усталый воин. Сон его неспокоен — то и дело он всхлипывает, ворчит, стонет. Ему привиделся бой! Воинственный клич издает он, и — в тот же миг уже наяву его настигает враг. Резкий взмах клинка, удар!.. И предсмертный хрип воина заглушает торжествующий шепот его врага…

Мадо умолк. Крупные капли пота скатывались по его бледному веснушчатому лицу. Криво ухмыльнувшись, он фиглярски раскинул в стороны тонкие руки, низко, до полу склонился перед почтеннейшей публикой, и соскочил с помоста. Горожане взорвались ликующим воплем. Воистину им не приходилось до сих пор наблюдать подобное искусство! На рыжего посыпался медный дождь, в котором посверкивало и золото — многие бросали монеты горстями, в экстазе выгребая из кошелька все, что там было, а те, у кого денег не оказалось, швыряли лицедею куртки, пояса, шапки…

— Уважаемая публика! — возопил красный от удовольствия Леонсо. — Уважаемая публика! Представление еще не окончено!

Он толкнул кулаком Зазаллу и тот, ухватив за рукав Улино, целующего со слезами на глазах Мадо в рыжую макушку, кряхтя, полез на помост. Постепенно восторженные крики стихли; горожане, уже позабывшие про возмутительное выступление колобка, с нетерпением ожидали следующего номера. Представление, начавшееся так неудачно, продолжалось.

* * *

— Ах, Мадо, Мадо, — укоризненно сказал Леонсо, смакуя розовое офирское вино. — Ну отчего ты не всегда так хорош? То, чем ты порадовал нынче этих недоносков, право же, достойно королей.

— Он мог бы запросто прокормить нас всех, — пробурчал Агрей, которому не удалось выступить, ибо кошельки притимусцев были уже пусты и они благодарили лицедеев одними ликующими воплями, кои в кабаках вместо платы за ужин не принимают.

— Ленивец! — сурово подвел черту толстяк Гуго.

— Пес смердящий… — как всегда злобно зашипел Сенизонна. — Только и умеет, что свиристеть… Недоумок.

— А! — беззаботно махнул рукой Мадо, не обратив внимания на выпад грустного красавца. — Нынче получилось, а завтра и слова вымолвить не смогу. Ты же знаешь меня, Леонсо…

— Почему же Агрей всегда может вертеться колесом и гнуться подобно змее? А Зазалла с Улино всегда могут глотать огонь и швыряться друг в друга булыжниками величиной с твою голову? Нет, Мадо, все же Гуго прав. Ты — ленивец!

— Грязные козлы! — разозлился рыжий. — Жрут на мои деньги и меня же мешают с дерьмом! А ну, толстяк, отдавай кость! И пиво тоже! А ты, болван, — он вытаращился на невозмутимо грызущего петушиную ногу Сенизонну, — выкатывайся отсюда к Нергалу!

— Успокойся, Мадо, — буркнул Гуго, забирая обратно свою кость и кружку с пивом.

— Пес смердящий… — с удовольствием повторил Сенизонна, наслаждаясь петушиной ногой, которую он и не подумал отдать Мадо.

— А ну, тихо! — прикрикнул Леонсо, останавливая готовый разгореться скандал.

Мадо зашипел, но все же смолк, бросая на собратьев разъяренные взоры. В порыве злобы он потихоньку ущипнул Играта за колено — тот сдавленно пискнул, не посмев, тем не менее, обвинить рыжего, — и лишь после этого несколько успокоился.

Сенизонна же, для которого не было ничего слаще, чем сцепиться с ближним своим, разочарованно хмыкнул.

— Ну, псы? — потирая руки, заявил Леонсо. — Переночуем в этом гостеприимном городишке и на рассвете — в путь!

Разморенные обильной пищей лицедеи встали из-за стола, позевывая, с сожалением глядя на остатки собственного пиршества. И лишь Сенизонна не тратил чувств — он без зазрения совести собрал в свой мешок не до конца обглоданные кости, кусочки хлеба, сгреб с тарелок бобы в соусе, с отвращением облизывая перепачканные пальцы; давясь, допил из кружек пиво и вино, рыгнул, и поспешил за собратьями, кои уже покинули кабачок, с наслаждением окунувшись в свежий сумрак только что наступившей ночи.

* * *

Впервые за много дней и ночей желудок стрелка был набит до отказа, и не сухими корками, подобранными на дороге, а самыми настоящими яствами, что за целую кучу меди принес на их стол расторопный хозяин. Но если бы кто знал, какими неимоверными

усилиями удалось Этею запихать в себя такое количество отличной жратвы! Не один раз бросало его в пот при мысли, что вот сейчас он подавится и умрет, не свершив задуманного — он напрягал все силы, сохраняя беспечный вид, и через силу глотал, явственно ощущая, как царапает кусок воспаленное горло.

Наконец пытка завершилась; лицедеи вышли на улицу, где уже царила благословенная тьма, и ночная прохлада приняла спутников в свои мягкие объятья. Покачиваясь, Этей шел рядом с проклятыми лицедеями, не упускавшими возможность пошутить — как обычно, глупо и не вовремя. Едва сдерживая стоны, стрелок вяло огрызался; голова его вновь начинала пухнуть, грозя взорваться горячими искрами, сжечь мозг… Он с трудом вскарабкался в повозку, свалился на пол и, притворяясь спящим, тихо засопел. Остальные быстро последовали его примеру, и вскоре балаган храпел в четырнадцать глоток, заставляя редких прохожих в изумлении шарахаться в стороны.

Только сейчас Этей смог открыть глаза и позволить себе немного расслабиться. И в это самое мгновение знакомая фигура возникла перед ним во мраке. Нет, то была не Белит, другая. С детства посещала она стрелка, пугая и одновременно обещая нечто, о чем Этей и догадываться не смел. Руки ее плавно мазнули по его лицу — так, как капля дождя задевает щеку, пролетая мимо… Белые слепые глаза уставились в точку меж его бровей и он почувствовал там легкое жжение. Замерев, стрелок впустил в себя это тепло, и оно сразу разлилось в его голове, прояснив жалкие однообразные мысли, разворошив прошлое, пробудив воображение… Вместо призрачной фигуры перед Этеем предстала женщина, чья кровь и плоть ощущалась кожей; он внюхался, с детским любопытством вдыхая ее горячий запах, и вдруг прильнул к ней всем телом, желая истинной — только истинной — любви, той, какой у него никогда еще не было…

Но и то оказалось ложью, а может, миражом — как все в прошлой и настоящей жизни стрелка. С тихим смехом женская фигура вновь обратилась в полутуман и растаяла, оставив после себя лишь горячий, но быстро остывающий запах. На долю мига мелькнуло в той же тьме чистое лицо Белит — она с грустью посмотрела на растерянную глупую физиономию лицедея и, конечно, исчезла. А что ей было делать в вонючей повозке рядом с потными телами шутов и смешным неудачником… Смешным? Нет. Страшным. Диким. Грязным. О, Эрлик!.. Этей вытер слезы, отчего-то полившиеся из глаз, и лег. Но и сон — единственный праздник в его земном существовании — не приходил, чтобы дать облегчение. Стрелок с ужасом почувствовал приближающуюся боль. Тонкими иглами она легко касалась его тела, обещая вот-вот вонзиться безжалостно…

Он прикусил губу и медленно начал вытягивать одну ногу, другую… Не получилось… Судорога мгновенно сковала его от кончиков пальцев до самых плеч. Чувствуя, как от боли готово лопнуть сердце, стрелок сел, впился ногтями в подошвы, потом в щиколотки, в икры… И в тот момент, когда от невыносимой пытки он уже почти перестал дышать, боль прошла. Не веря, Этей осторожно пошевелился — тело его было свободным и легким, как во времена юности… Но радоваться он не спешил; напротив, раздражение вдруг охватило его — высоким небесам угодно посмеяться над своим рабом? Что же… Стрелок спохватился, ругая себя за мерзкий характер. Проклятья, готовые сорваться с его уст, не произнеслись. Да он и так позволил себе слишком много! Даже за миг неповиновения его могут лишить великой чести отомстить ненавистному варвару! О, Эрлик… И неужели до сих пор он не привык к насмешкам? Стрелок с силой ударил себя в подбородок, с наслаждением очищения ощутил резкую боль, и вновь свалился на пол, обуреваемый сейчас лишь одним желанием — спать.

Глава 6

Конан очнулся от резкой боли в ладони левой руки. Он поднял голову, встряхнув взмокшими от крови прядями черных волос, разлепил ресницы и с удивлением посмотрел на свою ладонь, в самой середине которой зияла черная дыра. Алые струйки стекали по шершавой коже, капали на земляной пол и земля быстро всасывала кровь, оставляя на поверхности лишь темное влажное пятно.

Выругавшись, он оторвал зубами от рубахи клочок тонкой ткани, сложил его и прижал большим пальцем к ране. Он знал уже, что последует сейчас, но, как истый варвар, не желал и не умел бессмысленно, тоскливо ждать — любви, сражения, пытки, смерти, — чего угодно, а потому, выкинув из головы всякие бесполезные мысли, он решил основательно осмотреться, определить, где он находится, и затем уже решить, что делать.

Серые мрачные стены, изъеденные сыростью, низкий потолок, сплошь усеянный черными лепешками непонятного происхождения, маленькая — словно вход в нору — деревянная дверь, повисшая на одной петле и потому снаружи припертая чемто тяжелым, рассохшиеся бочки в углу — без сомнения, нынешнее пристанище короля было самым обыкновенным подвалом. Не раз за свою прошлую жизнь ему доводилось отлеживаться или скрываться в подобных мрачных, но вполне надежных подземельях. Но как он оказался здесь? Может, какой-то сердобольный хауранец после боя на площади приволок его сюда?

Вспомнив бой, Конан невольно застонал. Старый крючок был прав: ничего нельзя изменить в прошлом. Но как научиться жить так, чтобы потом и не хотелось ничего менять? Пожав плечами, король ответил сам себе тем, что смачно сплюнул на пол; затем он рывком поднялся на ноги и пошел к двери — давно пора отыскать меира Кемидо и вернуться в настоящее. Кром! А что еще ему делать здесь? Вновь испытывать муки распятого на кресте? Зачем? Весь этот бардак уже случился десять лет тому назад! Всему свое время… Но не успел Конан сделать и пары шагов, как ладонь его правой руки пронзила страшная боль. Вот и еще одно послание из прошлого… Он вздрогнул, остановился — на миг в глазах потемнело; стиснув зубы, киммериец помянул все конечности Нергала, коими, по его мнению, являлись проклятые наемники-шемиты, оторвал еще один клочок от рубахи и им зажал новую рану.

Он отлично помнил палящее солнце (именно таким, каким оно и было в тот день десять лет назад) — глаз благого Митры, который мог быть не только мягким, светлым и теплым, но и равнодушным, но и жестоким; он помнил и мертвую пустоту вокруг, и собственное бессилие, и ощущение холода от мрачной стены Хаурана за его спиной; и ухмыляющиеся физиономии шемитов, прибивавших его к кресту, и мерзкую улыбку Констанция — возвышаясь на коне в окружении своих воинов, закованных в броню, он с нескрываемым удовольствием наблюдал за муками распятого варвара. А в небе в ожидании легкой добычи уже кружились стервятники. Они опускались все ниже, в нетерпении открывая кривые клювы и пронзительно каркая, и Конану казалось, что он слышит их запах — гнилостный, нестерпимо едкий — запах разлагающейся плоти… Да, тогда его спас Гарет — предводитель шайки зуагиров, но спас для себя: в бою киммериец стоил дюжины крепких воинов, а его выносливость, присущая скорее зверю, нежели человеку, делала Конана воистину бесценным.

… И снова из ладоней брызнула кровь. Король стряхнул ее и сел на земляной пол, так

как теперь гвозди должны были вонзиться в его ноги. Он кожей почувствовал, как поднимается заросшая черными вьющимися волосами шемитская рука с зажатым в кулаке молотом и… Лоб его и спина мгновенно взмокли от пронзительной боли, левый сапог наполнился горячей кровью и Конан, вцепившись зубами в ворот куртки, чтобы не прокусить губу, стащил его, с проклятьями отбросил в сторону. Теперь надо было снять и другой, ибо рука палача уже взяла последний, четвертый гвоздь…

Дернувшись, он принял и этот удар. Перед глазами поплыли круги, в мутной черноте которых король узрил вдруг крест, а на нем — себя самого; распятый, в одной лишь набедренной повязке, он с дикой ненавистью смотрел на Констанция и его приспешников, жалея о том только, что прежде собственной смерти не успел отправить на Серые Равнины грязную кофитскую тварь, предательством завладевшую властью в Хауране… И как сквозь сон расслышал киммериец клекотанье и свист крыльев стервятников, жаждущих крови и плоти пленника. Сжав кулаки, он издал утробный звериный рык, поднялся и сделал неуверенный шаг к двери — он все еще плохо видел, ослепленный то ли болью, то ли ненавистью, а скорее всего, и тем и другим. Сырая земля вожделенно впитывала в себя кровь, стекающую с его израненных рук и ног, а сверху, с потолка, на голову и плечи короля капала иная влага — мутная, белая, вонючая… Но холодные капли эти, казалось, оживили Конана. Глаза вновь стали четко различать узор, сотворенный на стенах сыростью, и черные щели в бочках, и низенькую дверь…

Король замер, уставившись на дверь, которая медленно, осторожно кем-то приоткрывалась… Миг — и в зияющей за ней пустоте появился вдруг огромный, полный печали карий глаз.

— Мгарс… — выдохнул киммериец, сам не понимая, из каких глубин его памяти возникло это странное имя.

Дверь распахнулась под отчаянным толчком чьих-то слабых рук и перед Конаном предстала смуглокожая девушка с роскошными волосами цвета перезревшего каштана. Гибкая и подвижная словно ящерица, в одной лишь легкой светлой тунике, она порывисто кинулась к королю, прижалась к нему всем телом, обдав чудным цветочным запахом…

— Мгарс… Он вспомнил ее. Тогда, десять лет назад, он любил ее два дня и две ночи — как раз перед тем, как ведьма Саломея отдала Хауран на растерзание шемитам. Может быть, потому и всплыли в памяти те горячие деньки в небольшом домике Мгарс — каменной одноэтажной коробке на отшибе города… Она говорила ему о себе, о своей любви к нему, о… Впрочем, она предпочитала все же любить его на деле, а не на словах. Но тот рассказ ее Конан тем не менее вспомнил в один миг, хотя ни разу за прошедшие годы не думал о нем.

Мгарс была дочерью зембабвейского князька М'Ваaху, безраздельно правящего огромной территорией, сплошь населенной уродливыми черными туземцами. Мать ее, белокожая красавица-туранка из разграбленного и перебитого каравана, недолго мучилась в плену у нелюбимого супруга, у коего была тридцать шестой в грязном, жарком и душном гареме. Когда зеленая лихорадка пронеслась по Зембабве, она тихо угасла, а за ней, так же тихо, без слез и жалоб, ушли на Серые Равнины еще тридцать три жены М'Ваaху, оставив того всего с двумя, к тому же самыми некрасивыми, злобными, старыми женами. Но и князек вскоре после этих событий закончил свой земной путь: он был утоплен в ревущем и коварном Стиксе шайкой иранистанцев, так что маленькая Мгарс оказалась, повторяя судьбу матери, в плену; насмешки, побои, тяжелая работа от зари и до ночи — все это было знакомо ей не понаслышке. Чудом оказалась она свободна: внезапно почил ее последний хозяин —

хорайский купец Валазий. Воспользовавшись суматохой, царившей в ночь его смерти в громадном и мрачном доме, девушка сбежала, в страхе не взяв с собой ничего, кроме пары потрепанных сандалий. Уже в Хауране у Мгарс появился богатый покровитель, который в благодарность за любовь и ласку посулил, а затем и в самом деле подарил ей небольшой, но милый и уютный домик на окраине города. Здесь и познакомилась смуглокожая красавица с капитаном гвардии королевы Тарамис — Конаном-киммерийцем.

Вся эта история в один миг, равный всего лишь вздоху, промелькнула в памяти короля. Он еще крепче прижал к себе Мгарс, с наслаждением вдыхая аромат ее волос, и тихо проворчал:

— Кром… Кажется, ты спасла меня, девочка?

— Я не знала… — шептала она, щекоча губами его обнаженную грудь. — Не знала, жив ли ты, мой господин… Я нашла тебя недалеко от моего дома, возле храма Митры…

— Как же ты приволокла меня сюда?

— О-о-о… — простонала девушка. — Мне страшно даже вспоминать об этом. Я хотела нанять кого-нибудь, чтобы донести тело моего любимого, но… Никто не пожелал! Кругом паника, шемиты рыщут по городу в поисках раненых… Пришлось перекатить тебя на мою накидку и тащить по улицам, прячась в канавы при виде псов в сверкающих шлемах…

— Считай, что ты вернула мне долг.

Конан чуть отстранился, заглянул в глаза Мгарс и там гневные огоньки, блеснувшие при ее последних словах в темной, почти черной глубине, тут же сменились веселыми; девушка улыбнулась, склонила головку, лукаво глядя снизу вверх на огромного киммерийца, затем, не в силах сдержать ликования, подпрыгнула, чмокнула его в твердую щеку и, вдруг снова посерьезнев, вздохнула, прижалась к его груди. Сердце Конана дрогнуло: он не знал, что будет с этой девушкой потом, когда…

В тот год Хауран то и дело будоражили слухи о зверских убийствах, чинимых шайкой головорезов под предводительством некого Халимсы Шестипалого. Жертвами бандитов обычно оказывались нобили, купцы, богатые торговцы, ростовщики — словом, те, кого простым людям было не так уж и жалко, если бы однажды страх не коснулся и их сердец. В одну только ночь Халимса Шестипалый просто так, ради удовольствия, перерезал половину ремесленного квартала, где жили лишь бедняки, едва способные прокормить себя и семью. Зачем? Законопослушные граждане — нищие, имущие, знатные, безродные — все задавались этим вопросом и все, не находя ответа, навешивали на свои двери новые запоры и замки. Но бандитов уже ничто не могло остановить. Наглые и прежде, а теперь и вовсе одуревшие от сознания собственной безнаказанности, они начали нападать на людей среди бела дня; они врывались в дома, совершали налеты на базары, громили лавки и кабинеты блондов — законников, вершивших праведный суд за небольшую мзду… Таким образом оказалось немало людей, собственными глазами видевших и Халимсу, и его головорезов.

Шестипалого описывали по-разному, но в основном так: низколобый гигант с длинными, почти до пояса, грязными жидкими волосами, заросший черной и, в отличие от волос, густой шерстью. Обликом своим он напоминал гориллу: руки — длинные, тощие, что выглядело весьма странно при могучем торсе; ноги кривые, короткие, но необычайно толстые, крепко сидящие в жирном, обвислом заде, толстых пальцев на каждой руке по шесть, и все кривые, как крючки. Только по поводу физиономии свидетели не имели согласия. Одни говорили, что нос Халимсы длинный и тонкий, как у благородного нобиля, губы — узкие, бледные, глаз изза жирных щек почти не видно. Другие считали нос его

огурцом, к тому же пупырчатым, губы толстыми и всегда мокрыми, а глаза узкими, как у кхитайца. Третьи и вовсе полагали, что у Шестипалого не было носа и губ, а только глаза да жирные щеки.

И вот такое-то чудовище имело наглость влюбиться в красавицу Мгарс, которую он увидел как-то случайно на улице. Вернее, то была, конечно, не любовь. Грязный не только внутри, но и снаружи, с черной как мгла царства Нергала душой, этот ублюдок не мог, не умел любить. Страсть, мерзкая похотливая страсть овладела им при виде смуглокожей красавицы. Он мычал, в вожделении облизывал свои ярко-красные, вечно мокрые губы (по поводу этой детали его рожи некоторые свидетели давали верные показания) представляя себе, что он сделает с Мгарс, когда она попадет ему в руки. Но пока Халимса решил не торопиться. Впервые в жизни ему захотелось взять женщину не силой, но своей привлекательностью. Увы, этот злобный и мерзкий убийца по поводу собственной внешности очень ошибался. Полюбить такого — грязного, вонючего уродца — вряд ли смогла бы не то что женщина, но и обезьяна. Так что Мгарс, естественно, если и обратила взор на Халимсу, то не с кокетством, а с отвращением, а такого он понять не мог.

К его персоне испытывали отвращение решительно все, даже ближайшие его сподвижники, но, само собой разумеется, не спешили сие чувство ему продемонстрировать. Халимса Шестипалый отличался поистине необузданным нравом и к тому же явно был не в ладах с собственной головой. Когда до него наконец дошло, что Мгарс не желает видеть в нем пламенного поклонника и умелого любовника, он начал доставать ее уже в открытую. Если раньше он просто ходил за ней время от времени по улицам, то теперь он начал наведываться в ее маленький домик на окраине города. Поначалу Халимса сдерживался, под отвратительной ухмылкой скрывая все растущее раздражение и вот-вот готовую выплеснуться агрессию; затем нрав его мало-помалу стал проявляться.

Мгарс не смела выгнать его из дому. С детства привыкшая к рабскому существованию, она лишь молча страдала, глядя, как грязное чудовище мочится в ее великолепную аквилонскую вазу или сплевывает на стол, попадая порой прямо в кушанье, как сморкается в подол ее одежды и к вечеру, развалившись на ковре, засыпает, сотрясая диким храпом весь дом… И вот однажды к ней пришел Конан.

Халимса бодрствовал, попивая принесенное с собой пиво. Пенные струи текли по щетине на его скошенном подбородке, орошали грязную, всю в жирных пятнах полотняную куртку, и наконец попадали на штаны — как раз между его ног, так что впечатление было не то что не из приятных, а просто омерзительное; Мгарс то и дело бегала во внутренний дворик, где ее жестоко выворачивало. Увы, приходилось возвращаться обратно, ибо монстр грозился спалить ее дом, если она попытается сбежать. А дом для Мгарс, никогда прежде не имевшей собственного пристанища, был дороже любых ценностей.

Конан появился неожиданно. В таверне «Под оком лучезарной Иштар» его знакомый Валерий рассказал ему о прелестной девушке, что живет на окраине города и не прочь подарить свою любовь отважному воину. Тогда-то Конан, хорошо принявший в таверне кислого красного вина, и отправился к Мгарс, желая провести ночь в объятьях красавицы. Но первое, что увидел он в ее комнате — очертания фигуры чудовища, сидящего в полумраке на полу и поглощающего пиво из бурдюка. Сморщившись, капитан повернулся, чтобы уйти, но в это время в дверях возникла Мгарс с таким несчастным лицом, что он тут же все понял и решил остаться.

Халимса не сразу обратил внимание на нового гостя. Только после того, как Конан ткнул

его в толстый загривок кончиком меча, он повернулся, осмотрел киммерийца с ног до головы, и плюнул в его сторону. И тут капитан гвардейцев, нимало не смутясь, одним ударом снес монстру пол-головы.

Такое простое решение почему-то не приходило в умы горожан. Замки, запоры… Разве может это остановить наглеца?.. Мгарс, пораженная, стояла перед Конаном и не спускала с него глаз. Труп Халимсы, его кровь на дорогом ковре — все это не трогало особенно дочь далекой Зембабве. Огромный парень, так спокойно расправившийся с ее мучителем, привлекал ее внимание гораздо больше. Смуглокожая красавица подошла своей легкой походкой к капитану и протянула ему тонкие гибкие руки… Так Конан познакомился с Мгарс…

… Неожиданно она отпрянула от него, пристально вгляделась в синие глаза возлюбленного, словно желая проверить, на самом ли деле он жив и находится в ее доме. Мгарс с напряжением разглядывала каждую его черту, изучала шрамы и тонкие морщинки, прорезавшие лоб, скулы, щеки и подбородок, потом взор ее упал на гриву спутаных черных волос. Лицо девушки исказилось. Не выпуская его руки, она тихо, изумленно воскликнула:

— О, Конан… У тебя появились седые волосы… Это все из-за нее, гадины Тарамис!

— Не Тарамис, — сурово поправил Конан. — А самозванка, что присвоила имя и трон королевы. Ведьма! Клянусь Кромом, самая обычная грязная ведьма!

Он скрипнул зубами, будто воочию увидев снова лицо Саломеи с безумным блеском в прекрасных глазах, где похоть смешалась с подлостью и жестокостью; руки его непроизвольно сжались в кулаки и кровь снова брызнула из затянувшихся уже ран.

— Что это? — испуганно отшатнулась Мгарс и тут же в ужасе вскрикнула, увидев, как алые капли оросили ее белую тунику, упали на босые ноги; губы девушки гневно изогнулись, словно это ее подвергли подобной пытке наемники; она опустилась на колени и приникла нежной щекой к кровоточащей ране на правой ладони короля. Мгарс и на мгновение не задумалась о том, как и когда появились эти зияющие черные отверстия, чему Конан, не имеющий никакого желания что-либо объяснять, был весьма рад. Он легко поднял девушку с колен — хрупкая, тонкая, она содрогнулась вдруг в его руках, охваченная огнем желания, — и его измученное тело мгновенно откликнулось на этот призыв. Он жадно приник к ее рту, покрыл горячими поцелуями нежную кожу лица, шеи, плеч… Воздушная туника Мгарс скользнула вниз, обнажая великолепные формы фигуры, и губы Конана последовали за ней, сопровождаемые тихими вздохами и стонами девушки… Воистину, в подобных случаях это был самый любимый аккомпанемент короля! Издав негромкий рык, он подхватил девушку на руки, не переставая обжигать ее кожу поцелуями, яростно пихнул ногой приотворенную дверь, и пошел вверх по крутым разбитым ступеням, ни мгновения не сомневаясь, куда повернуть и где наклонить голову. В каких недрах его памяти хранились эти сведения? Он не стал задумываться о том; он жаждал сейчас лишь одного — опуститься на покрытое мягким кхитайским ковром ее широкое ложе, где когда-то он провел два чудесных дня и две удивительных ночи… Ступив наконец в большую комнату, освещенную дюжиной тонких свеч, он остановился, чувствуя, как ее дыхание сливается с его дыханием, затем еще крепче прижал к своей груди хрупкое тело, и, безошибочно определив в полумраке именно тот угол, где находилось ее ложе, уверенным шагом двинулся к нему.

* * *

— Конан… Как ты изменился за этот день. Ты совсем другой… Я не узнаю тебя.

Король улыбнулся. Еще бы ему не измениться за десять лет! Но Мгарс, конечно, не могло прийти в голову, что ее возлюбленный просто стал старше… Он повернулся, посмотрел на ее прелестное личико: в тусклом свете единственной свечи ее смуглая кожа казалась белее, тень от ресниц падала на нежные щеки, а в карих глазах сияли крошечные звездочки, в которых отражался сам Конан. Вглядевшись в свое стократ уменьшенное лицо он недовольно хмыкнул, зачесал пятерней назад пряди спутаных волос. После полночи упоительной, но и утомительной любви, что подарила ему Мгарс, нестерпимо хотелось есть, и еще больше хотелось пить. Вздохнув, он пошарил в глубоких карманах своих штанов, скомканных и засунутых под шелковую подушку — ничего.

— Сейчас принесу! — словно угадала его мысли Мгарс. Она выскользнула из-под тонкого, но теплого покрывала, легко провела кончиками пальцев по щеке Конана и исчезла в черноте комнаты, куда не попадал отсвет свечи.

Осмотрев свои раны король с удовлетворением отметил, что они, хотя и саднили еще, но запеклись; ему вовсе не хотелось возвращаться в Тарантию с такими отметинами. Интересно, сколько времени минуло с тех пор, как меир Кемидо перенес его в прошлое? Действительно ли Пелиас только и успел, что осушить три-четыре кубка? Вряд ли… Старый козел Кемидо явно не рассчитывал на столь длительное пребывание Конана в Хауране… Кром! Король замер на миг. Неужели меир потерялся умышленно? С чего вдруг Пелиас решил привести его во дворец? Ему так дорога жизнь Конана? Или все же… Нет, о таком лучше не думать. В конце концов Пелиас не раз показывал себя с хорошей стороны…

— Мой господин, позволь предложить тебе отведать немного этого горького вина и чуть-чуть несоленого жесткого мяса?

— Давай, — ухмыльнулся Конан.

Он сразу вспомнил смешную привычку Мгарс угощать гостя самыми изысканными кушаньями, но при том всячески умалять их достоинства. Что ж, таков был обряд в Зембабве, на ее родине. Как рассказывала девушка, если вкусную еду не поругать, она действительно станет тошнотворной — киммериец не спорил. Он повидал немало стран, был знаком с разными, порой поразительно нелепыми обычаями, и ему по опыту было известно: принимай чужое так, будто это твое собственное, и тогда избежишь множества неприятностей, а может, и сохранишь себе жизнь. Он всегда неукоснительно следовал этому мудрому правилу, благодаря чему на самом деле не раз облегчал свое существование в далеких странах, в диких, забытых Митрой городках и деревнях…

А потому, не обращая ровно никакого внимания на странные слова Мгарс, коими она сопроводила угощение, король живо уселся, поставил себе на колени ажурный, из тонкой золотой проволоки поднос, и принялся за еду. Горькое вино оказалось чудесным, терпким и в то же время мягким на вкус туранским красным, а несоленое жесткое мясо — отличным постным куском телятины, запеченной в винном соусе с зеленью. Душистый пористый хлеб Мгарс нарезала именно так, как он всегда любил — то есть огромными толстыми ломтями, а свежее масло подала в серебряной вазочке чудесного кхитайского хрусталя. Все это король, давно привыкший к изысканной дворцовой кухне, умял с нескрываемым удовольствием и с такой скоростью, что даже не понял, насытился он или нет. Рыгнув, он вытер тыльной стороной ладони рот, и припал к губам подруги, таким образом гармонично завершая столь неудачно начавшийся, но великолепно заканчивающийся день. Или, скорее, ночь, так как за окном постепенно светлела черно-серая муть, а тонкая длинная свеча превратилась в

крошечный огарок…

* * *

— Мгарс… Мгарс…

С ревом зевнув, Конан нащупал рукой стройную ногу девушки, погладил ее, несколько удивившись чересчур прохладной коже. Обычно Мгарс была горячей нагретых солнцем каменных хауранских стен — не раз она говорила киммерийцу о своей повышенной температуре тела; она словно всегда пылала каким-то неугасимым огнем, что очень привлекало Конана, любившего чувствовать под рукой живое тепло…

— Мгарс!..

Он открыл наконец глаза и с улыбкой наклонился над девушкой. Она спала на животе, вытянув руки вдоль тела; волосы ее разметались по шелковой подушке, пухлые губки были чуть приоткрыты и с уголка стекала тонкая струйка слюны. Розовый свет, льющийся из окна, окрасил ее в свой цвет, и… Кром… У Конана перехватило дыхание и на миг в глазах помутилось. Того, что он увидел, не могло быть! Ведь он спал рядом с ней! Может… Может, в вине было снотворное зелье? Но мысль эта лишь мелькнула и тут же пропала — в привычки варвара никогда не входила способность утешать себя подобным образом. Он скрипнул зубами, не отрывая взгляда от лица девушки. Да, сомнений быть не могло — из уголка рта Мгарс текла кровь. Она умерла совсем недавно… Конан приподнял край покрывала. Меж лопаток ее сверкал золотой рукояткой, усыпанной драгоценными камнями, кинжал работы зембабвейского мастера — собственный кинжал Мгарс! Чья-то рука вонзила его в спину девушки с такой силой, что на нежной коже отпечатался след кулака убийцы…

Король зарычал, с отвращением ощутив свое бессилие. Если бы он мог остаться здесь ненадолго, он выяснил бы, кто отправил Мгарс на Серые Равнины раньше ее срока, да еще под носом самого Конана-киммерийца! Халимса Шестипалый? Только он, насколько знал его варвар, был способен на такое подлое убийство. Но Халимсы уже нет! Или он еще жив? Король совсем запутался во времени — что было, а что случится потом… Но все же Халимсы уже нет. Тогда кто же? И другой вопрос, пожалуй, даже более мучительный, чем первый, не давал Конану покоя: почему он ничего не слышал? Не могла же Мгарс подсыпать ему в вино зелье для того, чтобы он не сумел ее защитить! И не в характере этой девушки такие штучки. Нет, здесь что-то иное… Пока на оба вопроса у короля ответа не было, и — что раздражало его неимоверно — не было и гарантии, что когданибудь ответы он все же получит. Слишком необычна обстановка, в которой он оказался. Десять лет назад! Он помнил и ухмылку лже-Тарамис, и бой на площади, и шемитов, прибивающих его к кресту, и рано веселящегося Констанция, и Мгарс… Но Мгарс он помнил только живой! Тогда, после боя на площади, он не видел ее больше. Теперь странным поворотом судьбы его забросило в его же прошлое, и там случилось то, чего на самом деле не было! Об этом Конан еще не задумывался. Что сие значит? Проделки меира Кемидо? Или действительно каприз судьбы?

Но долгие размышления также не входили в привычки варвара, так что он, выдернув твердой рукой из тела Мгарс кинжал, прикрыл ее осторожно, словно боясь потревожить, покрывалом, затем оделся и, совершенно не опасаясь шемитов, болтающихся по городу, вышел на улицу.

Глава 7

Широкая прямая дорога, залитая солнцем, была утоптана так, что ни колеса, ни копыта уже не оставляли на ней следов. Не счесть караванов, прибывавших по ней в Тарантию и отбывавших из нее, не счесть одиноких странников, жаждущих счастья, славы, богатства в этом великом и пышном городе; теперь же, в преддверье Митрадеса, сюда стекался простой и знатный люд со всех концов жемчужины Запада — Аквилонии, сюда же ехали и шли путники из близлежащих стран и среди них, дребезжа и поскрипывая, медленно плыли две крытые повозки, запряженные старыми клячами.

Но, хотя стены города давно уже виднелись вдалеке, балаган Леонсо подъехал к южным — главным — воротам Тарантии лишь к вечеру. Разношерстная толпа гудела там, споря с неуступчивыми стражниками, уставшими за день от гостей, кои с огромным трудом расставались со своими монетами и все как один желали пройти в город бесплатно. А в общем, то и дело жалуясь десятнику на тупых козлов, суетящихся у ворот, стражники несколько лукавили, ибо мзда, взимаемая ими, была непомерно велика. Часть ее, конечно, шла в казну, другая же часть (и большая) в толстые кошельки самих блюстителей порядка — это было неправильно, но это было, и самые умные гости в конце концов догадывались, что происходит, платили, и проходили в город, проклиная в душе алчных стражей… Впрочем, таковые они были везде, во всех странах и у всех, даже невзрачных и жалких городских ворот.

Леонсо поступил по-королевски: ничуть не споря, он кинул несколько золотых, чем немало удивил и толпу и стражников, вследствии чего повозки беспрепятственно проехали в город, провожаемые завистливыми взглядами более жадных или более бедных.

Под красными, почти что багровыми лучами заходящего солнца Тарантия казалась божественно прекрасной. Высокие — в два, а то и в три этажа — дома были построены не только из простого камня, но и из жадеита, гагата и мрамора; окна их, большей частью обращенные на улицу, переливались разными цветами, что казалось особенно красивым именно в это время, а под крышами на узкой и короткой ступени величественно стоял каменный Митра — везде одинаковый — взирая вниз с неизменным благодушием и пряча в бороде свою знаменитую полуулыбку.

Миновав ворота, лицедеи высыпали из повозок и завертели головами, осматривая все это великолепие. Только Сенизонна бывал в Тарантии в далеком прошлом, и сие обстоятельство не могло не испортить настроения его приятелям, ибо красавец незамедлительно надулся как индюк и громко шипел, выражая таким образом презрение к всеобщему глупому, по его мнению, восторгу. «Ну что здесь хорошего, козел?» — ныл он, дергая за полу куртки Енкина. — «Рыжий, чего выпучился, а? Тебе нравится эта развалюха?» — и заглядывая в лицо Мадо, он небрежно махал тонкой рукой в сторону пирамидального строения, окруженного колоннами цветущих каштанов. Когда наконец Леонсо, потеряв терпение, взял красавца за шиворот и зашвырнул в повозку, радужное настроение лицедеев было окончательно разрушено.

— Хочу в кабак, — мрачно заявил Ксант и вопросительно посмотрел на отца. — Я должен пожрать, иначе при виде этого недоноска меня стошнит.

— Меня тоже, — подтвердил Михер. — Как ты еще терпишь его, Леонсо?

— Ты, что ли, лучше его? — неожиданно вступился за Сенизонну Мадо. — Все вы подонки, смотреть на вас противно.

— Сам подонок! — злобно выкрикнул из повозки наказанный красавец и тут же заскулил, раскаиваясь.

— Ах ты… вонючка! Да я тебя сейчас растерзаю! — взъярился рыжий, сжимая кулаки. В ответ ему раздалось шипение, перемежаемое отборными ругательствами и повизгиваниями: Сенизонна отлично знал, каков Мадо в гневе и связываться с ним не имел желания.

— Заткнись, Мадо, — устало сказал Леонсо. Он положил тяжелую руку на плечо рыжему и легонько стиснул его, отчего на лице у того сразу побледнели веснушки.

— А почему я? Мадо, Мадо… Первый Ксант начал!

— Заткнись, говорю.

— Посмотри, Леонсо! — робко промолвил Играт, который не выносил ссор, испытывая при этом нечто вроде медвежьей болезни. — Как раз кабак! «Три свиньи и поросенок»… Зайдем?

Леонсо молча кивнул. На яркой вывеске, освещенной изнутри светильником, соблазнительно розовела баранья нога; рядом с ней, кривая на один бок, белела вздыбленной пеной глиняная кружка; под вывеской находилась дверь — крепкая, дубовая, с толстой железной цепью, призванной охранить заведение от воров темной ночью — но сейчас дверь была гостеприимно распахнута, и, хотя тупая рожа исполина вышибалы не способствовала желанию войти, лицедеи гурьбой ввалились в душное нутро переполненного кабака.

Звон кружек и хмельной гомон мгновенно излечили всех от дурного настроения. Расчистив себе место за длинным столом, они живо уселись и потребовали баранины с бобами и пива — столько, сколько осталось еще в хозяйском погребе после нашествия нынешних посетителей. Делая столь роскошный заказ, Леонсо небрежным жестом бросил слуге пять золотых, после чего лицедеи из никому не известных оборванцев превратились в самых желанных гостей: слуга ринулся исполнять приказание и вскоре сочные куски, обмазанные острым ароматным желе, начали исчезать в бездонных глотках голодных шутов, куда рекой заливалось и свежее, на удивление хорошее пиво.

Первым насытился Сенизонна. Рыгнув, он откинулся на спинку скамьи, упер в край стола колено, обтянутое черной кожей штанов, и лениво, с расстановкой сказал:

— Не нравится мне здесь, парни. Дерьмовая забегаловка, да и кормят погано…

— Ну и скотина ты! — с изумлением покачал головой Агрей. — Мадо, ты к нему поближе… Двинь ему в лоб от меня…

— Заткнись, Агрей! — Леонсо поджал губы, мрачно глядя в стол. — Надоели, Митрой клянусь… Так надоели!

— Знаешь, отец, — запальчиво начал Енкин, но в тот же миг тяжелая рука Леонсо с размаху врезала ему по шее и он слетел со скамьи прямо под ноги слуге, с радостной улыбкой спешившему обслужить богатых гостей вторично. Огромный кувшин пива, выскользнув из рук парня, довершил наказание непочтительному сыну, разбившись со звоном о его голову и облив при этом жидкостью, обычно предназначавшейся для иной цели. Обиженно скуля, Енкин поднялся и снова сел рядом с отцом, на этот раз не поднимая глаз от своей тарелки.

Заваривший эту кашу Сенизонна молчал, стараясь не замечать злобных взглядов собратьев по ремеслу. Весь вид его тем не менее говорил о прекрасном настроении, и Мадо, не выдержав, сильно ущипнул его за бок, надеясь, что грустный красавец из страха перед Леонсо орать не станет. Так и получилось: Сенизонна позеленел от боли и злости, но не издал ни звука. Удовлетворенный восстановленной им справедливостью, рыжий вернулся к

недоеденному куску баранины и вонзил в него мелкие крепкие зубы, в глубине души искренне сожалея, что не может сделать то же самое с носом или ухом грустного красавца.

— Балаган? — вежливо осведомился краснолицый здоровяк, сидящий за соседним столом и потягивающий пиво из огромной кружки.

— Ну? — мрачно ответствовал Ксант.

— Гельде, — представился краснолицый всем, не обратив никакого внимания на старшего сына Леонсо. — Хозяин здешнего балагана. Давно в Тарантии?

— Только приехали, — благодушно сообщил наконец набивший вместительное брюхо толстяк Улино. — А тебе что за дело до нас, бородавка на заднице Нергала?

— Верно, хочет, чтобы мы убрались отсюда, — пробурчал Мадо.

— Пусть сам убирается, — выплюнул Сенизонна, трепеща ноздрями. — Подонок!

— Козел, — покраснев, тихо добавил Играт и поперхнулся под удивленным взглядом Леонсо.

— Вы подонки и козлы, — спокойно парировал Гельде, нисколько не обидевшись. — С третьим балаганом толкую… Чего только не наслушался! Митра свидетель — я вам рад. Я люблю Тарантию, и чем больше шутов будет на Митрадесе, тем лучше. Слышали о Паллантиде? Он капитан Черных Драконов — гвардейцев нашего короля. Так вот он был у меня позапрошлым днем, побеседовали…

Леонсо внимательно слушал краснолицего здоровяка, в душе радуясь возможности хотя на время переселиться под крыло здешнего и, кажется, весьма надежного человека.

— Мы с ним договорились так: как только король заканчивает свою речь, обращенную к гражданам славной Аквилонии, лицедеи из всех балаганов поднимают вверх луки и пускают в небо стрелы с разноцветными лентами. Должно быть очень красиво.

— Про стрелы мы и без тебя знаем, — проворчал Михер. — На великих праздниках это всегда было… Лучше скажи, какое место на площади будет наше?

— Не хуже других.

— А если я не умею стрелять из лука? — поинтересовался Кук. — Тогда как?

— Стреляют пятеро, не больше. Да и не такая уж это наука — оттянул да отпустил.

— Ну, парни, кто будет стрелком? — Леонсо по очереди оглядел каждого, но добровольцев пока не находилось. — Агрей! Ты умеешь, я знаю! Агрей пожал плечами, кивнул.

— Агрей первый. Кто еще? Сенизонна?

— Ма-агу, — протянул грустный красавец. — И оттяну, и отпущу…

— Тьфу! — в сердцах сплюнул Леонсо и обратился к рыжему. — А ты, Мадо?

— Согласен, — коротко ответил тот.

— Михер?

— Не умею и не хочу.

— Лакук?

— О, не-ет… Прошу тебя, Леонсо, только не я.

— Гуго, Улино, Зазалла? Толстяки дружно замотали головами в знак протеста.

— Ксант?

— А чего ж не пострелять?

— Енкин?

— Нет.

— Играт? Вряд ли… Ладно, пятым буду я, — с досадой заключил Леонсо и, показывая

пальцем на каждого стрелка, еще раз перечислил их Гельде: — Сенизонна, Мадо, Агрей, Ксант и я. Устраивает?

— А мне что? — удивился краснолицый. — Ты только запиши всех, если умеешь. Паллантид велел список подать.

— Сделаю.

— Ну, а теперь пойдем, потолкуем? — Гельде подмигнул Леонсо и потянул его за рукав.

— Зачем это? — подозрительно спросил Леонсо, все же поднимаясь со скамьи.

— Не бойся, не съем, — засмеялся краснолицый, встал, и не оглядываясь, неторопливым шагом пошел к выходу, будучи уверенным, что хозяин балагана следует за ним.

* * *

На улице, где фонарщики уже спешили зажечь огни фонарей, было совсем темно. Лишь в свете факела обходчиков Леонсо увидел на несколько мгновений лицо Гельде, неуловимо преобразившееся. Теперь он был подтянут, собран и серьезен; в серых глазах его появился жесткий блеск, а губы подобрались в тонкую нитку, отчего все мускулы лица напряглись и оно стало похожим на маску. Леонсо невольно поежился, ругая себя за ненаблюдательность — в прежние времена таких промахов он не допускал.

— Ну вот что, приятель. Я точно знаю, что в твоем балагане один ублюдок мечтает направить свою стрелу не в небо, а в грудь нашего короля. И кажется, я даже понял, кто это.

— Что ты мелешь? — пораженно отшатнулся Леонсо. — Мои лицедеи — парни простые. Какое им дело до вашего короля? Они его и в глаза никогда не видали!

— Я знаю, что говорю!

— Врешь, собака!

— Дурень, ты послушай… А, что с тобой толковать! Запомни одно — если стрела ублюдка вонзится в грудь нашего короля — тебя повесят вместе с ним! Теперь я тебя убедил?

— Нет! — твердо сказал Леонсо, повернулся и пошел обратно.

Странные слова Гельде — кто же он такой на самом деле? — поразили его до глубины души. Он и на миг не сомневался, что краснолицый говорил правду. Присев за дверью кабака, Леонсо подпер голову рукой и принялся размышлять. Он перебирал в уме всех своих парней, но никак не мог указать на кого-то одного — убийца. Нет! Все они временами бывают глупыми, смешными, злыми и даже подлыми, но… Вся натура Леонсо восставала против обвинения кого бы то ни было в злодейском убийстве. Он понимал, когда люди гибли на поле боя — жизнь есть жизнь, и бой есть бой, — но когда некто брал на себя право бога распоряжаться жизнью, да еще чужой жизнью — этого он понять не мог.

— Леонсо… Где ты? Леонсо…

Знакомый голос… Хозяин балагана поднял голову, силясь разглядеть в ночной мгле человека; тихие, осторожные шаги приблизились, затем снова отдалились…

— Леонсо… — вдруг прошептал кто-то совсем рядом. — Где ты?

Он узнал наконец этот голос. Облегченно вздохнув, он кивнул невидимке и хрипло ответил:

— Я здесь. Иди сюда, помоги мне встать…

Леонсо не ощутил удара. Он лишь почувствовал, как в груди поднимается горячая, обжигающая волна… Потом рот его наполнился соленой влагой, а в глазах вспыхнули яркие

красные огоньки… Он удивленно прошептал имя убийцы пересохшими в одно мгновение губами и вдруг внутри его словно что-то разорвалось… Леонсо качнулся, закатив глаза, и повалился на грязный пол, прямо в собачью лужу… В тот же миг с неба упала яркая серебряная звезда — он мелко задрожал, словно услышав в тишине звенящий ее полет — и умер.

* * *

Этей едва дождался, когда сухопарый, с редкой козлиной бородкой блонд закончит задавать им свои ублюдочные вопросы. Он смотрел на лицедеев с нескрываемым презрением, и стрелку безумно хотелось направить лезвие своего верного клинка в его тощую шею. И он, может быть, не сумел бы сдержаться, да только кинжал его остался в груди Леонсо… Леонсо… Жаль, что пришлось отправить его на Серые Равнины… Немало дорог прошли они вместе… Но краснорожая скотина наверняка поведала ему нечто такое, отчего великолепный план мести мог сорваться, а сам стрелок оказался бы в руках палача. Этей сразу понял, что этот парень Гельде не только хозяин здешнего балагана, но и — он готов был поклясться бровями Эрлика — доноситель, то есть слуга грязного варвара, что уже заслуживало смерти!

Он тихо засмеялся, припомнив, как забулькал и захрипел краснолицый, когда кинжал Этея быстро и плавно перерезал ему горло. Он мгновенно оказался по щиколотки в крови. А на руках стрелка, на одежде — ничего, ни одного пятнышка! Этому трюку он научился у Пантедра, зуагирского недоумка, который обожал смотреть на кровь, но не выносил ее на себе.

Колени Этея вдруг ослабли; он криво ухмыльнулся дрожащими губами, вцепился пальцами в икры и начал с силой массировать их, надеясь, что судорога отступит. И на сей раз у него получилось. Видимо, два убийства подряд всетаки принесли ему силы, как то бывало и прежде. Откинувшись на грязный ворох соломы, лежащей на дне повозки, он тщательно облизал губы твердым языком, с удовлетворением отмечая, что и дрожь, подобно судороге, отходит, и глубоко вздохнул. Надо спать. На рассвете — а до этого времени осталось совсем чуть — всю братию вызвали в кабинет блонда, где сухопарая крыса снова задаст им свои ублюдочные вопросы, а угрюмые стражники будут вожделенно ждать подходящего момента, чтобы врезать сапогом по заду поганому шуту.

Но и это можно стерпеть, если месть осуществится, если киммериец со стрелой в груди уйдет наконец на Серые Равнины… Этей даже вспотел, представив себе такую великолепную картину — Митрадес, кругом толпа (вонючие свиньи, чтоб их всех к Нергалу в пасть), крики, смех, песни… И вот стрелки из балаганов поднимают к небу свои луки… разноцветные ленты, привязанные к стрелам, трепещут, щекочут лицо… Толпа в ожидании зрелища замирает и… «О, Митра! О, великий и светлый… („и Эрлик тоже!“ — торопливо добавил Этей) Неужели не позволено будет мне испытать подобного восторга?» Он до боли закусил губу, чувствуя, как из глаз потекла влага и, не в силах сдержаться, всхлипнул.

— Не надо… Мягкая рука провела вдруг ласково по его мокрой от слез щеке. Велина! Смешная девчонка… Она решила, что он горюет о Леонсо!

— Не надо, слышишь? Его уже нельзя вернуть. Я думаю, так хотел Митра… Хотя… Я сама бы загрызла того, кто это сделал!

— Наверняка, какой-нибудь бродяга, — отозвался Этей слабым голосом, безумно веселясь в душе. — Их тут столько шатается… Хотят поживиться на Митрадесе…

— Как и мы…

— Как и мы, — равнодушно согласился он.

Велина вытянула из кучи длинную соломину и сунула ее в рот. Задумчиво уставясь в самое ухо стрелку, она помолчала немного, потом тихо и странно произнесла:

— А вдруг это кто-то из нас?

— Да ты что? — возмутился Этей. — Кому нужно? Леонсо был строгий, но справедливый хозяин. Его все любили… Нет, Велина. Мы псы и ублюдки, я знаю, но убийц среди нас нет!

Стрелок сказал последние слова так твердо, так уверенно, что на миг сердце его защемило от гордости за себя и своих собратьев; но со следующим же вздохом он осознал комичность этого чувства и чуть было не расхохотался; крепко зажав рот ладонью, он искоса посмотрел на молодую женщину. Вертикальная полоска света — от уличного фонаря — из прорехи в полотнище повозки тускло освещала ее простое, но милое лицо, на котором Этей прочитал отражение своего мимолетного ощущения: карие глаза ее блестели живой слезой, брови были чуть приподняты, а красивые губы сжаты. Сдерживая смех, он провел рукой по ее бедру, что по очереди ласкали все лицедеи их балагана — ему опять захотелось поиграть, и хотя сие, несомненно, могло сказаться весьма пагубно для него, он все же не утерпел.

— Велина, ты не помнишь, кто выходил из кабака следом за Леонсо?

— Когда его позвал этот… Гельде?

— Ну да.

— Мы все вместе вышли, почти сразу…

— А кто первый?

— Не помню… Кажется… Кажется, ты. А почему ты спрашиваешь? Ты начал сомневаться в…

— Нет-нет, просто я подумал… Может, кто-нибудь из нас видел убийцу? Он должен был быть где-то рядом…

— Ты не видел?

— Если бы…

Они снова замолчали, думая каждый о своем. Да, так оно и было на самом деле: только успел стрелок отойти на шаг от тела Леонсо, как на улицу вывалилась вся братия. Он едва не попался. Во всяком случае, Играт наверняка заметил странное выражение на его лице — их взгляды на мгновение пересеклись, и Этей увидел себя в зрачках ленивого… Блуждающая полуулыбка, дикий блеск в глазах… Он слишком возбудился. Видимо, сказалась болезнь, ослабившая его нервы. Раньше такого с ним не могло случиться… Но Играт — тупица, он явно ничего не понял. Спустя лишь вздох он споткнулся о ногу Леонсо, наклонился над ним и вдруг заверещал, да так пронзительно, что Этей едва не лишился чувств. Проклятый недоумок… Какого Нергала он прицепился к ним? Жил бы в своей дыре… Тьфу!

Стрелок забылся и так смачно, с сердцем, сплюнул в солому, что Велина вздрогнула и удивленно посмотрела на него.

— Жаль, я не видел его, — пояснил Этей. — Глотку бы перегрыз!

— И я. Но я все-таки не понимаю, зачем кому-то понадобилось убивать Леонсо и Гельде? Денег у них не взяли и… И они же только познакомились!

— Откуда у тебя такая уверенность? Ты знаешь Леонсо года два. А что он делал до того?

Где был? С кем? Нет, Велина, вся эта история окутана тайной. И поверь мне, когда все разъяснится, ты будешь очень удивлена…

Он зря сказал эти слова. Велина широко раскрыла глаза и чуть отодвинулась.

— О чем ты? Я не понимаю…

— Вздор! — спохватился стрелок. — Ты знаешь, Велина, иногда я мелю, что попало. Не смотри на меня так, прошу… Лучше иди ко мне…

Этей протянул руки и привлек ее к себе. Велина не сопротивлялась. Простая душа ее, на долю мига угнетенная сомнением, сразу приняла оправдание мужчины; она приникла головой к его плечу и так застыла.

«Прости меня, Белит… Эта женщина тоже нуждается в ласке… как и я… Но когда она целует мои веки, я представляю, что это ты — прекрасная, словно сотворенная Митрой в блаженные мгновения вдохновенного труда — склонила надо мной голову, и ты шепчешь мне те простые слова любви, что известны и ремесленнику и королю, и крестьянину и нобилю, и честному и бесчестному, и добряку и корыстолюбцу…»

— Мне хорошо с тобой, Велина, — вслух произнес он, гладя ее плечи.

— И мне, — прошептала она.

И в тот короткий и вечный миг, когда их горячие, влажные тела слились в одно, странная гостья возникла за спиной Велины и перед глазами стрелка. Он осторожно убрал со своего лица пахнущие соломой волосы женщины и взглянул в белые пустые глазницы: там он увидел ночь. Ту самую ночь, о которой мечтал; сердце его радостно забилось и он прошептал: «только потом, после этого… прошу…» Она кивнула — а может, это лишь показалось ему — и исчезла. Этей ощутил еле заметные колебания воздуха, потом прошло и это. Тогда он приподнял над собой Велину, с улыбкой посмотрел в ее раскрасневшееся милое лицо и, поймав ответную улыбку, вновь призвал ее к любви…

* * *

— Кто-нибудь из вас выходил из кабака следом за Леонсо и Гельде?

— Никто, господин… — нестройным хором ответствовали лицедеи.

Они чувствовали себя здесь, в кабинете блонда, весьма и весьма неуютно. У дверей стояли — как и предполагал Этей — угрюмые стражники, кои успели уже поддать под зад Михеру и Лакуку и ущипнуть за ту же часть тела Велину. Сам блонд выглядел еще основательнее вчерашнего: одежда его была богата, худые пальцы унизаны великолепными перстнями, а козлиная бородка вызывающе торчала параллельно длинному, острому носу.

— Я не буду тратить на вас драгоценное время, подонки! Раскройте свои грязные пасти и поведайте мне все по порядку, иначе я велю повесить всех!

— О чем поведать тебе, господин? — выступил вперед побледневший и вроде даже немного усохший толстяк Улино, взявший пока на себя обязанности старшего. — Мы готовы. Но, клянусь Митрой, никто из нас не способен на такое дело. Леонсо любили…

— Хватит! — завизжал блонд. — Говори ты, — он ткнул пальцем в Сенизонну. — Кто вышел первым?

— Я не помню, господин… — дрожащим голосом сказал грустный красавец. — Я не видел…

— Ты! — палец блонда переехал чуть влево и теперь указывал на Енкина.

— Не видел, — поднял мокрые глаза младший сын Леонсо.

— Ты! — уничтожающе прошипел блонд, тыча в Мадо. Рыжий съежился. Украдкой он бросил затравленный взгляд на собратьев и, увидев на их лицах выражение тех же чувств, что обуревали и его, прошептал:

— Не могу ответить, господин…

— Что-о-о? — взъярился блонд. — Да я тебе покажу, дерьмо издохшей лошади! Отвечай, кто вышел первым?

— Леонсо…

— За Леонсо! — блонд, по всей видимости, уже терял терпение.

— Гельде… Или нет, господин, сначала вышел Гельде…

— Сейчас я прикажу дать тебе сотню плетей, а потом бросить в клетку со львами… Как тебе это понравится?

Мадо поперхнулся. Сморщив нос, он опять оглянулся на приятелей, что переминались с ноги на ногу за его спиной. «Скажи ему хоть что-то», — умоляюще зашептал взмокший от страха Сенизонна. И Мадо сказал:

— Следом вышел я. Теперь уже пришла очередь блонда поперхнуться и в изумлении уставиться на рыжего.

— Ты?

— Я, — подтвердил Мадо.

— Не слушай его, господин, — взволнованно произнес Михер. — Он шел за мной, а я за толстяком. Только не помню, за каким именно…

— Верно, — кивнул Агрей. — Мадо шел за Михером, а тот за чьей-то тушей. Но перед тушей, господин, вышло еще двое.

— Кто? — прошипел блонд.

— Если бы я знал их, господин, — смиренно ответил Агрей. — Но я мог зрить только их спины, и скажу тебе точно: раньше я таких спин не видел.

— В них было что-то особенное? — осведомился чуть успокоившийся блонд.

— Нет, — пожал плечами парень. — Спины как спины… Но не наши, клянусь Митрой.

— Кто еще поведает мне о сих спинах?

— Я, господин, — пролепетала Велина.

— Ну?

— Одна спина была широкая-широкая, и находилась высоко от пола…

— Значит, он большого роста, — глубокомысленно заключил блонд.

— Да, — кивнула Велина и продолжала. — А другая спина была узенькая-узенькая — вот вроде нашего Мадо — и находилась от пола низко.

— А этот маленького роста, — заверил присутствующих блонд. — Дальше, женщина.

— Все, — потупилась она. — Больше я ничего не видела.

— Тьфу!

Блонд откинулся на спинку кресла, положив одну руку себе на штаны, а другой поглаживая свою бородку. Он и раньше понимал, что от этих ублюдков толку никакого, кроме вони в кабинете. Они, конечно, не как там его… Бродяг понаехало на Митрадес уйма, теперь покою не будет ни днем ни ночью… Была б его воля, запер бы ворота и не пускал никого. А своим бы давал два раза в луну плетей, чтоб знали свое место, отродье Нергала, бычьи хвосты, дерьмо собаки… Блонд вздохнул тяжело, в глубине души страшно гордясь особой своей миссией, благодушно посмотрел на лицедеев, понуро стоявших перед ним, и

по-отечески сказал:

— Ну, что стоите, дурни? Пошли вон.

Глава 8

Ночное небо быстро светлело. Бледнели и исчезали звезды, нежный розовый свет на горизонте обещал скорое появление ока благого Митры, а с ним и пробуждение всего сущего, начало жизни — ибо день есть жизнь, что умирает ночью.

Покинув дом Мгарс, Конан вдохнул прохладный, но уже начинавший теплеть воздух; на улице не было никого, только вдоль зданий черной тенью крался ободранный одноухий кот, настороженно кося по сторонам круглым зеленым глазом. Человек шикнул и кот, замерев на мгновение, потом стремглав бросился прочь, скрылся в узком переулке, откуда вскоре раздалось утробное «мр-рау!» И это тоже была жизнь.

Запахнувшись в широкую куртку, король двинулся дальше. Пустой город, за вчерашний день пропитавшийся страхом, ненавистью и отчаянием до самых подвалов, лежал перед ним. Конан словно чувствовал беззвучно исторгающиеся из окон и щелей, сочащиеся из стен вопли осиротевших, стоны раненых, но более всего — страшные проклятья, посылаемые обманутыми, порабощенными людьми тем, кто ступил на их землю так пьяно-весело и кто так бездумно, безжалостно уничтожал все им родное, все близкое… И хотя король отлично знал, что не так уж долго будет продолжаться сей ужас, порожденный царством Нергала, его сердце наполнялось сходными чувствами и те же проклятья бормотал он сквозь зубы теперь, проходя по пустым улицам Хаурана.

Шемиты появились неожиданно. Конан отскочил в тень, падающую от высокой стены, и подождал, когда они подойдут ближе. Их оказалось пятеро. Порядком нагрузившиеся в одном из многочисленных хауранских кабаков, они подскакивали подобно козлам, но звеня при этом доспехами, заплетающимися языками горланили песню на древнем своем языке и всячески поносили город и его жителей. Все они были высокими, крепкими деревенскими парнями, коих глупость, так часто свойственная молодости, занесла в наемную армию, где работой являлся бой, а ценой каждому — мелкая медная монета, ибо до золотой доживали далеко не все…

Конан убрал ладонь с рукояти меча: есть ли сейчас у него — не капитана гвардии королевы Тарамис, а короля великой Аквилонии — причина и право отнимать жизнь у этих парней? Он усмехнулся сам своим праведным мыслям, пожал плечами, и в этот момент что-то почти забытое шевельнулось в душе, отчего тело покрылось мурашками и взмокло. Он вспомнил… Не нападать первым, не убивать без причины, не поднимать руку на того, кто просит пощады… Да, он помнил. Дар Митры, потерянный так давно и безвозвратно… Жалел ли он о том? Нет. Но с тех пор слова наставника то и дело вторгались в его мысли, заставляя суровую натуру варвара испытывать священный, хотя и весьма кратковременный трепет. Вот и теперь дыхание его на миг перехватило, но затем он снова усмехнулся, отгоняя прочь все бесполезное и только отвлекающее его от реальности, и, дождавшись, когда шемиты скроются за поворотом, пошел дальше, чувствуя себя лишним в этом городе, что был его приютом десять лет назад.

У храма Митры Конан остановился. Ни души — хотя край солнца уже показался вдали, за домами. Но ныне жизнь Хаурана была иная, не та, что вчера, а потому и привычное течение ее изменилось; люди боялись покинуть свои жилища, а шемиты, утомленные резней и бурной ночью, храпели в казармах, не ощущая никакого смысла в раннем пробуждении — город принадлежал им.

Внезапно какой-то шорох почудился королю за стеной храма. Он пригнулся, снова положил руку на эфес, нырнул за высокое крыльцо и там замер.

— Наконец-то я нашел тебя… — ворчливо пробурчал меир Кемидо, выруливая к крыльцу. Длинный светлый балахон его волочился по земле и совсем запылился, крокодилья физиономия еще больше вытянулась, а маленькие глазки посветлели и шныряли по сторонам, такие скользкие, словно крошечные рыбки, и также не способные стоять на месте. В конце концов старик все же сфокусировал взгляд на Конане и, недвусмысленно скривившись, добавил: — Мой господин…

— Где ты был, репейник из хвоста Нергала? — грозно вопросил король, в глубине души радуясь появлению меира — ведь это означало его скорое возвращение домой.

— Скажи лучше, куда занесло тебя… — непочтительно огрызнулся старик. — Ты, именно ты заварил всю кашу. Ну, сдали бы оружие хауранцы… Тебе-то что за дело? И потом, ты покинул меня одного на площади, среди озверевшей толпы! Меня чуть было не растоптали! Пришлось срочно возвращаться в настоящее, а потом снова за тобой. Задал ты мне хлопот, владыка, ох и задал…

— Хватит дребезжать, — оборвал его король. — Я поступал так, как хотел. А твое дело сопроводить меня теперь обратно. Понял, старая коряга?

— Понял, — смиренно согласился меир Кемидо и со вздохом пригласил Конана к своей руке.

— Нет, погоди… — киммериец оглянулся назад — туда, где в лучах восходящего солнца блестела крыша дома Мгарс. — Здесь я еще остался должен кое-кому…

— О-о-о, — простонал старик, — только не это, прошу тебя. Пойми, долго задерживаться в прошлом нельзя. Это тебе не лес, где ты можешь бродить, сколь угодно твоей неуемной натуре, и не твой дворец, в котором ты живешь. Это прошлое!

— А что будет, если я задержусь? — с интересом осведомился Конан.

— Останешься здесь навсегда! И не молодым, а таким, как сейчас. И весь свой прежний путь повторишь заново, не имея ни малейшей возможности изменить даже вздох! Хочешь ты этого? А твои раны? Они зажили, как я вижу. Так вот, скоро они откроются снова, и ты займешь свое место на кресте близ города. Хочешь ты этого?

Меир Кемидо разволновался; его глазки опять забегали, гневно поблескивая, а тонкие губы явно едва сдерживали ругательства в адрес бестолкового клиента. Конан в досаде треснул кулаком о ладонь. Он понимал, конечно, что старик прав и надо незамедлительно возвращаться. Иначе придется остаться в Хауране и начать жизнь сначала. Нет. Это слишком скучно. Но если он вернется в Тарантию… Как же тогда он узнает, кто убил Мгарс!

— Как же тогда я узнаю…

— И не надо тебе этого знать… — проворчал Слуга Прошлого, почесывая кончик носа. — Давай скорее руку, владыка.

Иного выхода не было. Конан ограничился тем, что посмотрел на старика взглядом, способным убить целую армию; затем он отвернулся и сунул ему руку, которую тот жадно схватил цепкими лапками, зашипев себе под нос заклинания, состоящие из междометий и длинных, непонятных слов. Спустя лишь несколько мгновений голова короля закружилась словно хмельная, тело ослабло, а в глазах почернело. Он глубоко вдохнул и, не успев выдохнуть, провалился во мглу.

* * *

— Позволь мне осведомиться о твоем здоровье, друг мой, — будто сквозь сон расслышал Конан голос мага, как всегда спокойный, чуть ироничный, хотя на этот раз в нем явно чувствовались несколько тревожные нотки.

Король хотел было разлепить губы и ответить, но вдруг сие показалось ему совсем не важным, и он, не потрудившись даже открыть глаза, промолчал. Наступившая пауза начала накаляться; вот заерзал в кресле тощим задом меир Кемидо, смущенно покашливая под пронзительным взглядом Пелиаса, а вот и сам маг забарабанил пальцами по столу, что обычно означало у него крайнюю степень недовольства.

— Не хочу обижать тебя напрасно, Кемидо, но мне кажется, ты переусердствовал. Король болен? Ему плохо? Или он потерял сознание?

— Сам не понимаю, — хмыкнул старик. — Скорее, сознание мог потерять я. Он так велик и тяжел, а висел на мне целых два с половиной мгновенья. Я совсем запыхался.

Снова наступило молчание. Оба гостя впились немигающими взглядами в короля, словно желая таким образом привести его в чувство, и он, наконец, не выдержал.

— Что уставились? — открывая глаза, раздраженно буркнул Конан. — Лучше скажите мне, то был сон или нет?

— Нет, владыка, — почтительно ответствовал меир Кемидо. Здесь, во дворце, он вновь превратился в покорного, хотя и немного хамоватого раба. Оно и понятно — тут он был гость, но не хозяин.

— Не знаю почему, — медленно начал Конан, — но, клянусь Кромом, у меня руки чешутся вышвырнуть отсюда вас обоих. Пелиас, может, я заболел?

— Так ты слышал, как я… Что же ты не отзывался, друг мой? — с укоризной произнес маг. — Я был весьма, весьма обеспокоен…

— Исчезните оба, — махнул рукой король. Он вдруг почувствовал страшную усталость, подобную, может быть, только усталости узника; веки его отяжелели, а мышцы, напротив, словно наполнились пустотой. И хотя вскоре это прошло, снова входить в роль любезного хозяина и возвращать гостей он не желал. Глядя, как украдкой переглянувшись, они встали, низко — как показалось Конану, с долей иронии — поклонились и один за другим бесшумно скрылись за тяжелым пологом, аккуратно прикрыв за собой дверь, он ощутил лишь облегчение, еще усилившееся от того, что в спину гостям он послал весьма разнообразные ругательства.

Наконец король остался один. Он был раздосадован, и пока не мог понять, почему. Впрочем, на самом деле поводов находилось предостаточно. Во-первых, он так и не увидел еще раз подарок из Коринфии — гнедого трехлетка с пышной гривой и тонкими крепкими ногами; во-вторых, Мгарс… Кто убил ее? И почему Конан, которого никогда не подводило его варварское полузвериное чутье, ничего не слышал? В-третьих — король только сейчас вспомнил об этом — шут из балагана, вознамерившийся лишить его жизни, да еще во время Митрадеса! Ну, с сим ублюдком разобраться, видимо, не так уж трудно: трухлявый пень Кемидо обещал помочь, и Пелиас здесь, тоже на что-нибудь сгодится… А вот как разгадать тайну убийства Мгарс?..

Конан задумчиво осмотрел свои покои. Что он может сделать в Хауране десятилетней давности сидя здесь? Ничего. Разве что послать туда меира? Но будет ли от него польза? Да

и связываться с ним королю очень не хотелось, тем более, что убийство произошло, скорее всего, еще тогда, в те годы… Видно, все же придется смириться с тем, что тайну эту никогда и никто не разгадает… Конан умел признавать поражение, а потому лишь пожал плечами и позвал слугу, решив выпить в память Мгарс кувшин старого хауранского вина из погребов, в коих еще сохранились запасы прежних властителей Аквилонии.

За этим занятием и застал его Паллантид. Настроение короля поднялось уже после первого глотка, так что капитан Черных Драконов узрил своего повелителя с легкой усмешкой на устах и с блеском в синеве меж черными пушистыми ресницами.

— Не медли, старый пес. Садись скорее, а то, клянусь Кромом, тебе не останется и капли!

Паллантид не заставил себя упрашивать. Повинуясь приглашающему жесту короля, он быстро уселся в кресло, схватил двумя широкими костистыми пальцами тонкую у основания ножку кубка и, налив себе до краев белого, с едва уловимым нежным ароматом вина, в два глотка выпил. Глаза его заблестели, он устроился в кресле поудобнее и выжидательно посмотрел на Конана, потом со вздохом перевел взгляд на свой кубок — пустой как его гробница. С не менее глубоким вздохом король разлил остатки вина, с сожалением понюхал кувшин; подняв кубки, они молча, торжественно допили.

— Ну, Паллантид, — нарушил молчание Конан. — Рассказывай, что тут произошло, пока меня не было.

— А когда тебя не было? — удивленно сдвинул брови капитан Черных Драконов.

На миг Конан смешался. Он провел в Хауране целый день и целую ночь, а здесь за это время не успело и зайти солнце. Значит, Меир Кемидо все же не надул его… Что ж, тогда вполне можно доверить ему установление личности этого недоумка-лицедея…

— Как идет подготовка к Митрадесу?

— Да все уже готово, владыка, — мотнул головой Паллантид. — Давно готово. Только…

— Ну?

— Не могу забыть твои слова о злоумышленнике.

— Забудь.

— Нет, владыка… Я послал одного верного человека — прошвырнуться по приезжим балаганам и записать всех стрелков… Ну, тех, кто будет пускать стрелы с разноцветными лентами после твоей речи. Всех шутов наберется более полусотни и я отдам свою печень собакам, если мы сможем найти среди них того самого… А стрелков всего-то двадцать! За ними и слежку легче установить, и… Короче говоря, я уверен — тот, кто нам нужен, непременно навязался в стрелки. Ты не согласен, мой господин?

— Делай как знаешь, старый пес, — задумчиво отозвался Конан. Он почти не слышал того, что говорил Паллантид. Неожиданно ему в голову пришла странная мысль: а кто еще мог убить Мгарс кроме… Машинально он поднес к губам пустой кубок. Нет, этого не могло быть… А если все же?..

Сердце его застучало гулко, тревожно. Как он мог не понять этого еще тогда? Ведь все так просто… И вечное его недоверие к подобным проходимцам всегда себя оправдывало, а тут…

Резким жестом король отослал недоумевающего капитана Черных Драконов. Он был уже уверен, что все произошло именно так; дикая ярость оглушила его на мгновенье, в глазах потемнело, а кулаки сжались. Он все понял. И только одного не мог понять никак: зачем?

Но отвечать на этот вопрос самостоятельно Конан не собирался. А потому он встал и

вышел из комнаты — на первый взгляд спокойный, но лишь на первый… Окаменевшее лицо повелителя заставило слуг отшатнуться к стенам, а гвардейцаохранника, открывшего рот для приветствия владыки, закрыть его снова. Король был в ярости.

Глава 9

Стрелок плелся в компании своих собратьев по ремеслу к повозкам, оставленным за медную монету на попечение мальчишки из кабака. В тягостном молчании, не глядя друг на друга, лицедеи проходили улицу за улицей, уже не обращая никакого внимания на красоту городских зданий и храмов. Наверное, только теперь, после допроса блонда, они действительно поверили в смерть Леонсо, только теперь до глубины сердца ощутили истинность и невосполнимость потери. Изо всех сил сопротивляясь диктату нужды и течению времени они желали всегда оставаться детьми — Леонсо позволял им эту малость, взяв на себя обязанность решения всех внешних проблем, попутно примиряя, разнимая и наказывая в кругу семьи. Но его не стало, и теперь — каждый понимал это — им придется взрослеть. Занятия нелепее трудно придумать, тем более что взросление в таком, отнюдь не юном возрасте, обычно означает и очень скорое старение, а сие вполне могло доконать их окончательно.

Сходные чувства испытывал сейчас и Этей — причем совершенно искренне, нисколько не кривя душою. Он горевал о Леонсо, может быть, даже гораздо сильнее, нежели его собратья, ибо — хотя в данный момент он совершенно отстранился от своей сопричастности — убил Леонсо все-таки он. Странная суть его абсолютно (он и не подозревал об этом) отрицала всякое раскаяние в содеянном, тем не менее самый факт его непосредственного участия в гибели человека умножал смятение и разброд в душе лицедея. Прошлой ночью, когда Велина заснула на его плече, он с легкостью припомнил преступление, порадовался собственной ловкости и удаче, затем, волей неволей ища оправдания, свалил всю вину на Эрлика, необдуманно требующего от своих адептов обязательного прохождения сквозь всяческого рода лишения и испытания, и погрузился в спокойный сон. Сегодня все было иначе. Выйдя из кабинета блонда он вдруг, неожиданно для себя самого, заплакал о Леонсо чистыми, искренними слезами; представляя, что никогда больше не услышит он его голоса, не увидит улыбки, что его место в повозке теперь будет пусто либо занято кемто другим, он явственно ощущал в душе безумную тяжесть, что на самом деле было тем самым камнем, который рано ли, поздно ли, но повлечет его на дно.

Этей вспоминал прошедшее, обращался к высоким небесам за подтверждением истинности и правильности своих поступков, но ни там, ни тут не получил ответа. Высокие небеса, по всей видимости, напрочь забыли о существовании такой мелкой твари как стрелок, прошедшее же давным давно исключило его (как и всех прочих) из себя, передвинув в будущее и настоящее. А от этих времен он и не ждал ничего — они были ему чужие.

Если бы стрелок имел хотя бы малейшее представление о том, что такое совесть, он несомненно почувствовал бы себя лучше. Когда чему-либо находится объяснение, оно облегчает нравственные страдания — неизмеримо труднее страдать невесть от чего. Но сия материя — совесть — была ему неизвестна, а потому и муки, сотворенные мрачной сущностью Сета, оказались почти непереносимы.

Он едва добрался до повозки. Оттолкнув одного из толстяков, залез в нее, зарылся по обыкновению в солому и, радуясь тому, что все лицедеи пребывали в том же состоянии, не способствующем веселью, провалился в сон, и сон тот был смерть.

Этею явилась Белит, столь часто волновавшая его воображение в действительности, но явилась не так, как прежде. Королева Черного Побережья качалась на рее собственного

корабля, повешенная на собственном же ожерелье, камни коего сверкали в сумраке словно капли крови на ее смуглой шее. Стрелку так и не довелось увидеть смерть Белит тогда; сейчас ему предоставилась эта возможность: он облился холодным потом, обозревая ее прекрасное мертвое лицо — так долго оно покачивалось перед ним, так отчетливы были его черты… В мутной желтизне ее глаз он видел свое отражение, и оно, напротив, оказалось расплывчатым, как будто Серые Равнины уже маячили в его недалеком будущем. Стрелок потянулся, намереваясь прикрыть веки Белит, но пальцами ощутил вдруг только склизкую кашицу, обжегшую его кожу. Отдернув руку, он разинул рот, повинуясь инстинктивному желанию орать — увы, ужас сковал его. Ни звука не вырвалось из глотки, и одеревеневшее тело дернулось словно в петле, как случалось всегда перед судорогой, но наяву, а не во сне. Теперь же, когда пробудиться он не мог, не было и возможности избавить себя от страданий.

Эту боль он отлично чувствовал и во сне. Корчась, Этей нарушил все свои заповеди, посылая на голову ни в чем неповинного Эрлика страшные проклятья и обещая Нергалу отдаться ему со всеми потрохами, лишь бы он помог ему пережить дикую, раздирающую на части муку. Как показало время, Нергал вряд ли нуждался в стрелке и в его потрохах: боль не проходила и даже не утихала. Лицо Белит со странным, торжествующим выражением маячило где-то в глубине, затемненное страданием Этея. А вдали — за Королевой Черного Побережья была пустота, и вот в этой-то пустоте — грохотали раскаты грома, и молнии взрывались, ударяясь о землю… Мечтая о смерти, стрелок невероятным усилием раздвинул губы и вцепился зубами в нижнюю, почти оторвав ее; кровь тотчас потекла в рот, по подбородку, по шее, но зато он проснулся.

Дрожащими руками он вытащил из воротника булавку, припасенную прошлым вечером, и вонзил ее в правую ногу. Судорога нехотя начала отступать, напоследок впиваясь в его плоть своими жесткими щупальцами. Не дожидаясь, когда она пройдет совсем, Этей выдернул булавку и с силой сунул ее в икру левой ноги. Попутно он разминал себе плечи, бока, изрыгая проклятья и плача… Наконец все прекратилось. Всхлипывая, вытирая рукавами слезы и сопли, он повалился в солому, сам не очень-то хорошо соображая, где был сон и где явь. Лицедеи спали — привычный дневной сон, отяжеленный прискорбными обстоятельствами — и не слышали звуков, сопровождающих страдания их собрата. Он покосился на них — равнодушно, без злобы и раздражения, как плененный много лет назад зверь смотрит на своих хозяев — и, чувствуя неимоверную усталость, вдруг снова, почти мгновенно заснул.

И теперь перед ним был Гарет. Истерзанный каким-то чудовищем до неузнаваемости, он лежал в длинных густых камышах у болота, и Этей никак не мог разглядеть его лица: оно было скрыто в зарослях и, по всей вероятности, объедено зверьем или птицами, но стрелок все равно знал, кто это. Не по одежде — сохранившиеся тряпки никоим образом не могли указать на личность своего владельца, и не по фигуре — фигуры как таковой уже не было, были только бесформенные куски, серые, покрытые засохшей кровью. Этей узнал Гарета просто потому, что в камышах лежал именно Гарет и никто иной. Колебания духа, исходящие вместе со смрадом болота, ясно ощутимого стрелком, принадлежали ему; сердце Этея досказало истину; все существо его потянулось туда, трепеща и проливая нежные солоноватые слезы. Но и тут высокие небеса не сжалились над маленькой скрюченной тварью, лежащей в грязной соломе. Путь к телу мертвого Гарета был для него закрыт так же, как всегда была для него закрыта душа Белит. О, он отлично помнил, как весело болтала Королева Черного Побережья с черными пиратами — безмозглыми вонючими животными, и

как она смотрела кудато сквозь него самого: так смотрят в море, силясь разглядеть что-либо на дне и при этом, конечно, совсем не замечая воду. Да, она не была знакома с ним, но и вид его не вызывал в прекрасной Белит даже тени желания узнать его.

Этей забыл о Белит сразу, лишь только увидел огромную мохнатую тушу, подобравшуюся к телу Гарета. Газли! Исполинский медведь-людоед, не брезгующий и падалью… Стрелок вспотел от неожиданной мысли: сейчас чудовище начнет грызть и трепать Гарета, и он будет тому свидетелем! Нет, он не хотел. Такую пытку явно не могли выдержать его и без того истонченные нервы. Но высокие небеса — теперь он был уверен, что именно они на пару с жестоким Эрликом придумали для него столь страшные испытания — заставили его смотреть и слушать. Он не имел возможности даже закрыть глаза, ибо то был сон, где у спящего нет власти; он смотрел, застыв от ужаса и ощущая внутри сосущую, мелко дрожащую пустоту. И он знал, уже знал, как все это называется.

* * *

Потом, в кабаке, Играт напомнил лицедеям, что стрелков от их балагана на Митрадесе должно быть все-таки пять. Услышав это сообщение, все мрачно подняли глаза на Михера, и он, вяло жуя сочный кусок говядины, кивнул, соглашаясь заменить погибшего Леонсо.

В небольшом зале было тихо. Четверка солдат в углу да пара ремесленников, занявших стол у крошечного оконца, подозрительно поглядывали на лицедеев, не забывая при этом вливать в себя прямо из бутылей вино неизвестного происхождения и непонятного цвета, каковое обстоятельство понемногу рассеивало их бдительность и настраивало более благодушно. Когда пустой посудой оказалась заставлена почти вся поверхность стола и у тех и у других, интерес к лицедеям пропал совсем. Лишь тусклые мигающие светильники, что едва освещали помещение, бросали равнодушные желтоватые блики на постные физиономии сидящих.

Крепкий сон никому не принес облегчения. Напротив, утяжелил и без того унылое настроение шутов; головы их были пусты, веки красны и раздуты, а в глубине зрачков плыла пьяная муть, хоть никто еще не выпил и глотка. Впрочем, они вскоре исправили положение, заказав если не море пива, то уж озеро точно.

Отхлебнув сразу пол-кружки, колобок Михер почувствовал себя несколько лучше, да и другие, предвкушая спасительное забвение во хмелю, приободрились. Но вести беседы, равно как и шутить и смеяться, им не хотелось. Каждому до такой степени обрыдли остальные, что один лишь взгляд на морду собрата приводил человека в тихое бешенство. А потому за столом лицедеев царило торжественное, хотя и довольно угрюмое молчание.

Зал кабака понемногу наполнялся. Так всегда было здесь с наступлением сумерек — словно люди старались сократить время, оставшееся до ночи, в пьяном угаре и веселой бездумной болтовне либо политических спорах. Какие козни против Аквилонии замыслила Немедия и о чем поведали палачу мятежники, заключенные в Железной Башне, какой подарок прислала королю Конану богатая Коринфия и что прошлой луной произошло в Гандерланде… Но сегодня предполагалась тема поинтереснее, тем более, что непосредственные участники события, случившегося ночью, находились здесь же, в кабаке. Посетителей все прибавлялось; как и те ремесленники и солдаты, что сидели тут с самого начала, все смотрели на шутов с подозрением; поторапливая слуг, сновавших по залу туда-

сюда, люди искали глазами знакомых, а находя, подсаживались и заводили беседы пока на совершенно посторонние темы.

Лицедеи ничего не замечали. Кувшины их пустели, глаза наливались мутной влагой, а сердца, становясь все легче и легче, воспаряли к потолку и там плавно кружились, почти освобожденные от ответственности за смерть собрата. Вот уже на жирных щеках толстяков заиграл румянец и робкая улыбка появилась на устах Велины; по обыкновению заворчал Мадо, надулся обиженный кем-то Сенизонна, зачмокал губами Агрей; Михер возвел очи к болтающемуся на тонкой цепи светильнику и зашипели друг на друга Кук и Лакук… Жизнь с каждым глотком пива потихоньку вливалась в изможденные тела лицедеев, чему добрый Играт был очень рад. Он с любовью вглядывался в теперь уже хорошо знакомые физиономии, призывая к шутам милость благого Митры, и еле удерживался от того, чтобы не облиться сейчас слезами и…

К сожалению, Митра был очень занят, а потому не обратил на просьбу Играта должного внимания. Зато Сет не дремал: как решил потом ленивый, именно он (а кто же еще?) наполнил души посетителей кабака черной злобой, затмил их умы и вооружил пустыми бутылями. То один, то другой, то третий вставали с мест и, сдвинув брови к самой переносице, с сумрачным взглядом подходили к столу лицедеев. Вскоре стол был окружен двойным кольцом насупленных мужчин, которые так тяжело дышали, что Мадо наконец обратил на них внимание.

— Чего надо, ублюдки? — задиристо выкрикнул рыжий фальцетом, разворачиваясь.

Лицедеи заволновались. В их кочевой жизни подобные заварушки бывали не раз, и победителями — увы — чаще всего оказывались не они. Иногда дело кончалось лишь синяками и ссадинами, но иногда случалось и кое-что похуже. Например, в Замбуле в одной таверне Зазалле перешибли нос, а Улино надрезали брюхо (слава Митре, он так оброс жиром, что лезвие не задело внутренностей); в султанапурском кабаке Сенизонне сломали ногу, Леонсо ключицу, а Енкину почти откусили ухо; в Нумалии, в задрипанной харчевенке, чуть не убили Мадо… Короче говоря, лицедеям совсем не хотелось сейчас связываться с тарантийскими забияками, тем более перед Митрадесом, где они намеревались показать себя в лучшем виде. Поэтому Улино, как самый благоразумный, хлопнул рыжего по плечу и посоветовал:

— Утихни, Мадо.

Но было уже поздно.

— Козлы пога-аные-е-е! — заголосил вдруг лысый худосочный парень с бледно-зеленым цветом вытянутой и приплюснутой физиономии.

— Уплюдки! — подхватил коротышка явно выраженного кхитайского происхождения. — Убийсы!

— Пришлые!

— Клопы вонючие! Подонки!

— Давить их!

— Повесить! Тут худосочный припадочно задергался и пустил слюну, что, по всей видимости, должно было означать начало военных действий. Коротышка, пыхтя, попытался укусить Улино за спину, на что Сенизонна, сидевший рядом с толстяком и тоскливо бубнивший себе под нос очередной вздор, так двинул его локтем в подбородок, что тот с визгом отлетел в толпу задир. В ответ чей-то кулак заехал Сенизонне прямо в его прекрасный глаз, а в тот же момент худосочный с воем накинулся на Лакука и вцепился ему

в волосы.

Разъяренные шуты вскочили со своих мест, хватая со стола разного рода предметы, ибо знали по опыту, что в драке пригодится все. Енкин размахивал пустым кувшином из-под пива, то и дело врезая им одному в нос, другому в бровь, третьему в ухо; возле него молча крушил забияк Агрей: он так ловко уклонялся от ударов и так ловко наносил свои, что вскоре его соломенные волосы уже мелькали в самой середине драки. Кук и с трудом отцепившийся от худосочного Лакук, схватив табуреты, оборонялись ими, и довольно успешно — трое или четверо уже валялись на грязном заплеванном полу, скуля и размазывая по себе кровь.

Толстяки давили противника массой. Рядом с ними сражались Сенизонна и Ксант. Грустный красавец, казалось, здесь попал в родную стихию: со сверкающей улыбкой он получал по всем частям своего тела и головы, и с той же улыбкой сам раздавал удары направо и налево. Но первой его жертвой стал худосочный, сейчас возлегающий на соседнем столе без чувств и с разбитым лбом. Воодушевленный этой победой Сенизонна уложил еще троих и теперь вместе с Ксантом пробирался к Агрею, которого уже душил какой-то дико визжащий оборванец.

Играт драться не умел, а потому на пару с Велиной кусался, царапался и пинался, что тоже принесло уже свои результаты — трое нападавших на них ремесленников с проклятьями отступили, ощупывая располосованные лица красными от крови пальцами.

Михер, яростно плюясь, пытался проложить себе дорогу к Мадо — его совсем не было видно за широкими спинами тарантийцев. Отдирая от себя чьи-то руки, рыча и отбиваясь, колобок в ужасе следил за мелькающими в воздухе кулаками, что наверняка опускались на голову рыжего. Но юркий Мадо с железными кулаками пока еще держался. Окруженный со всех сторон, он вертелся словно белка; рыжие волосы его уже слиплись от крови, оба глаза были подбиты; злобно ощерившись, он кидался на противников, целя в зубы или в пах, сам почти не замечая их ударов. Наконец Михер встал рядом с ним, в пылу драки едва не получив в ухо от своего же приятеля.

Хозяин кабака стоял у дверей, намереваясь улепетнуть в случае необходимости, и выл. Поломанные столы, табуреты, разбитая и растоптанная посуда — при виде этого разгрома сердце его обливалось кровью. Простирая руки к бузотерам, он призывал их опомниться и разойтись, заплатив ему за ущерб, но слабый голос его тонул в общем крике и гаме, а когда пивная кружка, пущенная чьей-то сильной рукой, пролетела через весь зал и чуть было не угодила ему в лоб, несчастному перепуганному хозяину пришлось ретироваться, что он и сделал, жалобно стеная и плача.

Тем временем битва все же подходила к концу. Лицедеи — оборванные, всклокоченные, покрытые ссадинами и кровоподтеками — уже едва держались на ногах. Перевес тем не менее был на их стороне, ибо они-то все-таки держались, а их противники в основном оказались повержены. Шум стихал, рычание и крики сменились стонами и воплями побежденных; то тут, то там еще слышались смачные шлепки и грохот падающих тел; легкораненые спешили втихаря покинуть помещение. Наконец перед шутами не оказалось ни одного тарантийца, кроме, конечно, тех, кто оглашал воздух прерывистым воем, лежа на полу и стараясь не смотреть на победителей.

— Уходим! — хрипло приказал Улино, правой рукой хватая за шиворот ошалевшего от боя Сенизонну, а левой Мадо, который пострадал больше остальных. Лицо его было залито кровью, глаза заплыли, а из разорванной рубахи проглядывало тощее, сплошь усеянное багровыми пятнами тело.

Молча и быстро лицедеи покинули негостеприимный кабак и окунулись в свежую мглу улицы. Они шли, с наслаждением вдыхая чистый воздух ночи, не спеша и не разговаривая. И только когда заметили в свете фонаря несколько фигур, облаченных в форму королевской гвардии, они дунули через ближайший переулок к своим повозкам, где обрели наконец покой и сон.

Глава 10

Что там было в далеком прошлом, как это было — должно ли сие волновать Конана теперь, в нынешнем его мире? Каждое утро над великой Аквилонией, жемчужиной Запада, вставало солнце — око светлого бога Митры, и каждый вечер оно скрывалось за горизонтом; небеса не падали, горы не рушились, земля под ногами не лопалась; люди — жили, благословляя ли, проклиная ли своего повелителя, но жили. Так что же еще мог хотеть король, кроме бесконечного покоя, что позволил бы ему наслаждаться и властью, и богатством, и славой? Тем, к чему он стремился всю жизнь… Но Конан и раньше знал, что путь к мечте несравнимо важнее ее исполнения…

Он спрыгнул с последней ступени, с силой пнул дверь ногой, обутой в высокий кожаный сапог с кованым носком, и, вытягивая меч из ножен, вошел в темную комнату. Окна ее с прекрасным видом на королевский сад были полностью закрыты тяжелыми занавесями густо-фиолетового, почти черного цвета, так что свет совсем не проникал внутрь. По середине стоял круглый стол, на коем высился огромный прозрачный кристалл чуть зеленоватого оттенка; тусклые огоньки вспыхивали и сразу угасали в холодной утробе камня, словно замурованные светлячки, рвущиеся на волю.

В глубине комнаты, в роскошном кресле, покрытом тонким ковром, скрючилась маленькая фигурка. Во тьме трудно было угадать не только черты, но и пол существа, хотя Конан отлично знал, кто поблескивает на него двумя крошечными желтыми шариками. Он подошел, молча приставил клинок к тому месту, где должна была находиться волосатая шея, и легонько ткнул. Короткий всхлип возвестил о том, что его поняли. Тогда король чуть ослабил давление меча, чтобы пленник мог говорить, и брезгливо морщась, рыкнул:

— Ну, вонючая ящерица, раскрывай поскорее свою пасть и ведай мне все!

— Что «все», государь? — проскрипел в ответ меир Кемидо, вжимаясь в кресло, только бы подальше от острого клинка.

— Зачем ты убил ее?

— Кого? Эту грязную девицу?

— Мгарс была во сто раз чище тебя, развалина!

— Не смею спорить с тобой, мой господин.

— Если ты будешь увиливать, клянусь Кромом, я отрублю тебе сначала нос, потом ухо — мне нравится твоя серьга, кривая рожа… А потом ты расстанешься и с головой! Хотя это и небольшая потеря… Ну!

— Она могла нам помешать, государь. Ты застрял у нее и потерял счет времени! Как бы я вытащил тебя обратно?

— И ты убил ее!

— Подумай сам, владыка, что я должен был сделать еще? Такого льва, как ты, — льстиво прошелестел меир, — никакой силой не оторвать от женских рук. Поэтому я проник в ее дом, подсыпал в кувшин с вином одно чудесное снадобье (ведь ты хорошо спал, мой господин?), а после, когда веки ее и твои смежились, я подошел… Вот и все.

— Ты убил ее!

— Да, — согласился Слуга Прошлого и умильно посмотрел на Конана. — А что я должен был сделать еще?

— Не повторяй сказанного однажды!

— Ты сам повторяешь, — буркнул старик и желтые шарики глаз его опять забегали, не останавливаясь на короле.

— Слушай меня внимательно, протухшее вымя, — Конан смолк на миг, задумчиво глядя сквозь меира. — Слушай. Я не стану судить тебя сам. Есть великий Митра, есть ты, и есть светлая невинная душа тайно заколотой тобой Мгарс… Соверши ты злодеяние в мое время и в моей стране, я повесил бы тебя вниз головой, но прежде отдал бы в руки палача в Железную Башню… Но теперь пусть Податель Жизни и Хранитель Равновесия решит твою судьбу. Ты понял меня, грязная тварь?

— Понял, — смиренно ответствовал Слуга Прошлого.

По всей видимости, Конан избрал правильную линию беседы с меиром: услыхав про суд Митры, старик явно стушевался. Он никак не ожидал от варвара такой проницательности, а потому взглянул на него сейчас совсем иначе, чем раньше. Огромная фигура аквилонского владыки возвышалась перед ним подобно киммерийской горе, что свысока взирает на холмы, покрывающие равнину. Невероятная сила, исходящая от Конана, ничуть не смущала Слугу Прошлого ни прежде, ни теперь. Но то, что он вдруг увидел в его синих глазах, поразило в самую глубь его существа: мысль! Варвар, о коем вот уже годы ходили легенды как о великом воине, предстал неожиданно совершенно в иной ипостаси. Пожалуй, только в этот момент старик понял, что король действительно мудр. До того он видел в нем силу, суровость и неотесанность; у него были, несомненно, верные слуги, что встречается на деле довольно редко; он правил могущественным государством самостоятельно, что трудно было ожидать от безродного киммерийца — обыкновенно простолюдины, каким-то чудом занявшие престол, окружают себя благородными и искушенными в управлении страной господами, каковые и являются истинными властителями. И все же мысль, да еще столь глубокую, вряд ли можно было ожидать в этом варваре. Вздохнув, старик поклонился королю, не вставая с кресла, ибо клинок все еще касался его шеи, и тихо вопросил:

— Ты выгонишь меня, владыка?

— Да, — кивнул Конан, отнимая меч. Он протер лезвие полой куртки, будто опасаясь заразы от Слуги Прошлого, и сунул его в ножны.

— Погоди. Дай мне половину дня и я укажу тебе злоумышленника. Или ты забыл о нем? — удивленно поднял руки меир, заметив на лице короля мелькнувшее недоумение.

— Нет, не забыл. Но я не нуждаюсь в тебе, крючок. Забирай свое барахло и выметайся из Тарантии как можно скорее.

— Но он убьет тебя!

— А вот это уже не твоя забота.

— Мой господин, позволь…

— Я не твой господин! И поторопись, к утру я хочу забыть о тебе.

С этими словами Конан толкнул плечом дверь и вышел из комнаты, оставив меира в темноте и недоумении.

* * *

— Вот и все, — закончил король свой короткий рассказ.

Пелиас молча смотрел в противоположную стену, постукивая по полу каблуком сапога. Сердцем он понимал Конана, но разум его отказывался поверить в то, что человек, коего на

следующий день должна пронзить стрела, не захотел узнать имя своего убийцы и тем самым спасти себе жизнь. Что это? Гордость? Глупо. Ведь иного способа добиться истины нет. Разве только отменить праздник или не пустить на площадь балаганы… Но Конан ни за что не согласится заплатить такую цену. Вот тут уже гордость его точно взыграет…

Вздохнув, маг взглянул на короля. Что ж, придется ему приложить все усилия и все-таки заставить его не выгонять меира Кемидо прежде, чем тот выложит им правду.

— Послушай, друг мой… Ты был сегодня в городе?

— Не успел, — помотал головой Конан. — А что?

— Народ ждет Митрадеса с нетерпением. Все смеются, все довольны… А верно ли, что и после праздника гулянья будут продолжаться?

— До следующей луны. Но я не понимаю, к чему ты ведешь, Пелиас?

— Как ты думаешь, владыка, много ли радости принесет людям твоя гибель? Мне кажется, это несколько испортит праздничное настроение горожан и гостей.

— Я похож на дурня?

Пелиас приподнял бровь.

— Нет, друг мой, не похож. Но почему ты об этом спрашиваешь? У тебя есть иной способ узнать имя убийцы?

— Да нет у меня никакого иного способа. Просто я уверен, что твой приятель ни слова не скажет задаром. Золото, камни… Я бы заплатил ему. Но ведь ему это не нужно? А что нужно? Если ты не знаешь, Пелиас, я тебе скажу. Ему нужно то, что я не смогу ему дать.

— Что?

— Не представляю. Но я отлично знаком с этой поганой братией. Полудемоны, полумаги, полулюди… Не хочу обидеть тебя — Митра свидетель, дурного я от тебя ничего не видел, — но уж мерзкая тварь Кемидо именно такой. А потому и не нужно ему моей казны. Он потребует…

— Наверное, ты прав, государь, — Пелиас покачал головой. — Но я думаю, все же стоит попробовать? Ты ничем не рискуешь.

— Нет.

— Друг мой, если бы я мог помочь тебе… Но моей власти и моих знаний не достанет на то, чтобы определить человека. Если бы он был у меня перед глазами — только он — я бы сказал: «Да, сей шут опасен»… Но из пяти балаганов выбрать один, а из этого одного убийцу… Не смогу.

— Я и не прошу тебя, Пелиас. Давай оставим все как есть. А мою судьбу пусть решает Митра.

Маг удивленно посмотрел на короля. Что-то не замечал он в нем прежде такой покорности. Варварская неуемная и гордая натура допускала лишь самую малость почтения к богам — всегда и во всем Конан полагался только на себя. Что же случилось с ним теперь?

Словно ощутив растерянность Пелиаса и поняв его немой вопрос, король хмыкнул и после нескольких мгновений молчания ответствовал:

— Когда-то, очень давно, Митра уже судил меня. Я нарушил клятву и убил человека, который просил о пощаде… Одного человека! И немало времени прошло, прежде чем я искупил свой грех. Но теперь, когда мне уж больше сорока лет… Я думал об этом, Пелиас. На моих руках столько крови, что ей можно было бы затопить Тарантию! Были или не были среди них невинные и молящие о пощаде — не помню. Но могли и быть. Так может, стрела того убийцы направлена в мою грудь волей Митры?

— Ты удивляешь меня… Я не подозревал, что ты…

— Думаю? Кром, ты не ошибся. Обычно я этим не занимаюсь, но… Не могу ответить. Наверное, все дело в прошлом…

— Что ж, владыка, позволь тогда мне расспросить меира Кемидо. В твоем присутствии, разумеется.

— Пелиас, ты настырен.

— Да, друг мой. Так ты позволяешь?

— Я не хочу видеть эту тварь.

— Ты можешь отвернуться, мой господин, — улыбнулся маг.

Он брякнул в гонг и тотчас появился вымуштрованный прежними хозяевами слуга, несущий поднос с двумя кубками и кувшином вина. Наполнив кубки, слуга с поклоном удалился.

* * *

Не успел Конан налить себе еще, как в дверях появился меир Кемидо. Он торжествовал. У него и сомнения не возникало, зачем король со своим прихвостнем Пелиасом пригласили его сюда. Имя убийцы! Старик уже знал его. Причем не только прозвище, коим наградили ублюдка зуагиры, но и его настоящее имя — то, что было дано ему при рождении, то, что он носил до сих пор. А жаль, что придется открыть истину! Меиру хотелось бы посмотреть, как вонзится отравленная стрела в грудь варвара… Ему не помогла бы и кольчуга — стрелок слишком хорошо знает свое дело… Вон как ловко управился с двумя шутами, своим и тарантийским. И все за каких-то несколько мгновений. Такое искусство дорогого стоит. Но все же цель Слуги Прошлого много важнее смерти ничтожного киммерийца, а потому придется все же поведать имя стрелка…

Меир и не думал скрывать торжество; глазки его победно сверкали, рот подъехал к самому подбородку и из уголка его вытекала тонкая струйка желтой слюны. В руках он держал тот камень, что Конан видел в его комнате. На свету кристалл несколько преобразился: он переливался радугой, вспыхивая ярко то одним, то другим цветом, но сохраняя при этом прежний, зеленоватый оттенок. Король взглянул на сие магическое приспособление презрительно, а на меира Кемидо и вовсе не взглянул. Пелиас же встал, приветствуя Слугу Прошлого, на что тот и не подумал отреагировать. Он плюхнулся в кресло, стоящее рядом с креслом короля, заставив его отодвинуться подальше, и весело (насколько мог быть весел подобный крокодил) скрипнул:

— Ну? Вам назвать его имя?

— Да, — подался вперед Пелиас.

— Что ж… Его зовут… О, я совсем забыл! Мы же не договорились о цене?

— Сколько ты хочешь? — сурово вопросил маг, начиная барабанить пальцами по подлокотнику кресла.

— Только не денег, только не денег.

— Золото? Каменья? Изделия тарантийских ювелиров?

— Фи!

— Что же тебе надобно?

— Жизнь! Я думаю, это будет справедливо: жизнь за жизнь.

Пелиас бросил на короля удивленный взгляд. Он предугадал, что старик запросит непомерную цену!

— И чью ты хочешь жизнь, пес?

— Есть у государя такой незначащий человечишко… Кажется, его кличут Паллантидом.

— Что-о? — взревел Конан, подскакивая. — Да я тебя на куски разорву, отродье Нергала!

До сего мгновенья он молчал, проклиная в душе и меира и Пелиаса за его настойчивость, но от столь явной наглости не утерпел и все же вступил в разговор.

— Поганая тварь! Петлю на шею ты получишь, а не Паллантида!

— Но зачем он тебе сдался, владыка? — невозмутимо спросил старик. — Таких как он в твоей стране найдется не меньше сотни!

— А тебе зачем он сдался? — хмуро буркнул Пелиас, который понял уже, что сделка не состоится.

— Через него я проникну в самые глубины прошлого! Туда, куда сейчас даже мне нет дороги! Я все проверил по своему магическому кристаллу. Мне подойдет либо он, либо… ты, государь. Но тебя я не смею и просить об этом.

— Что может сделать для тебя Паллантид? — продолжал допрос маг.

— Живой — ничего.

— Так ты решил его умертвить?

— Ну да, — легко согласился меир. — Иначе нельзя.

Конан, коего уже переполняла ярость, наконец не вытерпел. Он выхватил меч и, больше не желая ничего выяснять, со всего маху опустил его на голову Слуги Прошлого. Тот взвизгнул; пытаясь защититься, он заслонился магическим кристаллом, который не выпускал из рук. Клинок со звоном врезался в камень и осколки посыпались на ковер, сверкая и тотчас угасая. По комнате пронесся темный, полный песка ветер, обдавая людей смертным холодом; меир позеленел; простирая руки к Конану, он силился что-то сказать, но ни звука не вырывалось из его кривого рта. Пелиас, встав рядом с королем, с изумлением наблюдал, как исчезает, растворяется в воздухе нелепая фигура Слуги Прошлого. То же и осколки магического кристалла: они словно капли воды всасывались в ковер, не оставляя после себя и следа. Через несколько мгновений все было кончено. В комнате остались только Конан, опустивший меч, и маг.

— Ты убил его, мой господин… — пробормотал Пелиас, глядя на место, где только что стоял меир Кемидо.

— Я?

— И правильно сделал.

Глава 11

Стрелок очнулся на рассвете. Некоторое время он лежал неподвижно, боясь дышать, так как с каждым вздохом грудь его пронзала резкая боль. Затем он приподнялся, оглядел храпящих своих собратьев, лица которых в полумраке казались серо-желтыми, словно неживыми. Драка в кабаке, если и подорвала их здоровье, то уж никак не поколебала сон: как всегда он был крепок и спокоен, чему Этей давно завидовал. Сам он спал плохо — тени прошлого не оставляли его, мучили всякую ночь; в кошмаре погружался он в забытье и в кошмаре пробуждался. Потом приходила боль. Как сейчас…

Он попытался встать. Истерзанное тело отказывалось повиноваться, к тому же под коленями его вздулись огромные волдыри, кои стрелок, обнаружив только теперь, с проклятьями проколол булавкой, чуть не визжа от боли. Слава Митре, его прежние постоянные посетители — Белит, Гарет, и белоглазая — сгинули в неведомых глубинах его памяти, растворились, обратились в прах. Как ни странно, Этей почувствовал искреннее облегчение, избавившись от них. А вот судорога, уходя, возвращалась вновь. Стрелок уже ощущал ее как живую, ибо она мучила его с явным наслаждением — так Пантедр изгалялся над своей жертвой прежде чем прикончить ее…

Как далёко от него то время, когда он был молод, красив и беспечен! Тело его, тогда еще свободное от дрянных болезней, налитое буйной силой, привлекало немало красавиц — пышных и стройных, юных и не очень… В то время он смотрел на них, смеясь. А ныне? Сила — осталась, внешний вид почти не изменился, разве что приглядевшись можно обнаружить сеть тонких морщин, покрывших некогда свежее лицо… Но внутри… Нет, он даже не был болен — скорее, мертв. Что еще держало его на ногах? Что помогало удерживать на губах дурацкую ухмылку, подыгрывая лицедеям? И никто, никто не догадался… ни о чем…

Приступ скрутил стрелка как всегда неожиданно. Но на сей раз, не вытирая слез, ручьем текущих по щекам, он улыбался. Ибо пришел наконец тот день, когда свершится месть, а по сравнению с этим все — вздор. И корчась на грязной соломе от страшной ломоты в костях и мышцах, и вонзая булавку в раскаленную от муки плоть, и содрогаясь от спазмов в груди, и давясь блевотиной — он улыбался. Глаза его видели сейчас лишь одну картину: стрела с отравленным наконечником со свистом пролетает через площадь и с тихим, хлюпающим звуком, который не услышит никто, кроме убийцы и жертвы, втыкается в мощную шею… Да, он решил целить именно в шею. Варвару вполне может приспичить облачиться в крепкую кольчугу, напялив сверху камзол, и тогда он останется жив, а сие допустить нельзя. Поэтому — в шею. Не забыть бы намазать на наконечник стрелы яд. Здесь, в повозке, под доской, у Этея давно спрятана крошечная склянка со смертельной жидкостью. Варвару повезло — он умрет сразу. Стрелок сам видел, как мгновенно отлетает душа человека на Серые Равнины после того, как этот яд проникнет в поры. Что ж, пусть хотя бы так.

Теперь остается только дождаться, когда повозки отправятся к площади. Там, в суматохе, он и достанет свою склянку… А пока — спать. Вернее, закрыть глаза и ждать пробуждения собратьев. Время есть. Немного, но есть.

* * *

На чистом, ровного голубого цвета небе не было видно ни облачка. Громадный светло-желтый шар поднимался медленно, величаво, озаряя и согревая живыми лучами землю. С юга плыл легкий ветерок, такой теплый и нежный, словно посланный самим Митрой на великий аквилонский праздник.

Улицы гудели. Со всех концов Тарантии, из своих жилищ, из кабаков и постоялых дворов люди шли к площади. Огромное поле за южной стеной города уже было оцеплено гвардейцами; ряды базара по краям его постепенно заполнялись торговцами, коих пропускали по специальным медным дощечкам — к началу праздника их товары должны были быть проверены полностью; балаганы стояли пока в стороне, лицедеи вяло переругивались, позевывали, и то и дело бегали к ручью отпиваться после неумеренных возлияний прошлым вечером.

Дождавшись, когда собратья вылезут из повозки на свежий воздух, Этей достал ворох стрел, к которым Велина уже привязала разноцветные ленты, придирчиво перебрал их, и наконец, руководствуясь какими-то лишь ему известными соображениями, вытянул одну. Дрожь пробежала по его телу, но рука была тверда как обычно. Причмокнув, он с одобрением и нежностью провел пальцем по гладкой поверхности стрелы. Потом не спеша просунул в щель меж досками самый кончик сабли, что глоталась беспрестанно во время представлений то Куком, то Лакуком, и нашарил там склянку. Плоская, прозрачная, величиной всего в одну фалангу его большого пальца, она оказалась доверху наполнена какой-то темнокоричневой жидкостью. Держа ее в десяти ладонях от себя, он ногтем, с величайшей осторожностью вытащил плотно скрученную, промасленную тряпочку, служившую пробкой; в нос ему сразу ударил пренеприятный запах и стрелок, выругав себя за забывчивость, а Нергала за коварство, отбросил пробку и свободной рукой зажал нос. Теперь надо намазать ядом наконечник стрелы, но как это сделать? Поставить склянку на пол он не мог — дно было выгнутым, так что ее можно было только положить, а как же положить без пробки?

Этей застонал. Время у него еще было, но совсем немного. Решившись, он отнял руку от лица и схватил приготовленную заранее длинную тонкую щепку. Капнув на нее яд, он, все так же держа склянку на расстоянии, ногой подвинул стрелу поближе; затаив дыхание, Этей осторожно, очень медленно поднес щепку к наконечнику и стал мазать его.

… Ему показалось, что это продолжалось вечность. Не только лоб, но и все тело его взмокло, словно он попал под дождь. Пот заливал глаза, щипал прокушенные губы, от запаха яда в груди жгло, да так, будто он проглотил факел. Он щурился, сплевывал пот и горькую слюну, не забывая скороговоркой бормотать себе под нос проклятья — как ни странно, это помогало… Наконец все было кончено. Этей тщательно закрыл склянку и убрал ее на прежнее место, затолкал щепку поглубже в трещину между стеной и полом повозки, вытер ладони о солому, взял в руки стрелу…

— А что это ты делал сейчас?

Он вздрогнул. Из головы его вдруг вылетели все мысли и она оказалась пуста и легка — на миг Этею даже стало приятно. Он улыбнулся и медленно, медленно начал поворачиваться.

* * *

Много лет назад недалеко от Кутхемеса стрелок попал в лапы Черного Всадника —

бандита, кочующего по Турану на могучем вороном коне. Монстр высотою чуть не в полтора человеческих роста, в черном плаще, весь покрытый густой шерстью, с клыками, выступающими над верхней широкой губой, едва касаясь, почти ласково провел по его груди толстыми желтыми когтями. Немой, косоглазый, с отрубленным наполовину ухом — он был ужасен. О его жестоком и подлом нраве ходили легенды. Караваны, проходящие через Туран, обычно нанимали двойную, а то и тройную охрану, боясь наткнуться в пути на это чудовище. Но от Черного Всадника могла спасти разве что милость Митры. Порождение самого Сета, подобно целому войску налетал он на несчастных, гыгыкая, рубил головы и тела, а после соскакивал с коня и с наслаждением добивал раненых, не брезгуя полакомиться мертвечиной.

Но Этею повезло. Монстр был в прекрасном расположении духа, когда по следам обнаружил человека в маленькой пещере недалеко от Кутхемеса, а потому, прежде чем убить, он решил с ним позабавиться. Он подбрасывал стрелка вверх и хрюкая смотрел, как тот дергает в воздухе руками и ногами, он зарывал его в песок, а потом, когда жертва уже начинала задыхаться, откапывал, он приставлял к его горлу острый кривой нож и делал аккуратный надрез… До сих пор на шее стрелка остались короткие тонкие шрамы…

Каждый вздох Этей ждал, когда наконец чудовищу надоест игра. Он и не пытался убежать — злодей перебил ему правую ногу, так что теперь стрелок мог только ползти. Но пока он был с Черным Всадником, ползать ему не приходилось, ибо тот всегда ездил верхом, и, естественно, возил человека с собой, перекинув через седло или, если хотелось немного развлечься, держа его за шиворот.

Видимо, Этей чем-то понравился монстру: проголодавшись, он не тронул его, а поймал у подножия горы парочку влюбленных и сожрал их. Мало того, он даже предложил кусочек от девушки стрелку, и когда тот отказался, был чрезвычайно удивлен и раздосадован. Этей же осмелел и предложил чудищу изловить для него куропатку, что тот незамедлительно сделал и даже помог человеку набрать сухих ветвей для костра.

Вот тогда-то Этей и решил, что общество Черного Всадника ему наскучило. Дождавшись, когда он уснет, стрелок вытащил из кармана куртки склянку с ядом и не скупясь залил смертельную жидкость в ноздри монстра.

Он уже не помнил, как дополз до ближайшего селенья, кто приютил его в маленьком сыром домишке, и как звали врачевателя, что лечил его ногу… Стрелок помнил только одно: именно тогда, после расправы над Черным Всадником, он понял, как легко и приятно так убивать. Именно так. Потом он не раз делал это и тайно, и явно, но всегда один на один. Вот в чем он находил истинное удовольствие — один на один. В бою не может быть такого интереса и такого наслаждения собственными умом и силой. И красоты в потном, вонючем, воющем клубке нет никакой. Насколько же красивее и приятнее перебить не кучу неизвестных ублюдков, а одного, того, кто смотрит на тебя и не ожидает смерти. И даже если ожидает! Увидеть в его глазах свои глаза и страх… О, Эрлик… Как сие возбуждает…

Странно лишь, что после убийства Леонсо и Гельде он не испытал привычного наслаждения. Наверное, болезнь не только ослабила его тело, но и притупила чувства, а это плохо… Подобными чувствами Этей жил… Но, возможно, сегодня, когда на Серые Равнины уйдет проклятый варвар, он вновь испытает это? Да, он был уверен. Такого красивого убийства ему еще не доводилось совершать! Митрадес… Полная площадь народа — зрителей… Солдаты, лицедеи, торговцы… И — в небо летят стрелы, трепеща разноцветными лентами! Как летят! И только одна направлена не в небо — его, смазанная

ядом. Она вонзается точно под кадык киммерийца, толпа ахает и…

* * *

Играт стоял перед стрелком и губы его расползались в ответной улыбке.

— Что ты делал сейчас? — с любопытством спросил он снова.

— Стрелы проверял, — небрежно ответил Этей. — Видишь, однасломанная оказалась.

— А в запасе нет?

— Нет, только пять… Слушай, ленивый, может, ты починишь?

— Как? Я не умею…

— А ты попробуй.

Не спуская глаз с Играта и по-прежнему улыбаясь, Этей начал подходить к нему ближе. Но ленивый, словно что-то вдруг почувствовав, отшатнулся. В глазах его стрелок увидел — нет, еще не страх — испуг; пятясь к выходу из повозки, Играт мотал головой. Похоже, до него дошло, кто убил Леонсо и краснолицего тарантийца Гельде…

— Ты что, боишься меня? — мягко спросил Этей. Играт кивнул, потом вновь замотал головой, не переставая пятиться. Вот нога его уже коснулась края повозки, а рука нащупала полог…

— Не бойся, — попросил стрелок. — Зачем?

Он резко метнулся вперед и с силой кольнул ленивого в щеку отравленным наконечником. Сделав шаг назад, он бесстрастно наблюдал, как багровеет, а потом синеет лицо Играта, как наливаются мутью и выкатываются из орбит его глаза, как руки, трясясь крупной дрожью, тянутся к воротнику… Странно, но и сейчас Этей не испытывал наслаждения. Удовлетворение? Может быть, самую малость. Но и все! Он подставил ногу под падающее тело ленивого, подхватил его и оттащил вглубь повозки, туда, куда не проникал свет. Затем он забросал его соломой, сверху свалил кучу тряпья, накопившегося в балагане за годы странствий, и, не забыв пометить и положить на место отравленную стрелу, улыбаясь, вылез на улицу.

* * *

Гвардейцы уже подходили к балаганам. Сурово хмурясь, они с подозрением оглядели лицедеев, скривились (видимо, унылый вид и грязная рваная одежда не отвечали их представлениям о том, как должны выглядеть шуты), и предложили старшим познакомить их с лучниками.

Этей стоял в стороне и смотрел на красивые мундиры гвардейцев. Когда-то и он носил похожий, но желто-зеленый, с черной перевязью… Наемная армия Немедии сплошь была одета в такие мундиры; некоторые франты — Этей не был в их числе — обшивали перевязь золотом, а на грудь вешали железные амулеты в виде кошки, тигра или кабана, так как именно этих животных почитали солдаты. Глупо! Стрелок всегда считал, что это глупо, равно как и вообще ношение каких бы то ни было побрякушек. И при чем тут кошка, от которой, якобы, зависела ловкость? У Этея не было амулетов, а ловкостью он славился всегда. И тигр не прибавит смелости, а кабан силы, если на самом деле солдат труслив и

хил… Стрелок хмыкнул, вспомнив, как громили увешанную железками немедийскую армию аквилонцы… Слава Митре, к концу луны, когда от их тысяч осталось не больше сотни, он уже был далеко, в Карпашских горах…

Пока он стоял, скособочившись, и смотрел на гвардейцев, все стрелки уже выстроились в ряд. Улино, хлопнув его по плечу, сердито велел пошевеливаться и идти к ним. Нехотя Этей повиновался. Он не боялся, конечно, что сейчас вдруг кто-то укажет на него пальцем и крикнет: «Вот он! Это он убил Леонсо и Играта! Это он замышляет вонзить стрелу в великого короля Конана!» Чародеев тут не наблюдалось, а значит, и Этея никто не сможет уличить. Ни в чем. Да он пока и не убивал варвара… Встав рядом со своими, он опустил глаза — как это сделали все — и сцепил руки за спиной. Как все же просто лицедействовать в жизни! Даже он, кого болезнь источила и обескровила, с легкостью скроил подходящую случаю мину, застыл, чувствуя, как колыхается в груди сдерживаемый смех… Конечно, гвардейцам пришлось удовольствоваться лишь созерцанием унылых физиономий шутов. А что они хотели? По глазам узнать, не замыслил ли кто дурное? Смешно. Этей в очередной раз удивился людской тупости. Оглядев каждого стрелка, гвардейцы с неудовольствием кивнули старшим и отошли. И это все? Смешно.

Этею даже стало немного обидно. Если бы было хоть чуть риска, насколько бы интереснее развивались события. Сердце ухало бы громко, тяжело; руки дрожали, и ему б пришлось собрать всю свою волю, чтобы никто ничего не заметил… А теперь… Вон, Улино приказывает вернуться и начинать представление. Скучно!

… Повозки выехали на площадь. До начала праздника — а его должен объявить король — еще осталось время. Но люди уже заполнили огромное пространство у южной стены Тарантии, а потому лицедеям пришла пора работать. Этей вздохнул, нацепляя разноцветное тряпье, затем встал на руки и так прошелся по соломе, задевая носками верх повозки. В голове его снова стало пусто и легко. Он вскочил на ноги и засмеялся.

Глава 12

… Огненный шар, накаляя воздух, поднимался над Тарантией. Яркий свет залил всю площадь; ослепительно сверкали праздничные остроконечные шлемы солдат, а на пурпурных одеяниях жрецов Митры переливались всеми цветами радуги мелкие рубины и алмазы.

Ловко обегая гуляющих, по площади сновали босоногие водоносы, сыпали веселыми скороговорками и за медную мелочь готовы были напоить чистой холодной водой хоть самого Нергала. Гораздо степеннее вели себя виночерпии: они спокойно стояли каждый на своем месте и со скучающим видом смотрели в небо — жаждущие находили их сами. Кроме ремесленников, крестьян и всякой швали к ним иной раз подплывала и крупная рыба вроде разряженного в пух и прах купца либо вельможи. Эти платили украдкой, пили украдкой, а потом, озираясь и вжимая голову в плечи, удалялись. Откуда взялась такая скромность — виночерпии понять не могли, да и не хотели. Может быть, бедняги просто не привыкли ходить пешком? Ведь на Митрадесе были строго запрещены всякого рода средства передвижения, кроме собственных ног: для лошадей, колесниц и паланкинов въезд на площадь закрыли еще с раннего утра, и нарушителям грозил непомерно большой штраф.

Любители развлечений собрались вокруг балаганов, кои полукругом расположились на середине поля. На одном высилась пирамида из четырех шутов; каждый из них держал в руках несколько штук ярко-желтых апельсинов и жонглировал ими, время от времени швыряя плоды в самую гущу толпы. На другом смуглый маленький человечек, по виду вендиец, одетый в невообразимое количество красного, белого, синего и черного тряпья, засовывал в высокий ящик пухлую полуобнаженную девицу; она равнодушно смотрела на него сверху вниз огромными рыбьими глазами и с явной неохотой влезала в темницу. Фокусник, завывая нечто вроде заклинаний, тряс руками, шипел и изгибался, затем открывал дверцу, и изумленная публика начинала восхищенно визжать: вместо девицы из ящика выскакивал одноногий старикашка с куцей белой бородкой. Под гром барабанов он скрывался за пологом, а фокусник подмигивал толпе, обещая показать кое-что поинтереснее, но за отдельную плату.

В третьем балагане резвились акробаты. Они расстелили потускневшие от пыли и времени, разрисованные разноцветными звездами полотна прямо на земле и демонстрировали зрителям свое искусство, обдавая их крепким запахом пота.

На повозке четвертого балагана три толстяка занимались глотанием разного рода предметов — от кинжалов и мечей до кожаных поясов, с благодарностью принимая от публики дары повкуснее: куски хлеба и мяса, сладкие плоды и корни, даже целого жареного петуха, преподнесенного им жирной румяной торговкой.

Пятый балаган показывал сценки из жизни купцов. Зрители хохотали до слез, наблюдая, как тощий крестьянин лупит палкой незадачливого кругленького купчишку, отбирает у него кошель с деньгами и затем отправляется в кабак с явным намерением там свою добычу пропить.

Возле торговых рядов гудела толпа, хотя в любой другой день люди могли купить на обычном базаре все то же самое по более низкой цене. Гвардейцы парами и тройками бродили по площади, следя за порядком. Но люди просто гуляли, веселились, и лишь время от времени какой-нибудь разъяренный муж подтаскивал к гвардейцам вора, коего застиг в своем, либо в чужом кармане.

Но все же, несмотря на ясную погоду, хорошее настроение и веселую гульбу, головы аквилонцев и гостей то и дело поворачивались в сторону помоста, на который вот-вот должен был взойти король и трижды ударить в медный гонг, объявляя истинное открытие Митрадеса. Тогда на площадь вывезут бочонки с бесплатным пивом, красивые девушки начнут раздачу свежих булок, а спустя некоторое время повелитель произнесет небольшую речь и в небо полетят стрелы с разноцветными лентами — предвестники мира и отличного урожая. Но солнце уже приближалось к зениту, когда наконец по полю пронеслась весть, что владыка вышел из дворца.

* * *

— Капитан, еще одно убийство… В том же балагане…

Паллантид вздрогнул. Сцепив руки за спиной, он стоял возле помоста, в доски которого вбивались последние гвозди, и ждал появления Конана. Там, за спинами его парней, суетился разноликий, разношерстный люд; гул, то и дело взрывавшийся возгласами, хохотом, назойливо звенел в ушах; по небу плыли, трепеща, лики Митры, нарисованные на тонких, привязанных к шнурам, полотнах.

Холодные бледно-голубые глаза капитана Черных Драконов побелели. Он никак не ожидал подобного известия, и, хотя оно еще раз подтверждало его догадку, пришел в ярость. Гвардеец, от волнения весь пошедший красными пятнами, переминался с ноги на ногу, вопросительно смотрел на него. Но что мог сделать Паллантид? Конан, коего он все утро убеждал не появляться на площади или хотя бы упрятать весь балаган в темницу, упрямо молчал. Он даже не захотел надеть кольчугу под камзол, словно игра со смертью казалась ему необходимым условием жизни…

— Что делать, капитан?

— Кто убит?

— Тот парень, у которого балаган останавливался в Пуантене… Мы согнали всех стрелков в кучу, якобы для проверки, а за это время осмотрели повозки. В одной из них, под соломой, труп…

— Это он… Клянусь Митрой, он.

— Кто?

— Тот, что зарезал Гельде… и своего…

— Да, капитан.

— Ну вот что, Лимус. Если наш король не хочет сам позаботиться о себе, мы сделаем это за него. — Паллантид понизил голос и продолжал. — Возьми пятерых своих парней — только без шума — и поменяй их на стрелков… Да не забудь переодеть их в те же тряпки.

— Я понял, капитан, — повеселел гвардеец, с восхищением глядя на Паллантида. — А куда деть лицедеев?

— Пусть сидят пока в повозке… Под присмотром.

Приняв такое решение, капитан Черных Драконов незаметно вздохнул, чувствуя, как впервые за последние дни напряжение начинает оставлять его. Но только тогда, когда блестящий оранжевый шар — око светлого Митры — уйдет за горизонт, только тогда, когда люди разойдутся по своим домам, а король отправится во дворец в сопровождении гвардейцев, он сможет вздохнуть действительно спокойно. Позже, ночью, он лично проведет

дознание и вытрясет из этих проклятых шутов все…

— О чем задумался, старый пес?

Паллантид резко обернулся. У помоста, ухмыляясь, стоял Конан; он держал под уздцы гнедого трехлетка — подарок из Коринфии — и явно находился в прекрасном расположении духа, о чем капитану поведали веселые огоньки в его синих как штормовая морская волна глазах. Рядом с ним, бледный и мрачный, сползал с пегой кобылки Пелиас, облаченный в серебристо-серую длинную хламиду, ради праздника украшенную золотой цепью с овальным ониксом величиной с перепелиное яйцо. Даже не посмотрев в сторону Паллантида (который приготовил для него взгляд, полный презрения, ибо маг, чьей силы не достало найти убийцу, иного не заслуживал), Пелиас что-то шепнул королю и тот, кивнув, начал подниматься на помост, жестом велев капитану следовать за ним.

Толпа встретила Конана восторженным воем. Балаганы прекратили представление, торговцы оборвали споры с покупателями, радуясь небольшой передышке, а гвардейцы выстроились в шеренги, готовые по первому же знаку капитана начать шествие.

Король взял в правую руку медный молоточек и небрежно, безо всякой торжественности, ударил им в тонкую медную же тарелку; потом еще раз, и еще — толпа взревела, швыряя в воздух куртки, пояса, туфли и сумки; гвардия, чеканя шаг, пошла перед помостом; с юга, востока, севера и запада площади появились телеги, на которых стояли бочонки с пивом, и для них в плотной людской массе тотчас образовались узкие проходы. Вот теперь начался настоящий праздник.

Пелиас, с помоста грустно взиравший на всеобщее веселье, обернулся к Конану.

— Так ты по-прежнему тверд в своем решении, государь?

— По-прежнему, — пожал плечами король, свешиваясь вниз и принимая из рук виночерпия огромный кубок с душистым брандом.

— И все же не откажи мне в одной скромной просьбе, друг мой…

Маг замялся, чувствуя мгновенную перемену в настроении Конана. И точно: раздраженно сплюнув, король открыл рот, намереваясь в подробностях рассказать Пелиасу все, что он думает о нем и его чародейском искусстве, но сдержался, смолчал. Лишь хмыкнул и вновь повернулся к площади, тихо рыча себе под нос всевозможные проклятья.

Пелиас угрюмо взглянул на Паллантида, что посвистывал негромко и равнодушно смотрел куда-то вдаль. Маг покачал головой: вот тебе и верный слуга! Не успеет солнце склониться к горизонту, как его повелителя убьют, а он знай себе качается с пятки на носок да свистит глупую аквилонскую песенку… Сам Пелиас тяжело переживал свой позор. Он обещал Конану отыскать злоумышленника в балагане, но у него ничего не вышло. Не одна ночь прошла в бесплодных усилиях — маг перерыл несколько десятков древних папирусов и свитков, попробовал пару заклинаний, вызывавших на мгновение лик нужного, но еще не известного человека, пытался даже проникнуть в мозг убийцы — все зря. Тот словно был закрыт со всех сторон чьими-то могущественными чарами, и хотя на самом деле это оказалось не так (Пелиас проверил: злоумышленник существовал сам по себе, без посторонней помощи и прикрытия), имя и внешность его остались для мага тайной. Потому и настроение его сейчас было более чем печальное. Он смотрел и не видел, слушал и не слышал, и особенно его почемуто задевало то, что Конан ни единым словом не упомянул о невыполненном обещании.

Между тем веселье на площади разгоралось. Бесплатное пиво сделалосвое дело, и теперь не просто гул — самый настоящий ор заполнил пространство. Орали все: лицедеи,

что с самого начала пытались переманить друг у друга публику, теперь затеяли перебранку, грозящую вылиться в драку; торговцы, коим и полагалось иметь зычный голос, охрипли, в алчном экстазе все повышая цену; горожане и гости орали без всякой причины, не забывая набивать желудки горячей булкой, а булку потом орошать крепким ароматным пивом. Всё было хорошо. Всем было хорошо. Или почти всем…

* * *

Когда к балагану быстрым шагом подошли гвардейцы и приказали стрелкам снять их красные куртки и короткие синие штаны, затем скинули мундиры и брезгливо морщась натянули на себя чужую одежду, в глазах у Этея помутилось от бешенства. Он никак не мог предполагать, что его месть сорвется вот так, в самый последний момент. Он попытался, скривив лицо, канючить, но его попросту отшвырнули в сторону как шелудивого пса. Гвардейцы вообще ни с кем из балагана не разговаривали. Изумленные и перепуганные лицедеи с ужасом смотрели, как они выносят из их повозки труп Играта жуткого сизого цвета с распяленным ртом и скрюченными пальцами, как накрывают его вонючей лошадиной попоной и оттаскивают за поле, как пинками собирают их стрелков и загоняют в ту же повозку… Никто, кроме Этея, не понимал, что происходит. Пожалуй, только Велина бросила на него странный недоумевающий взгляд, но его это уже не волновало. Сидя в грязной соломе с остальными, ошарашенными и потому молчащими лучниками, он думал только об одном: что теперь делать. Времени оставалось совсем чуть, скоро на площадь явится варвар и начнет праздник, а тогда…

Мысль его работала столь лихорадочно, что он вдруг забыл, куда дел отравленную стрелу. Потом, вздрогнув всем телом, вспомнил — влезая в повозку, он успел схватить ее незаметно, обмотать чьими-то штанами, валявшимися на полу, и сунуть за пазуху. Сейчас сия проделка казалась ему безумием: любой мог увидеть, а увидев, понять, кто здесь виновен и в чем. Да и яд у самого живота… Нет, об этом он старался не думать.

Гвардеец, стоящий на страже у входа в повозку, уже несколько раз заглядывал к ним и подозрительно всматривался в физиономии лицедеев. Этею приходилось держать тот же вид — угрюмый, но не более, — что и у его собратьев, а это было нелегко, ибо все нутро его сотрясалось от спазмов и в голове словно поселился рой пчел, которые жужжали и жалили его мозг, пытаясь вырваться на волю. О, он с превеликим удовольствием отпустил бы их, но он и сам был теперь пленником… Этей поймал себя на том, что мысль его приобрела несколько странный характер… Пчелы? Вздор! Если немедленно не взять себя в руки, все может прерваться — и месть, и его жизнь, — но тогда уже окончательно. Пока же, считал он, надежда еще есть.

Он напрягся, пробуя собраться, но лишь покраснел как мак-сонник, растущий в полях Стигии. Гвардеец, в этот момент сунувший голову в повозку, задержал на нем взгляд — стрелок ответил кривой ухмылкой и пожал плечами.

— Пусти на волю, приятель, — просипел он, хватаясь за зад. — А то воздух испорчу.

— Порти, — коротко ответил парень и исчез за пологом повозки.

— Потерпи! — хором приказали шуты.

Этей выругался, затем втянул голову в плечи и смолк. Так он сидел, нахохлившись, из последних сил сохраняя то же выражение лица, что и у собратьев. Внутри его все

содрогалось; казалось, он чувствовал в своем животе чей-то жестокий клинок, медленно проворачивающийся в горячих мокрых кишках. В панике стрелок решил действовать иначе и хладнокровнее. Он мысленно поделил свое тело на сто шестьдесят шесть (для ровного счета он округлил до ста семидесяти) ладоней и, начиная со ступней, стал успокаиваться. Этому трюку научил его в свое время сам Гарет. Для того, чтобы добиться успеха и привести-таки тело в порядок, достаточно было только иметь ясную голову — когда-то для Этея это было наиболее трудным условием, — а тогда уже все получалось быстро.

Когда стрелок дошел до коленей, в животе его вдруг что-то хлюпнуло, совсем тихо и почти не больно, но вслед за тем дикая резь обожгла внутренности и скрутила его уже по-настоящему. Он выпучил глаза и упал в солому, прямо под ноги лицедеям. Корчась, он так страшно стонал, что собратья, в панике отшатнувшиеся от него в первый момент, заорали, призывая гвардейца и остальных на помощь.

Стрелок не кричал — от боли у него перехватило дыхание. Но он слышал все, что происходило рядом. И тогда в воспаленном и истерзанном мозгу его вновь появилась дикая мысль: бежать. И опять, извиваясь на полу, рыча от мучительной рези, он почувствовал на губах своих улыбку… Шуты визжали и плакали, волоча его по шершавому грязному полу, молодой розовощекий гвардеец в растерянности оглядывался на площадь, где был, как видно, его капитан, а Этей, оскалившись, невидящими глазами смотрел вверх — на Митру, на Эрлика, на высокие небеса, что обрекли его на столь жуткий и позорный конец, позволив только приблизиться к цели, но не достичь ее…

* * *

Фокусник уже изнемогал. Он показал ненасытной публике все свои трюки, а она требовала еще и еще. Все лица перед повозкой слились для него в одну огромную, красную, рычащую рожу, из пасти которой изрыгались всякого рода непристойности и ругательства. Собратья пытались заменить его, но обычных лицедеев на площади было полным полно, а вот фокусник-вендиец единственный, так что приходилось снова и снова выходить к этим недоумкам и дурить их, что не составляло особого труда, но утомляло однообразием.

Он и впрямь умел творить чудеса — вот на его ладони вспыхивал крошечный костер, куда он другой рукой начинал бросать тонкие щепки, разжигая пламя; вот он доставал изо рта золотую статуэтку Иштар с огромным животом — такие делают в Шеме — и та вдруг, к священному ужасу и восторгу публики, гнусавым голосом умоляла их: «Денег, денег дайте! Монет! Много! Дайте!» Зрители ревели словно стадо слонов, но денег не давали, отчего Иштар, по всей видимости, становилось очень грустно, и она замолкала, не произнося более ни слова. А вот вендиец швырял в небо свой длинный шелковый пояс — на миг загораясь в солнечном луче всеми цветами, он падал вниз, в руки фокусника, уже змеей, что блестела холодной кожей и высовывала жало, извиваясь злобно глядя на человека маленькими глазками.

Время от времени спрыгивая с повозки на землю, фокусник хватал приготовленную для него кружку с водой (через раз там было пиво), быстро опустошал ее, и опять залезал наверх, проклиная в душе своего отца, научившего его столь прибыльному ремеслу, а также себя самого, десять лет назад собравшего в Туране балаган. Не лучше ли было заняться чем-либо иным? Впрочем, он давно привык к тому, что его искусство вызывает у простого люда такой

неизменный интерес. Главное — чтобы платили деньги! А поскольку платили они безропотно, он был готов показать им все фокусы, что знал. Но, разумеется, не целый день!

На сей раз дела обстояли совсем неважно: денег публика уже не платила, а зрелища требовала, угрожающе потрясая пустыми глиняными кружками. Вендиец понимал, что если он позволит себе бездельничать, эти снаряды полетят в его голову, а потому довольствовался тем, что тихо поносил зрителей со всем их потомством, не забывая при этом чарующе улыбаться им, и вновь взмахивал платком, начиная очередной фокус.

Но силы были на исходе. Обливаясь потом, чувствуя, как в глазах начинает двоиться и троиться, он с нетерпением ждал, когда наконец король соизволит произнести приветственную речь — за это время он мог бы отдохнуть, а после, пустив в небо стрелу, под шумок убраться отсюда.

— Хадж Матхаралла, — запинаясь, позвал его акробат Янго. За шесть лет недоумок так и не смог научиться произносить его имя быстро и четко.

Вендиец спрыгнул с повозки, хватая из рук Янго кружку с водой; улыбка тут же исчезла с его лица, сменившись злобной гримасой. Шипя и скрежеща зубами, фокусник выпил воду, от всей души желая публике немедленно провалиться в царство Нергала, и полез было снова наверх, но акробат остановил его.

— Хадж Матка… Матра… харалла… — пробормотал он, со страхом глядя на хозяина, чей угрюмый и вспыльчивый нрав не на шутку пугал его. — Там пришел… лицедей… Чужой…

— Какой еще чужой лицедей? — вендиец поднял маленькие кулачки и поднес их к носу парня, который был гораздо выше и здоровее его. — Что ты несешь, ублюдок?

— Он сказал… Ему сказали… Стрелять…

— Куда стрелять? — фокусник обернулся к рычащей публике и послал ей свою самую очаровательную улыбку.

— В небо.

— Зачем?

— Как положено… Хозяин, он… Из другого балагана. Говорит, гвардейцы короля послали его к нам — заменить того, кто плохо стреляет. Я подумал… Ты же плохо стреляешь?

— Плохо, — оживился Хадж Матхаралла. Если чужой действительно встанет в ряд лучников вместо него, он сможет ускользнуть с площади незаметно! — Давай его сюда! Скорее!

Янго свистнул. Брезгливо морщась, вендиец смотрел, как из-за повозки выходит тощий лицедей, одетый в невообразимое тряпье; он был так жалок, что Хадж Матхаралла хотел было отослать его прочь, но в этот момент монотонный шум вокруг неожиданно смолк и с помоста раздался сильный, чуть хрипловатый голос аквилонского короля.

Глава 13

— Аквилонцы!

При первых звуках сильного, чуть хрипловатого голоса Конана, что разнесся по площади, эхом отозвавшись со всех ее концов, народ притих. Головы повернулись к помосту, на коем возвышалась огромная фигура короля; в черной гриве повелителя Аквилонии сверкал тонкий золотой обруч, могучие плечи обтягивал темно-синий бархатный камзол, а ноги — того же цвета бархатные штаны, заправленные в высокие сапоги; на кожаном широком поясе в ножнах, усыпанных дорогими каменьями, висел булатный клинок — недавний подарок графа Троцеро Пуантенского.

Рядом с Конаном стояли Пелиас и капитан Черных Драконов. Маг, посеревший от волнения, рыскал глазами по площади, словно надеясь, что в последний момент ему все же удастся увидеть злоумышленника и остановить его. Паллантид, успокоенный своей хитростью, напротив, был уверен, что убийца сидит в своей повозке, а потому с королем ничего не случится. Но на Пелиаса он то и дело бросал презрительные взгляды, хотя тот и не думал смотреть в его сторону. Занятые своими мыслями, оба не слушали, что говорит владыка. А говорил он совсем не то, что ожидали они и народ на площади.

— … Я знаю, что войнам и мятежам еще не конец. Не раз на Аквилонию волей богов обрушится беда, ибо в мире должно быть Равновесие, и добро должно сменяться злом. Но, клянусь Кромом, и зло не бывает вечным! Пока есть отважные сердца, ясные головы и сильные руки, Сет и Нергал не станут властителями мира! И я хочу, чтобы вы запомнили, аквилонцы: Митрадес — праздник начала, но не завершения…

… — Что он несет? — удивленно помотал головой вендиец и, с ненавистью посмотрев на стрелка, шепотом обратился к Янго. — Нам что, еще и одеть его надо?

— Оденем, — ответил акробат и незаметно подмигнул Этею. — Барахла полно, сейчас найду что-нибудь подходящее…

Он нырнул куда-то вниз, за повозку, и вскоре появился с огромным тюком в длинных мускулистых руках.

— Иди сюда, приятель, — вытряхнув из тюка целую кучу всевозможного тряпья, он начал примеривать к Этею куртки и штаны, покрытые пылью и изъеденные тканеядными насекомыми. Наконец Янго выбрал подходящую по цвету и размеру одежду, швырнул ее стрелку и отправил его за повозку, переодеваться.

Гневно шипя, фокусник проводил его взглядом, продолжая вслушиваться в слова короля. Он и сам не понимал, чем он недоволен теперь. Денег за Митрадес он насобирал больше, чем за всю прошедшую луну, так что через пару дней можно будет осуществить давнишнюю мечту — отправиться в Вендию со всем балаганом и там, если повезет, остаться. Впрочем, в Вендии таких фокусников как он столько, сколько в поле колосьев…

Король заканчивал свою речь. Пора было выставлять на повозку лучников, а самому незаметно смешаться с толпой, что разинула пасть, внимая каждому слову повелителя, и потихоньку скрыться. Какая удача, что появился этот парень… Он встанет в ряд стрелков вместо него.

— Янго! Янго, собачий сын! — зашептал фокусник, потрясая кулачками.

Акробат подбежал, преданно уставился в глаза хозяину.

— Гони парней на повозку. Сейчас будет гонг, сразу после него надо стрелять.

— Я знаю. Ты уходишь?

— Да. Найдете меня в харчевне «Золотое бревно».

— Когда?

— Не раньше сумерек. Подергайтесь еще, может, что и перепадет…

Последние слова он произнес, исчезая в толпе. Янго посмотрел ему вслед, сплюнул, подавляя желание догнать вендийца и врезать ему под зад ногой, и быстро пошел за повозку. Там тихо ржали лучники, пугая друг друга стрелами и пинаясь. Акробат внимательно оглядел каждого, особенно новичка, который веселился больше всех, и сделал знак подниматься на повозку. Затем он подхватил свой лук, проверил, хорошо ли привязаны к стреле разноцветные ленты, и вслед за остальными запрыгнул наверх.

* * *

— Трудитесь во имя жизни, воюйте во имя жизни, и тогда Митра не оставит нас!

Этими словами король закончил свою речь. Затем он замер на миг и, не двигаясь с места, хотя должен был сделать шаг назад, махнул рукой. Паллантид, вдруг побледневший словно осеннее небо, схватил молоточек и резко ударил в гонг. Пелиас отвернулся.

На повозках пяти балаганов лучники вскинули вверх свое оружие и стрелы, трепеща в воздухе длинными, широкими, разноцветными лентами, полетели к небесам, дабы напомнить светлому Митре об Аквилонии, что зовется жемчужиной Запада и желает мира и благоденствия…

Толпа взревела. Тысячи глаз следили за полетом стрел, что, минуя лики Митры, плавающие над площадью, сгинули в голубой выси. И только акробат Янго из туранского балагана не смотрел вверх. Встав на одно колено, он наклонился над парнем, которого прислали гвардейцы, и удивленно вглядывался в его лицо.

Как только ударил гонг, этот рыжий, подобно остальным, вскинул свой лук, но в тот же миг коротко всхлипнул и, так и не пустив стрелу, рухнул на деревянный пол повозки. Глаза его закатились, обнажив покрытые мутной пленкой белки; на углах рта пузырилась пена, а руки и ноги мелко и как-то прерывисто дрожали.

Янго поднял голову и растерянно оглянулся. Со всех сторон к ним бежали гвардейцы, и на их лицах он увидел отражение собственных чувств. Следом неуклюже поспешал какой-то толстяк в шутовском тряпье; плача и что-то крича, он расталкивал народ, а за его широкой спиной сюда же устремлялись смуглая женщина и несколько парней.

Гвардейцы оттолкнули Янго и окружили тело рыжего. Тот уже не двигался. Блекло-голубые глаза его в красных ресницах мертво смотрели в небо, а из-под приоткрытых бледных, уже посиневших губ, виднелись мелкие ровные зубы.

— Мадо… — прошептал толстяк, опускаясь на колени рядом с телом рыжего. — Зачем…

Он приподнял его, на мгновение прижал к себе. Затем, взревев, швырнул его под ноги гвардейцам, прикрыл лицо пухлой рукой и тяжело поднялся.

— Улино, это сделал он? — тихо спросил его соломенноволосый красавец.

В полном молчании шуты смотрели на маленькое, тощее, покрытое побледневшими кровоподтеками от недавней драки тело Мадо. Губы его, искривленные то ли смертью, то ли жуткой улыбкой, застыли так навсегда. Скрюченные пальцы правой руки крепко держали

стрелу, которую осторожно, стараясь не коснуться наконечника, вынимал сейчас молодой розовощекий гвардеец.

— За мной, псы… — не ответив красавчику, хрипло пробормотал толстяк, грузно переваливаясь через край повозки.

Лицедеи, опустив глаза, словно боясь увидеть последний раз мертвое тело собрата, друг за другом соскочили на землю. Посмотрев им вслед, рослый гвардеец пожал плечами, ногой скинул шута вниз, потом спрыгнул сам и, ухватившись за рыжие волосы, поволок труп через толпу, в ужасе расступавшуюся перед ним.

Янго, который так ничего и не понял, глубоко вздохнул: пора продолжать представление, хотя теперь уже вряд ли удастся что-нибудь заработать…

* * *

— Ты видел его, владыка? — возбужденно спросил Конана Пелиас.

— Видел…

— И узнал?

— Нет. Я мог бы поклясться бородой Крома, что никогда не встречался с этим парнем. Но если он хотел отправить меня на Серые Равнины… Не знаю, Пелиас… Я его не помню…

В любимых покоях короля был полумрак. Лишь в одном светильнике тускло поблескивал огонек, почти не освещая комнату. Тишина, особенно приятная после монотонного, ни на миг не прекращающегося гула Митрадеса, успокаивала, убаюкивала. Паллантид, усаживаясь рядом с королем и демонстративно вполоборота к магу, взял со стола кубок, наполненный красным офирским, и негромко произнес:

— Я думаю, государь, он и не был знаком с тобой. Просто ему нравилось убивать…

— Но причем тут я?

— Ты король!

— Мало ли королей… Пелиас был прав, скорее всего, когда-то я перешел ему дорогу и он ждал подходящего случая, чтобы отомстить.

— Ублюдок, — проворчал капитан. — Нашел подходящий случай — Митрадес!

Все замолчали, наслаждаясь вкусом и ароматом старого вина. Но, может быть, причиной молчания троих мужчин за одним столом было не вино… Конан, все возвращаясь мыслями в прошлое, вспоминал голоса и лица, и чаще почему-то Королеву Черного Побережья — темноглазую Белит, да сурового мунгана Гарета, когда-то снявшего его с креста… Ему виделись и другие, но туманно, призрачно… Эти же — так ясно, будто сидели здесь же, с ним, как сидят сейчас Паллантид и Пелиас.

Капитан Черных Драконов, сердце которого все еще громыхало в груди — узнав, что убийца сбежал и лишь каким-то чудом король остался жив, он едва не умер сам, — Паллантид не уставал проклинать собственную глупость, чуть не погубившую Конана. Он должен был сам, сам пойти к этому балагану! Уж он бы глаз не спустил с недоносков! И пусть бы рыжий хоть сгорел дотла на его глазах — он бы остался стеречь его кости…

Пелиас задумчиво смотрел на свои холеные руки, словно в них надеясь найти разгадку. Кто был сей шут… кажется, Мадо? Откуда он? Что скрыло его от магического искусства? Вряд ли на эти вопросы когда-нибудь найдется ответ… Но то, что где-то там, далеко, в неведомых мирах, существует сила, несравнимая ни с какой магией — это он знал теперь

совершенно точно. Впрочем, он и раньше был в той силе уверен, только не имел случая убедиться… Как странно, что он, маг, открывает для себя эту простую истину только сейчас и таким сложным путем, а для варвара, в жизни своей не прочитавшего и трех слов, она была непреложна. Недаром доверился суду Митры, порывшись в своем прошлом и, видимо, что-то там обнаружив… Но Пелиас был рад, искренне рад тому, что Конан остался жив. Почему-то ему нравился этот могучий синеглазый великан, беспрестанно поминающий Крома и даже на королевском престоле не оставивший своих прежних, не слишком-то милых привычек. Драться, браниться, пить… О, Митра, и за что ты любишь Конана-варвара?

Солнце за окном уже клонилось к горизонту, озаряя комнату сквозь светлокрасную занавесь багровым светом. Прищурившись, маг долго вглядывался в уплывающий шар, пока в глазах его не зарябили красные искорки. Тогда он обратил взгляд к Конану, улыбнулся ему и сказал:

— … Митра любит тебя, друг мой. Клянусь Кромом.

.